

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   И С Т О Р И И   М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й   К У Л Ь Т У Р Ы   И М Е Н И   Н . Я . М А Р Р А

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА   1947   ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:
С. Н. Бибилов, С. В. Киселев,
А. Л. Монгайт, С. А. Тараканова

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. Т. Попова*. Техн. редактор *О. В. Замышкина*. Корректор *Н. Н. Певцова*.
Л-07160. Издат. № 977. Тип. заказ № 262. Полп. к печ. 21/VI 1947 г. Формат бум. 70×108/16.
Печ. л. 11¹/₂+2 вкл. Уч.-издат. 17,75. Тираж 3000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

*ПАМЯТИ
ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА
ГОРОДЦОВА
(1860—1945)*

В. А. ГОРОДЦОВ

прежде всего от того, что Василий Алексеевич свои знания и опыт, свои частные наблюдения всегда стремился передать другим. Он мог часами с увлечением говорить о любимом предмете в любой аудитории и всегда был понятен слушателям. Его объяснения раскопок местным жителям были образцом научной популяризации. Это мастерство он внес и в свою музейную работу. Залы Исторического музея, экспозиция которых была организована Василием Алексеевичем, привлекали десятки тысяч посетителей.

Страстный пропагандист археологических знаний, В. А. Городцов обладал огромным запасом сведений во всех разделах археологии, являясь подлинным энциклопедистом. Эта широта отразилась и на темах его печатных работ, которых вышло свыше 180. Общеизвестны его фундаментальные труды по палеолиту — как сводные, так и посвященные монографическому описанию памятников, всегда оригинальному, хотя, может быть, иногда и спорному. Неолит Восточной Европы вообще не был обследован в целом до В. А. Городцова, заложившего основы его классификации. То же в еще большей степени можно сказать об эпохе меди и бронзы. Здесь Василию Алексеевичу бесспорно принадлежит первое место выдающегося классификатора древних культур евразийских степей и зоны лесов. Его приемы хронологических определений также выдерживают испытание временем.

Среди исследований памятников эпохи железа особо следует отметить исключительные заслуги В. А. Городцова в изучении Дьяковских городищ, которые он интерпретировал совершенно по-иному и в хронологическом и в культурно-историческом отношении.

Можно также указать и на большие заслуги В. А. Городцова в изучении Кавказа, Сибири и Поволжья. Широко известны его работы по муроме и татарам (раскопки Мажар). Немало сделал В. А. Городцов и в области изучения славянских древностей. Всегда будут возвращаться к раскопкам Василия Алексеевича в Старой Рязани, где он мастерски воссоздал картину древнерусской улицы XIII в. В. А. Городцову обязаны мы и новым отношением к славянским курганам, которые он учил раскапывать с максимальной точностью. В. А. Городцов считал необходимым привлечение смежных дисциплин для успешного «чтения иероглифов прошлого» — археологических памятников. Блестящим примером такой практики является замечательная работа Василия Алексеевича над русским народным шитьем. Изучая его содержание, он неопровержимо доказал глубокую и тесную связь русского народного искусства с дако-сарматской древностью, указав пути этногенетических исследований славянства.

А сколько отдельных вещей мастерски описал В. А. Городцов! Он умел заставить одинаково убедительно рассказывать о далеком прошлом и палеолитические резцы, и рогатины XVII в.

Василий Алексеевич Городцов, славный сын русского народа, который он так горячо любил, был истинным патриотом своего отечества. Поняв все значение для России Великой Октябрьской социалистической революции, он весь отдался строительству новой археологической науки и музеев и сделал в этой сфере очень много.

Во время Великой Отечественной войны В. А. Городцов, несмотря на мучительную болезнь, до конца оставаясь на своем посту мужественного патриота, ученого-большевика. Он почти до самой смерти читал лекции, работал над своими докладами и собственноручно переписал составленный заново второй том своей «Археологии», посвященный эпохе бронзы.

С необыкновенным энтузиазмом встречал он вести о великих победах Красной Армии. В. А. Городцов всегда был уверен, что его народ, величие которого он отдал все свои силы и знания, победит.

Редакция

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

М. Е. ФОСС

О ДАТИРОВКАХ НЕОЛИТА ПО ДАННЫМ ЕСТЕСТВЕННЫХ
ДИСЦИПЛИН*(Доклад прочитан в секторе первобытной археологии 16 апреля 1945 г.)*

Неолит до последнего времени представляли, по сравнению с другими эпохами, в лучшем случае лишь по стадиям: ранний, поздний, реликтовый неолит. Каждая из таких стадий характеризовалась в общих чертах, без анализа форм предметов, техники изготовления, стиля орнамента и т. п., и неолитические памятники не имели поэтому места в общей хронологической сетке. Если и были попытки определения их возраста, то делалось это скорее интуитивно, без достаточного обоснования, и датировка оставалась очень проблематичной.

Систематическое исследование, произведенное за последние десятилетия в целом ряде областей — в Северной и Центральной частях РСФСР, в Карельской ССР, на Среднем Урале, а также в Восточной Сибири, позволило подойти к выяснению последовательности неолитических памятников во времени. В отличие от досоветского периода, в изучении их следует отметить участие представителей естественных наук. Особенно широко был применен комплексный метод на Европейском Севере. Здесь, в силу специфических особенностей, отмечается ряд явлений в природе в период неолита: подъем и опускание суши, изменения уровня вод, изменения климата в сторону увлажнения или сухости, потепления или похолодания, перемены в растительном и животном мире. Используя подобные явления для выяснения возраста памятников, исследователи Севера оказались в более выгодном положении по сравнению с исследователями остальной территории СССР. Кроме того, северные районы были удалены от древних магистралей, и здесь культуры сохранили свой облик почти в неприкосновенном виде, обнаруживая лишь незначительную примесь посторонних элементов, что облегчало задачу не только в отношении датировки, но и по выявлению культур и выяснению их периодизации. В связи с этим мне представляется более целесообразным начать работу по уточнению хронологии неолита с исследования материалов Севера.

Отмечая положительную сторону комплексного изучения, все же необходимо указать, что нередко, ориентируясь при датировках на явления природы, упускают из вида, что они протекали не везде одинаково. Высокое расположение стоянок над уровнем Ледовитого океана, Белого моря, Ладожского озера указывает на древность памятников, но на Онежском озере,

на юго-восточном берегу его, наблюдается обратное явление: стоянки, находящиеся ниже, древнее, чем расположенные выше (например, близ с. Вознесенья). Здесь, по К. К. Маркову, уровень озера во второй половине суббореального периода стал повышаться, и, в связи с этим, поселения переносились на более высокие места. Таким образом, для более правильной ориентировки в наблюдениях подобного рода явлений необходимо прежде всего выяснение местных особенностей.

В явлениях природы, кроме того, не всегда наблюдается непрерывность и равномерность. В суббореальный период, характеризуемый на Севере вообще сухим климатом, происходили, что видно по работам К. К. Маркова, значительные колебания в сторону увлажнения. Правильность его выводов подтверждается данными раскопок торфяной стоянки Нижнее Веретье. Такое частное явление при недостаточном количестве фактов может привести к неправильному выводу — отнесению памятника (по признаку влажности) к более позднему времени — субатлантическому периоду.

Нельзя также не отметить, что и самые выводы естественных дисциплин не всегда бесспорны, на что указывают разногласия исследователей по поводу одних и тех же фактов. Б. Ф. Земляков принимает уровень максимума ладожской трансгрессии у Негежмы 22—24 м,¹ а по данным К. К. Маркова эта цифра представляется абсурдной:² при таком уровне озеро, бывшее на месте Ладожского, не могло бы существовать и вылилось бы в Финский залив, так как высота водораздела равнялась лишь 18 м. Причина ошибки, по мнению Маркова, кроется в том, что Земляковым не было принято во внимание переувлажнение береговых валов, давшее значительное повышение берега, и таким образом уровень был превышен на 4—6 м.

Несмотря на все это, наблюдения над явлениями природы, ведущиеся параллельно археологическим работам, представляют огромный интерес, позволяя по-новому осветить археологический материал, дать объяснение явлениям, остававшимся до этого непонятными, и наметить относительную хронологию.

В самом начале изучения северного неолита, в конце прошлого века, уже были попытки обосновать датировку не только на археологическом материале. К. П. Рева, исследуя беломорские стоянки, высказал интересные соображения по поводу расположения стоянок на различных рядах дюн у р. Галдарей: «На дюнных буграх,— пишет Рева,— располагались древние поселения, которые, по мере того как отступало море, переносились ближе к нему... Таким образом, между дюнными буграми и поселениями на них людей каменного века возникает связь во времени, т. е. на дальних, а следовательно, на более древних рядах бугров лежат стоянки древнего периода, или, наоборот, на ближних к морю буграх расположены и стоянки недавней относительно эпохи».³ Сопоставление археологических комплексов шестого и третьего ряда дюн показывает правильность выдвинутого положения — хронологическое различие налицо.⁴ То же можно сказать и о пятом ряде дюн. Хотя количество находок здесь очень незначительно, но, судя по орнаменту керамики, эта стоянка занимает промежуточное положение не только по месту, но и по времени.

В. А. Городцовым был произведен ряд наблюдений в среднерусской

¹ Б. Ф. Земляков. Негежемская неолитическая стоянка. Тр. Ком. по изуч. четверт. пер. АН СССР, т. II, 1932.

² К. К. Марков, В. С. Порецкий и Е. В. Шляпина. О колебаниях уровня Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время. Тр. Ком. по изуч. четверт. пер., т. IV, стр. 98, 1934.

³ К. П. Рева. Следы доисторического населения Архангельской губернии, стр. 25. Архангельск, 1898.

⁴ М. Е. Фосс. Беломорская культура. Докл., прочит. в ИИМК АН СССР 28 августа 1944 г.

полосе над различными отложениями — озерными и речными, в связи с выяснением их возраста и установлением натурального масштаба времени.¹

Исследователями было обращено внимание и на расположение стоянок над уровнем водоемов. Различная высота их давала основание различным датировкам. К сожалению, неточность измерения высот местонахождений стоянок иногда приводит исследователей к разногласиям. По мнению А. Я. Брюсова, почти все беломорские стоянки расположены на 12—13 м над уровнем моря; исключением являлись три пункта: Тамица, Пушлахта и Вейга, находящиеся ниже.² В. И. Смирнов, ссылаясь на личные наблюдения (у сс. Красной Горы на р. Чухче, Неноксы, Зимней Золотицы)³ и наблюдения М. А. Лавровой (у р. Малого Серта, с. Дуракова, р. Люлинка)⁴ дает высоту 4—6 м, что разнится вдвое и втрое. Очевидно, замеры производились не всегда с применением инструментальных приборов, и поэтому в отношении беломорских стоянок возможно лишь общее суждение.

Заселение дюн Белого моря приурочивается М. А. Лавровой к суббореальному периоду, когда вторая терраса только начинает освобождаться из-под воды и человек был принужден селиться на верхней террасе. Подобно К. П. Рева, Лаврова полагает, что, по мере отступления моря, происходило передвижение поселений ближе к берегу, и поэтому ближайшие к морю стоянки являются более молодыми. Однако теоретически можно представить заселение дюн, удаленных от моря и в более позднее время, так как стимулом к выбору места являлась близость к пресной воде — к реке, морская же охота и рыбная ловля не имели решающего значения в переносе стоянки на расстояние в 200—300 м. Местонахождение стоянок поэтому не может послужить безусловным признаком их возраста, хотя, в общем, сопоставление высотных данных с археологическими не приводит к выводу о противоречии их; поздний этап беломорской культуры прослеживается на памятниках, отличающихся более низкими высотными показателями, ранний — более высокими. Относительно археологических датировок беломорских стоянок существует целый ряд мнений. К. П. Рева датировал их каменным веком.⁵ В. А. Городцов, высказывая сомнение по поводу древнего возраста, допускал существование их в эпоху металла.⁶ А. Я. Брюсовым⁷ и в начальной моей работе⁸ беломорские стоянки датированы последними столетиями II тысячелетия до н. э., что в свое время вызывало возражение со стороны А. В. Шмидта.⁹ Но эти датировки не были достаточно обоснованы, и большею частью материал рассматривался суммарно, хотя В. А. Городцов различал более раннюю керамику (рр. Люлинка и Галдарея) и более позднюю (с этих же мест и р. Лопшеньги, а также у с. Красная Гора).

В настоящее время в итоге беломорских работ намечаются этапы развития беломорской культуры с абсолютной хронологией,¹⁰ устанавливаемой

¹ В. А. Городцов. К вопросу об установлении натурального масштаба времени... Тр. секц. археол., т. II, РАНИОН, 1928.

² А. Я. Брюсов. Отчеты в архивах ИИМК АН СССР и в Историческом музее.

³ В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников беломорского побережья Северной области. Сов. археол., т. IV, 1937.

⁴ М. А. Лаврова. О древних дюнах Онежского полуострова. Докл. АН СССР, стр. 216, 1928.

⁵ К. П. Рева. Указ. соч.

⁶ В. А. Городцов. Заметка о доисторических стоянках на побережье Белого моря. Древности, т. XIX, № 2, стр. 71—77, 1901.

⁷ А. Я. Брюсов. Что представляют собой стоянки на Летнем берегу Белого моря. Тр. секции археол., т. III, РАНИОН, М., 1928.

⁸ М. Е. Фосс. Стоянка на Летнем берегу Белого моря у р. Галдарен. Сб. «К десятилетия Октября», ГАИМК, М., 1928.

⁹ А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском заливе. «Кольский сборн.» Изд. АН СССР, стр. 157, 1930.

¹⁰ М. Е. Фосс. Указ. доклад.

не только на археологическом материале, но и по стратиграфии, послужившей для выяснения конечной даты беломорской культуры. В разрезе беломорских дюн повсюду наблюдается одна или несколько углистых прослоек, представляющих гумусный горизонт. Интересно отметить, что культурные остатки находились только под самой нижней прослойкой, являющейся погребенным растительным слоем, образование которого, по мнению М. А. Лавровой,¹ произошло во время, характеризующееся увеличением влажности климата и уменьшением силы ветра, т. е. в субатлантический период, датируемый 750—500 гг. до н. э. Исходя из этого, существование беломорских поселений ограничивается временем, предшествующим образованию самого нижнего гумусного горизонта, т. е. время около середины I тысячелетия до н. э. является пределом беломорской культуры. Эта дата не противоречит и археологическим данным.

Большая работа была проделана и по определению геологического возраста неолитических стоянок в Прионежье, Ленинградской области и на Рыбачьем полуострове.² На основании измерения высоты расположения стоянок над уровнем водоемов, Земляковым была произведена попытка установления последовательности их во времени. Признавая ценность произведенных исследований, приходится все же отметить и отрицательные моменты в работе: иногда ошибочность наблюдений, как это было с Негежемской стоянкой, иногда некоторую поспешность в заключениях, примером чему, как мне кажется, может послужить датировка находок Рыбачьего полуострова. Здесь обнаружены на различной высоте (от 20 до 60 м над уровнем моря) каменные орудия, относимые Земляковым к мезолиту Балтики. Между тем, почти все находки обнаружены на поверхности, и только в исключительных случаях указывается наличие предметов в слое крупного галечника, но на столь незначительной глубине (в среднем 5—10 см), что правильным было бы предположить, что они попали в галечник с поверхности. Нет основания поэтому рассматривать галечник как культурное наслоение, и определение возраста находок по стратиграфическим данным отпадает.

По той же причине представляется необоснованной датировка по высотным данным. Земляков, ссылаясь на наблюдения, произведенные в Финляндии и Норвегии, где открыты местонахождения каменных орудий при аналогичных условиях, переносит западную датировку на Рыбачий полуостров. Но в Фенно-Скандии отмечается повторяющееся с поразительной точностью исчезновение ряда характерных древних форм на более молодых ярусах, что и послужило основанием к заключению о возможности определить возраст находок по высотным данным.³ На Рыбачьем же полуострове, при сходстве условий местонахождений каменных орудий с Фенно-Скандией, такого строгого соответствия между открытыми археологическими комплексами и высотными данными не отмечено, и поэтому датировка «аркти-

¹ М. А. Лаврова. Указ. соч., стр. 28.

² Б. Ф. Земляков. Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в последлениковое время. Докл. АН СССР, № 5, 1928.

Его же. Негежемская неолитическая стоянка. Тр. Ком. по изуч. четверт. пер., т. II, изд. АН СССР, 1932.

Его же. Геологическая история Карело-Финской республики в четвертичное время... Кр. сообщ., вып. VII, 1940.

Его же. Геологические условия нахождения неолитических стоянок Прионежья. Бюл. Ком. по изуч. четверт. пер., № 6—7, 1940.

Его же. Арктический палеолит на Севере СССР. Бюл. Ком. по изуч. четверт. пер., № 6—7, 1940 и СА. т. V, 1940.

Его же и И. М. Покровской. О геологическом возрасте неолитической стоянки на р. Кузнечихе в г. Архангельске... Кр. сообщ., вып. IX, 1941.

³ V. Tanner. Notes sur la position chronologique des trouvailles préhistoriques par rapport aux étages géologiques..., Aikakanskirja, т. XXXIX, Helsinki, 1935.

ческого палеолита» представляется суммарной и малоубедительной. Археологические «комплексы» Рыбачьего полуострова, отличающиеся исключительным своеобразием, представляют соединение древних типов каменных орудий (ручные ударники) с поздними (ножевидные пластины, наконечник стрелы со сплошной ретушью по поверхности) и поэтому тоже не могут быть привлечены как датирующие предметы. Своеобразный характер этого «комплекса» усугубляется материалом орудий, изготовленных большей частью из кварца, мало выразительного в отношении морфологических черт, приемов обработки и т. п.

Попутно с этим возникает вопрос, являются ли места находок поселениями, или это мастерские. Среди огромного количества осколков найдено сравнительно мало орудий; размеры площади находок поражают своей незначительностью — в среднем от 20 до 100 кв. м. Цифры сами по себе настолько красноречивы, что по ним можно судить о характере памятников. Кроме того, отсутствие на «стоянках» каких бы то ни было следов, указывающих на длительное пребывание на месте, в виде жилищ, очагов или кострищ, которые могли бы сохраниться, так как, по наблюдениям Землякова, «стоянки» не были размыты водой, наконец, отсутствие культурного слоя, обычно обнаруживаемого на местах с поселениями, приводит к заключению, что памятники Рыбачьего полуострова, повидимому, не были поселениями. «Арктический палеолит» остается пока неопределенным и в отношении возраста, и в отношении места среди культур Севера.

Кроме работ, связанных с геологическими наблюдениями, в целях датировки производились исследования остатков древнего растительного мира. И в этой области достигнуты были большие положительные результаты: определены климатические периоды по наличию различных видов растительных остатков и различному процентному их соотношению. Не преувеличивая, можно сказать, что исследование неолитических памятников, находящихся в слое, сохранившем какие-либо остатки древней растительности, без участия палеоботаников, в настоящее время — редкое явление. Начало этой работы положено было В. С. Доктуровским (Льялово),¹ затем продолжали ее Д. А. Герасимов и С. Н. Тюренов (Горбуновский торфяник,² Веретье³ и др. места), Б. Ф. Зсмяков, И. М. Покровская (Карелия, Ленинградская и Архангельская обл.) и др. Возник вопрос о применении схемы Блитта — Сернандера к среднерусской полосе.⁴

В результате всех этих работ в настоящее время вырабатывается шкала с относительной хронологией неолита. Параллельно с этим ведется изучение остеологического материала, позволяющее судить о животном мире и его изменении — исчезновении одних видов и появлении других, в связи с изменениями климата. С похолоданием, например, в субатлантический период замечается переселение теплолюбивых рыб из северных водоемов в более южные широты.⁵ Таким образом, изучение костей, как и палеоботанических остатков, может привести к определению времени существования памятников.

В связи с этим вырабатывается не только шкала с относительной хронологией неолита, но попутно производится реконструкция природных условий, ландшафта, той реальной обстановки, в которой создавалась материальная культура.

¹ В. С. Доктуровский. Из истории образования и развития торфяников в России. Торфяное дело, № 2, 1924.

² С. Н. Тюренов. Торфяные месторождения, гл. VII, раздел 10. М.—Л., 1940.

³ М. Е. Фосс. Стоянка Веретье. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941.

⁴ О. Н. Бадер. Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматологической схемой Блитта — Сернандера. Бюл. ком. по изуч. четверт. пер., № 6—7, 1940.

⁵ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 26—27.

Из всех не археологических данных, которые позволяют судить о времени существования памятников, бесспорно наиболее важна стратиграфия, особенно в тех случаях, когда стоянка существовала с перерывом, во время которого произошло нарастание слоя без отложения культурных остатков. Но наличие стерильного слоя, со всей очевидностью демонстрирующего разницу во времени культурных наслоений, наблюдается чрезвычайно редко. Известно всего три пункта: торфяник Веретье, нижний слой которого образовался в суббореальный период, приблизительно в конце III — начале II тысячелетия до н. э., а верхний — в субатлантический период, датируемый временем около середины I тысячелетия до н. э.; г. Череповец, где открыта тоже двуслойная стоянка, остающаяся до сих пор неисследованной, и «Бесовы следки», где при наличии стерильной прослойки, различие в комплексах предметов не ярко выражено. Это явление

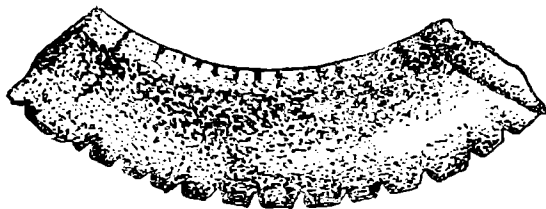

Рис. 1. Фрагмент каменного кольца. Бологое.

А. Я. Брюсов объясняет тем, что стерильный слой (иловатый песок) отложился в короткое время при затоплении стоянки водами р. Выг.¹

Подводя итоги, приходим к заключению, что при решении хронологических вопросов рассмотренные данные могут быть использованы лишь как дополнительные к археологическим. Привлечение их дает основание для построения относительной, но не абсолютной хронологии. Сумма признаков, которыми приходится руководствоваться при выяснении датировки, таким образом, увеличивается, но решающим все же остается археологический материал. По нему прослеживается и последовательность памятников во времени, о чем можно судить по данным естественных дисциплин, он же дает обоснование хронологизации намеченных периодов с характеристикой различных этапов культур.

Какие же методы следует применять при изучении археологического массового материала, происходящего из таких памятников, как стоянки, которые принадлежали длительно существовавшим культурам?

Установление даты по типологически выделенным предметам и аналогиям в датированных комплексах представляется не всегда убедительным, если приходится оперировать комплексами, в которых, наряду с поздними формами, бытуют, в виде пережитков, очень древние. Примером может послужить датировка по характерным украшениям — каменным полированным кольцам, относимым, по западноевропейским данным, к концу III — началу II тысячелетия до н. э.

Сопоставление находок восточноевропейской территории с обнаруженными в Финляндии приводит к выводу о продолжительном их существовании на востоке. Я имею в виду каменные кольца крупного размера с насечкой по краю, найденные на стоянках в Финляндии и в Бологом (рис. 1). Последнее найдено в верхнем, четвертом слое вместе с «сетчатой» керамикой,² что указывает на бытование его во второй половине II тысячелетия до н. э. Таким образом, наличие в комплексе подобного типа украшений не

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 20—21, М., 1940.

² Зап. отдел. русск. и славянск. археол., т. V, вып. 1.

дает достаточного основания для удреждения даты. Тип украшения может быть пережиточным явлением. То же следует отметить и в отношении ряда других предметов: характерной формы «русско-карельского топора» (рис. 2), «кирки олонецкого типа», топора с круглым сечением (рис. 3) и пр., также датируемых, по западноевропейским данным, концом III — началом II тысячелетия до н. э., а на восточноевропейской территории встречаемых на протяжении почти всего II тысячелетия. На стоянке у устья р. Кинемы аналогичные орудия найдены в комплексе, сопровождаемом бронзовым кельтом, который датируется XI веком до н. э.¹

Это факты, с которыми приходится считаться. Пользуясь принятыми на западе датами, без проработки их на местном материале, привлекая от-

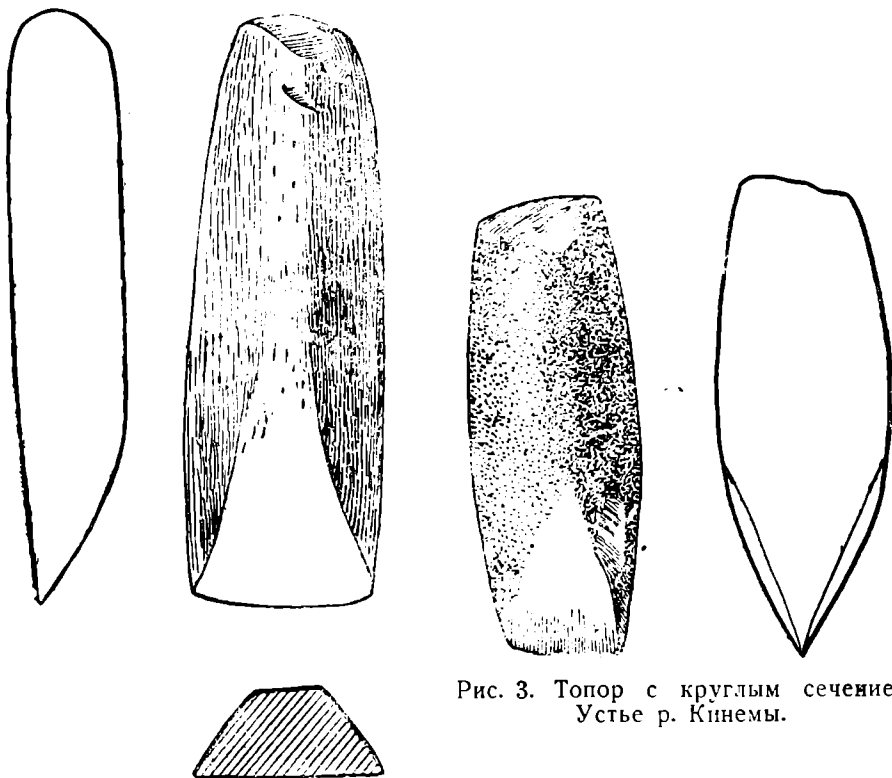

Рис. 2. Топор «русско-карельского типа». Устье р. Кинемы.

Рис. 3. Топор с круглым сечением
Устье р. Кинемы.

дельные датированные на Западе предметы, мы рискуем притти к ошибочному заключению. Пережиточные явления обычны для Севера в продолжительно существовавших неолитических культурах, особенно в глухих районах, не подвергавшихся или почти не подвергавшихся влияниям извне. Здесь были сильны местные традиции, передававшиеся из поколения в поколение; они выражались в сохранении формы предметов, техники изготовления, орнаментики и т. п. Пристальное изучение памятников, группирующихся в определенных районах, приводит к выявлению культур, являющихся результатом территориального обособления отдельных групп населения. Это обособление способствовало созданию различных культур или комплексов археологических предметов, отличавшихся местными

¹ М. Е. Фосс. Стоянка на оз. Лача при устье р. Кинемы. К. С. ИИМК, вып. XIV.

особенностями, которые имели свои пути развития. Генетическая связь, прослеживаемая между основными формами и дериватами, между памятниками различных стадий одной культуры, проливает свет на пережиточные явления и позволяет наметить, иногда лишь по преобладанию ранних или поздних элементов, последовательность памятников во времени. Примером служит Каргопольская культура, характеризующаясь своеобразным комплексом керамики, сохраняющей в основном свой облик на протяжении всего существования культуры. Изменения керамики, наблюдаемые на различных стоянках, выражаются лишь в постепенном вытеснении древних элементов поздними: вначале их насчитывается 85%, на следующем этапе — 55% и, наконец, на последнем — 30%. Не располагая в достаточном количестве памятниками одного и того же района, мы были бы лишены возможности детального изучения их.

В связи с изложенным, я прихожу к заключению, что основным при изучении материала стоянок представляется территориальное обособление этих памятников по культурам. В процессе анализа комплекса стоянок намечаются хронологические рамки культур с различными стадиями их развития.

Датировка неолитических культур в абсолютных цифрах — задача более трудная, чем хронологизация бронзы, имеющей опорные пункты в культурах Средиземноморья и Востока. По сравнению с бронзой, камень консервативен; самый материал и техника обработки камня определяют продолжительность бытования форм орудий. Раз выработанный прием изготовления, как и выработанная форма, держится целые эпохи. Примером может послужить микротехника и связанные с ней формы, пережившие каменный и бронзовый века и дожившие на Севере до железного века. В противоположность этому кратковременность существования форм бронзовых изделий способствует уточнению датировок, и наличие бронзы в каменном инвентаре представляется особенно важным при установлении дат. Но так как бронза на стоянках чрезвычайно редка, то ближайшей задачей является проработка кремня южных культур бронзы. Выявление общих морфологических черт с неолитическим северным кремнем, а также выяснение аналогий в керамике и т. д. поможет синхронизировать северные и южные культуры, и таким путем можно будет получить основу для абсолютной хронологии неолита. Такие же результаты может дать сближение поздненеолитических стоянок с памятниками железной эпохи, что наблюдается при сравнении археологического материала северных стоянок и ранних городищ среднерусской полосы. В связи с этим представляется возможным ввести северный неолит — памятники конечного его этапа — в круг исторических культур и таким образом подойти к уточнению абсолютных дат позднего неолита. Полученная таким путем датировка, как мне кажется, будет страдать меньшей погрешностью, чем та, которую мы бы получили, идя обратно, — от более древних памятников к более поздним.

Этим, конечно, не исчерпываются признаки, характеризующие неолит. В частности, я совсем не касаюсь сейчас тех признаков, которые вытекают из изменений в общественном строе, так как самый вопрос об общественном строе и культурной истории племен Окской долины в неолитическую эпоху будет предметом заключительной части всей работы.

В этой заметке дано только изложение результатов археологического изучения материалов по одной из окских неолитических культур, которой я даю название белевской.

Изучение коллекций с окских неолитических стоянок показывает, что комплексы вещей из разных, территориально обособленных, районов обнаруживают значительные различия между собою, и притом такого характера, который не может быть объяснен факторами хронологического порядка: особые технические приемы выделки кремневых орудий, своеобразные типы орудий и украшений, специфические элементы в орнаменте на глиняных сосудах. Не приводя примеров, так как это будет сделано в дальнейшем изложении, можно констатировать, что указанные различия позволяют разбить весь материал на четыре археологические культуры:

1) со стоянок верхнего течения Оки, приблизительно от г. Белева до г. Серпухова (белевская культура);

2) со стоянок в районе гг. Рязани и Спасска (рязанская культура);

3) со стоянок в районе г. Муром (волосовская культура);

4) со стоянок Балахнинской низины (балахнинская культура).

Кроме того, в районе г. Тулы было сделано много находок вещей, своеобразие и единство которых позволяет выделить их в особую группу, а недостаточность материала не дает еще возможности назвать эту группу культурой (тульская группа).

Границы распространения этих культур не соприкасаются, и потому возможно в дальнейшем выделение еще других культур.

В верхнем течении Оки, в районе г. Белева, и ниже, до г. Серпухова, находится ряд стоянок, кремневый инвентарь которых и некоторые особенности орнамента на глиняных сосудах отличают их от других неолитических окских стоянок и позволяют выделить особую, белевскую культуру. Как широка площадь распространения этой культуры в стороны от Оки, остается невыясненным. Для белевской культуры характерно на всем протяжении ее развития широкое использование в технике изготовления кремневых орудий и применение в качестве полуфабрикатов массивных и длинных ножевидных пластин (рис. 4), из которых выдвигались преимущественно ножи, скребки и резцы; реже применялись расколотые вдоль пирамидальные нуклеусы. Ни для одной из других окских неолитических культур такой прием выделки кремневых орудий не является столь характерным, хотя и встречается в отдельных случаях.

Типично также для белевской культуры долгое удержание древних типов кремневых орудий — боковых резцов, маленьких наконечников стрел из ножевидных пластин с необработанным или только частично ретушированным пером и коротким черешком, обработанным сначала односторонней, а позднее двусторонней ретушью (рис. 4, 3, 4 и 5). С течением времени количество этих древних типов постепенно уменьшается. Наряду с этим появляются и становятся все многочисленнее кремневые наконечники стрел листовидного (короткого) и треугольно-черешкового типа, только к самому концу II тысячелетия до нашей эры почти полностью вытесняющие древние типы наконечников стрел. Следует, быть может, отметить отсутствие в белевской культуре вытянутых длинных листовидных форм и типичных «сейминских» наконечников стрел с резко очерченным коротким треугольным черешком, столь характерных для волосовской культуры на стадии полного ее развития.

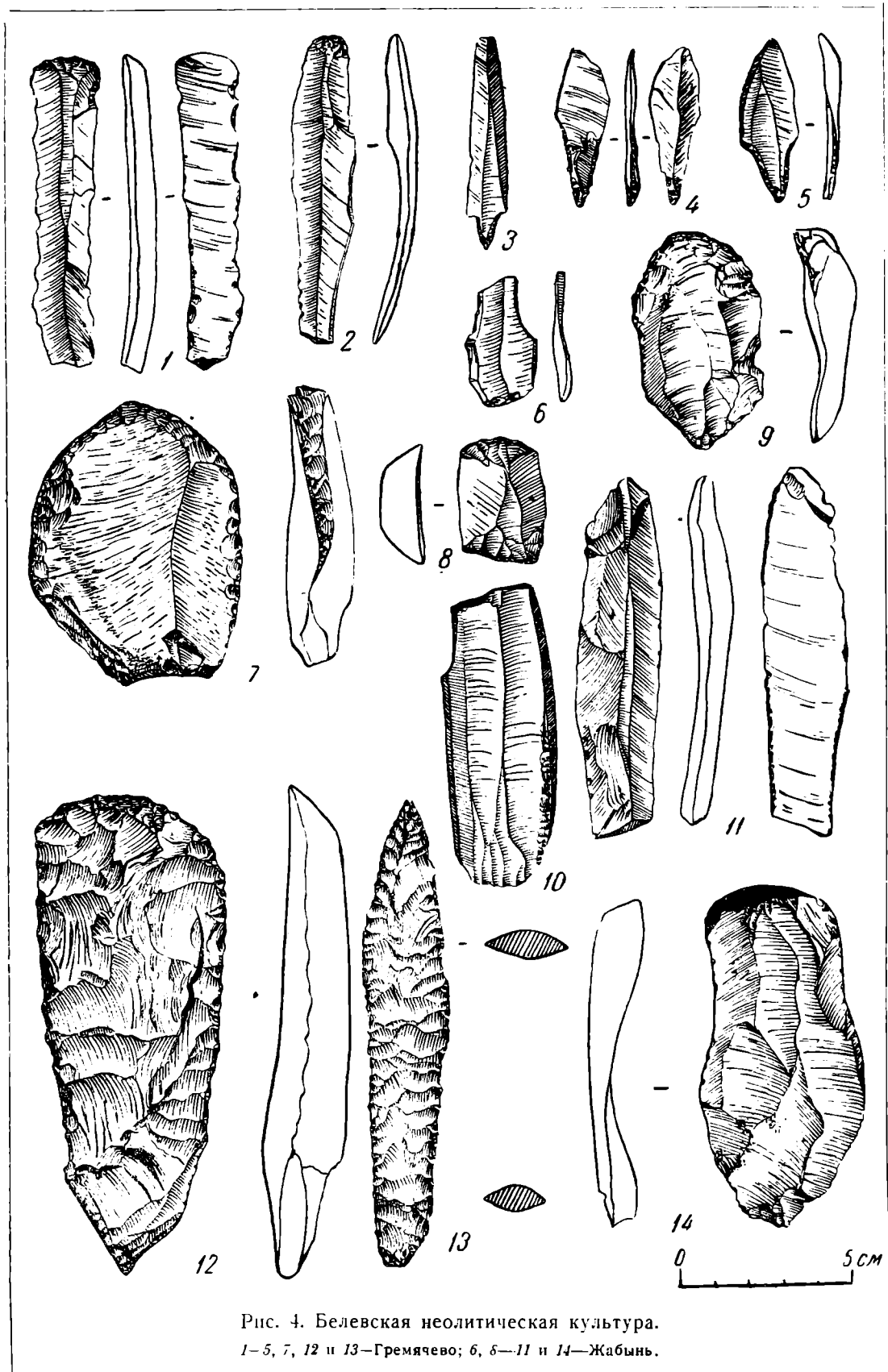

Рис. 4. Беловская неолитическая культура.
 1-5, 7, 12 и 13—Гремячево; 6, 8-11 и 14—Жабынь.

Почти исключительно одной белевской культуре свойственны, с самого начала ее развития, две категории кремневых орудий; грубые овальные тспоробразные кайла и узкие и длинные массивные листовидные кинжалы.

Эти типы орудий встречаются на ряде стоянок белевской культуры, сосуществуя как с ранними, так и с более поздними вещами.

Особенно характерна керамика (появляется во второй стадии) белевской культуры по орнаменту ее сосудов. Форма этих сосудов не выяснена; глиняное тесто обычно имеет примесь толченой дресвы, исчезающей в конце существования культуры, когда сосуды начинают делать из чистой глины. Обжиг почти всегда хороший. Орнамент состоит в большинстве случаев из густого, строго горизонтального зонного узора, нанесенного вдавлениями длинного овального и ромбического штампов; штампы эти часто делались зубчатыми, особенно во второй стадии белевской культуры. Вдавления эти располагались в шахматном порядке. Нередко к ним дополнялись короткие неглубокие нарезки, ямки, зубчатые полоски — деталь, особенно характерная для керамики белевской культуры. Керамика с этим типичным орнаментом встречается на всех стоянках белевской культуры, кроме наиболее поздних. Она заходит иногда, но в небольшом количестве, в область соседней, рязанской культуры. Но ниже по Оке такой керамики уже нет. К северу керамика с узором из ромбических и вытянуто-овальных вдавлений, но не зубчатых, встречается близ Верхней Волги, например, на Языковской стоянке, и широко распространяется в областях карельской и каргопольской культур, где она совершенно утрачивает зубчатость штампов; в узор вводятся ромбы, треугольники, квадраты, которые почти не встречаются в узоре керамики стоянок белевской культуры.

Этот основной и типичный для белевской культуры орнамент возник, по видимому, из более древнего простого ямочно-зубчатого орнамента со сплошным заполнением фона глубокими круглыми ямками. Являясь типичным и одно время преобладающим, этот орнамент не вытесняет, однако, целиком общего для всех неолитических окских культур трафаретного узора из круглых ямок и полосок зубчатых вдавлений, расположенных в различных комбинациях горизонтальными зонами вокруг сосуда. Подобным же образом в соседних, рязанской и волосовской, культурах также присутствует эта общеокская ямочно-зубчатая керамика наряду со специфически местными орнаментальными узорами (например, длинные оттиски шнура в керамике рязанской культуры, рамчатые оттиски в керамике волосовской культуры, лунчатые и сегментные вдавления в керамике балахнинской культуры). Следует при этом отметить, что, в противоположность распространению специфического орнамента белевской керамики на восток и на север, типичные для других окских культур орнаменты на сосудах не заходят в область белевской культуры.

С течением времени удлинено-овальные и ромбические вдавления утрачивают зубчатость, а затем постепенно выходят из употребления. Орнамент конца II тысячелетия уже является поздним дериватом общеокского орнамента и представляет собою, как и во многих других местах, беспорядочно разбросанные в верхней части сосуда неправильные и неглубокие ямки.

Такова вкратце характеристика белевской культуры и, отчасти, хода ее развития. Она хорошо представлена в древнейшей своей стадии, и наиболее ранним памятником такого рода является широко известная Гремячевская стоянка на Оке, против устья р. Жиздры, раскопанная Н. И. Булычевым.

В составе вещей с этой стоянки мы находим большое количество древних типов кремневых орудий: боковых резцов, наконечников стрел с частично ретушированным черешком, многовыемчатый скобель (рис. 4, 1);

ножи из массивных ножевидных пластин (рис. 4, 11) и до 200 самих пластин, топорovidные кайла (одно частично зашлифовано), узкий и длинный листовидный кинжал. Керамики нет.

Судя по отчету Н. И. Булычева, все вещи были найдены на площади в 10 кв. м, в одном культурном слое. При неоднократных изданиях и описаниях названной коллекции эту стоянку обычно датировали временем эпипалеолита, считая, что «более поздние» типы вещей происходят из гипотетического верхнего слоя или предполагаемой более поздней соседней стоянки. Такое недоразумение объясняется тем, что в инвентаре белевской культуры очень долго сохраняются древние типы орудий, придающие ему архаический облик. А так как Гремячево, повидному, действительно относится к ранней стадии развития белевской культуры, и, соответственно этому, древние типы кремневых орудий составляют в нем большинство, то наличие здесь больших топорooбразных кайл и листовидного кинжала кажется противоречием. Однако подобное сочетание мы находим и в других стоянках белевской культуры с той только разницей, что количество древних типов орудий с течением времени уменьшается, а более поздних и новых типов — увеличивается, и появляется керамика. Это служит достаточным основанием считать все вещи коллекции Н. И. Булычева действительно принадлежащими одному культурному комплексу и датировать стоянку не эпипалеолитом, а более поздним временем.

Для определения этой даты можно использовать ее хронологическое отношение к более поздним стоянкам типа Воронежской. Эти стоянки уже с наличием керамики, несомненно, старше древних стоянок карельской культуры (типа Сунской), керамика которой обнаруживает черты заимствования от древней керамики белевской культуры. Поскольку же Сунская и ей подобные стоянки относятся к концу III тысячелетия до н. э., стоянки типа Воронежской должны датироваться приблизительно первой половиной этого тысячелетия, а Гремячевская стоянка должна быть еще древнее. Условно ее можно отнести к IV тысячелетию до н. э.

Близкой к Гремячевской стоянке является стоянка в г. Белеве (коллекция В. А. Гордцова в ГИМ), но в ней уже есть два черепка от сосудов с глубокими круглоямочными вдавлениями.

К следующему этапу развития белевской культуры можно отнести стоянки у д. Воронеж (коллекция Н. Преображенского и В. А. Гордцова в ГИМ), Жабынь (коллекция М. Бурцева и В. А. Гордцова в ГИМ), Бехово (коллекция В. Д. Поленова в ГИМ и Серпуховском музее), Федяшево (коллекция Н. Преображенского и В. А. Гордцова в ГИМ).

На всех этих стоянках мы встречаем то же широкое использование для выделки ножей и скребков больших и массивных ножевидных пластин. Среди кремневых орудий имеются резцы, наконечники стрел из ножевидных пластин с частичной ретушью, топорooбразные кайла, узкие и длинные листовидные кинжалы. Но, в отличие от более ранних стоянок, на стоянках типа Воронежской встречаются более поздние типы орудий: небольшие тесла и долота с неправильным подпрямоугольным поперечным сечением, по большей части широкие грани зашлифованы, узкие же их грани всегда обработаны только сколами; листовидные и треугольно-черешковые наконечники стрел с ретушью по всей поверхности орудия; керамика описанного выше типа. Подтверждением приведенной выше датировки этой группы стоянок служит наличие в их инвентаре еще довольно значительного количества древних типов орудий и сравнительная невыработанность форм листовидных и треугольно-черешковых наконечников стрел. Последние уже во второй четверти II тысячелетия до н. э. приобретают в окских неолитических культурах законченные очертания и дают

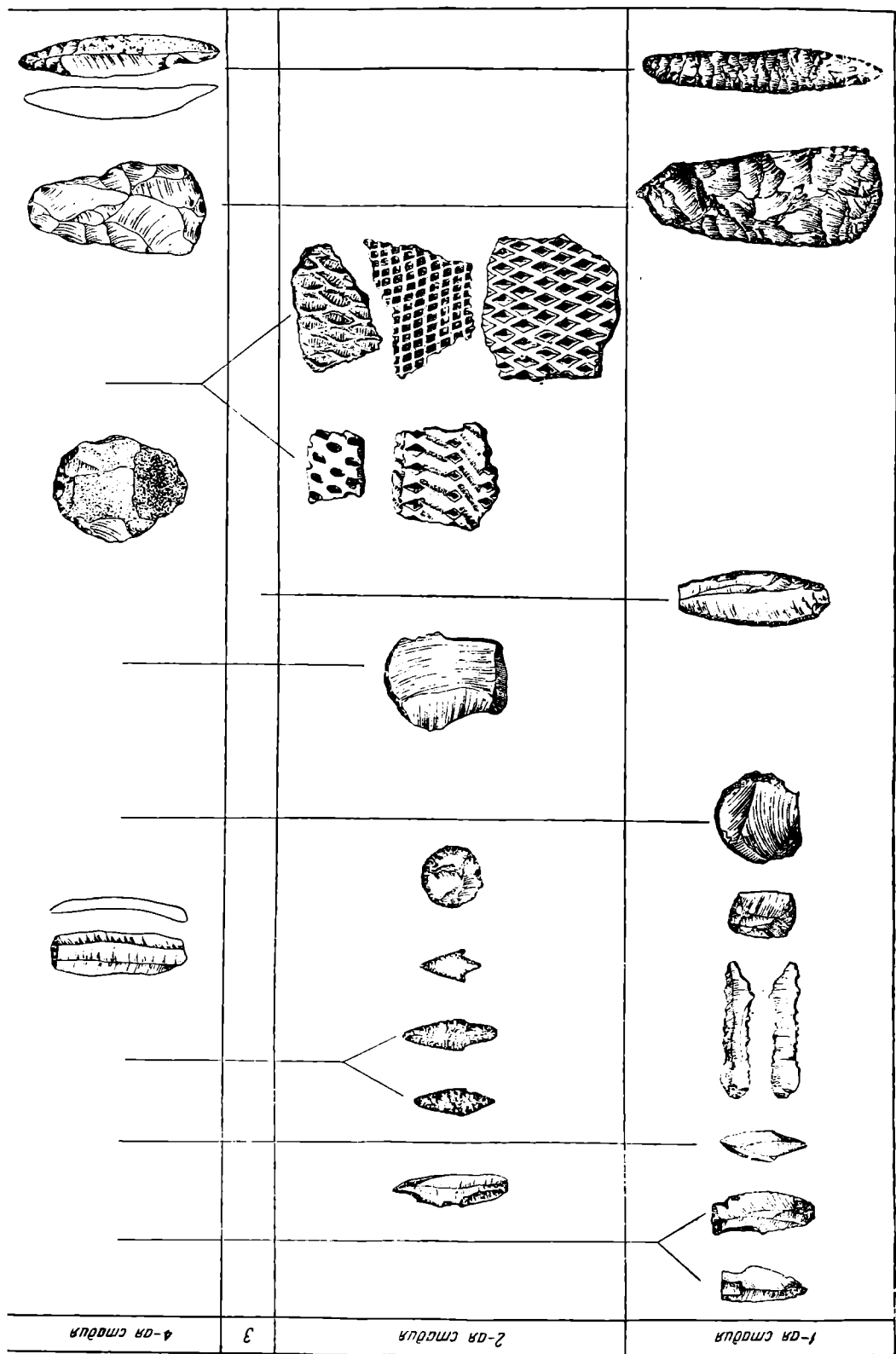

Рис. 5. Схема стадийного развития белевской неолитической культуры (см. сноску на следующей стр.

классические образцы длинных и стройных листовидных и «сейминский» тип треугольно-черешковых наконечников.

К сожалению, стоянки последующего времени, хорошо известные в других окских неолитических культурах, в области белевской культуры изучены слабее. Ко времени первой половины II тысячелетия до н. э. можно отнести стоянку у д. Баскачи (коллекция Л. А. Евтюховой в ГИМ) по находке на ней каменного шлифованного сверленого молотка хордового типа. Мы находим в инвентаре этой стоянки те же скребки и ножи из массивных ножевидных пластин, топорообразные кайла, керамику со вдавлениями зубчатого ромбического штампа. Несмотря на то, что эта коллекция невелика и представлена только сборами, а не является результатом раскопок, нельзя отнести только на долю случайности, что среди этих вещей мы не встречаем более древних форм орудий, находки которых в будущем, конечно, надо предполагать, но, вероятно, в незначительном количестве.

К тому же времени можно отнести стоянку у д. Дольцы (коллекция В. А. Городцова в ГИМ), среди вещей с которой имеются топорообразные кайла, длинный листовидный кинжал и, вместе с ними, треугольно-черешковый наконечник стрелы «сейминского» типа, датирующий коллекцию временем не ранее приблизительно середины II тысячелетия до н. э.

Из находок отдельных вещей в разных местах области распространения белевской культуры можно указать на находку хордового типа сверленых молотков у д. Колтова и Зимницы. Оба эти молотка имеют сужающийся обух, что позволяет относить их также ко времени около середины II тысячелетия до н. э.

К концу этого тысячелетия может быть отнесена группа стоянок близ г. Серпухова у дд. Ладыженская, Дракино, Зиброво, Лужки, Леоново (коллекция А. В. Арциховского, В. Д. Поленова и С. Воронкова в Серпуховском музее).

На этой стадии развития белевской культуры в ее инвентаре еще сохраняются ножи и скребки из массивных ножевидных пластин, топорообразные кайла и кое-где орнамент на сосудах в виде ромбических и вытянуто-овальных вдавлений. Но большая часть скребков уже делается из крупных отщепов, многие сосуды орнаментированы по верху беспорядочно расставленными неправильными ямками; глина этих сосудов лишена примесей. Древние типы кремневых орудий совершенно выходят из употребления и, несмотря на большой материал с этих стоянок, ни разу не встречены. На некоторых из этих стоянок найдены были каменные «гладилки», встречающиеся в средней полосе Восточной Европы на ранних городищах. Возможно, что стоянки подобного типа доживают до начала I тысячелетия до н. э. (см. пояснения к рис. 5).¹

---

¹ Черные черты показывают, до какого времени продолжали бытовать данные типы предметов. Изображения вверху справа показывают изменение типа кайла и кинжала в четвертой стадии белевской культуры. Слева — направо: первая стадия — два резца, наконечник стрелы, многовыемчатый скобель, два скребка, нож, кайло, кинжал (нож — из г. Белева, остальное — из Гремячева); вторая стадия — резец, три наконечника стрел, два скребка, керамика (все из Воронца); четвертая стадия — два скребка (из Дракина), кайло (из Леонова), кинжал (из Лужков).

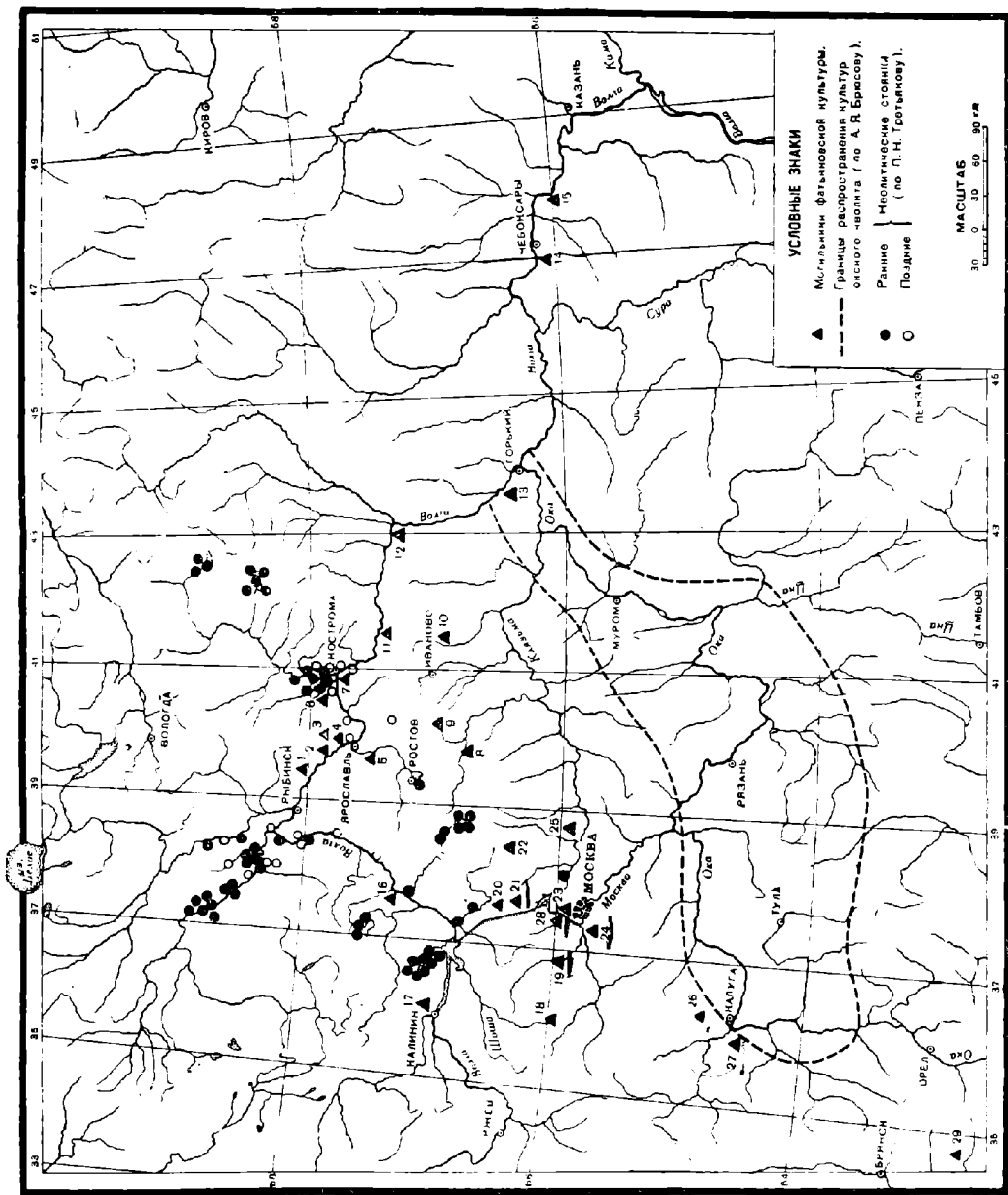

Рис. 6. Распространение могильников фатьяновской культуры.

1 — Тушевский; 2 — Вауловский; 3 — Фатьяновский; 4 — Воронский; 5 — Великосельский; 6 — Говлинский; 7 — Чижовский; 8 — Елстинский; 9 — Мухоморский; 10 — Змеянский; 11 — Горьковский; 12 — Юрьевский; 13 — Чурковский; 14 — Атаи-Касы; 15 — Балаповский; 16 — Дихачевский; 17 — Омуровский; 18 — Булаповский; 19 — Истрицкий; 20 — Кузьминский; 21 — Протасовский; 22 — Сущельский; 23 — Явановский; 24 — Давыдкинский; 25 — Верейский; 26 — Михеевский; 27 — Детчинский; 28 — (Кшинский); 29 — Брасовский.

фатьяновская культура из этих мест уже передвинулась в Ярославскую обл. Расположение стоянки у дд. Прислон и Балахнинской, на правом берегу Волги, может быть, объясняется или одновременностью памятников, или колебанием границ, наблюдаемым на примерах других культур бронзов-
 вей эпохи. Уницкая стоянка лежит на Ростовском озере, в области, заня-

1 Московская группа

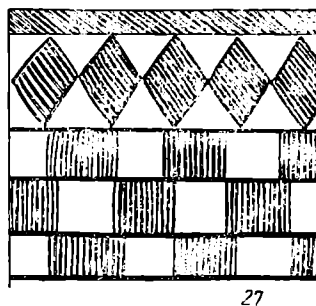
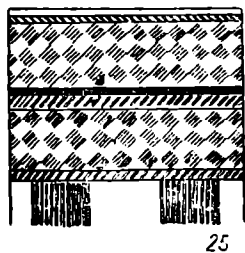
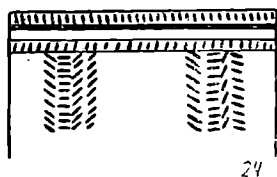
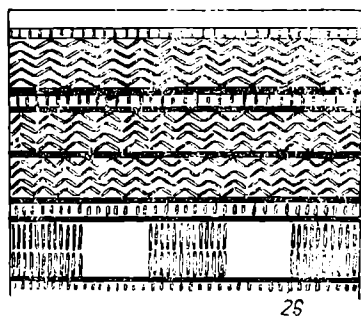
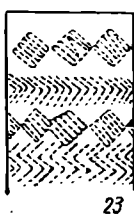
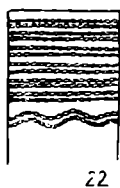
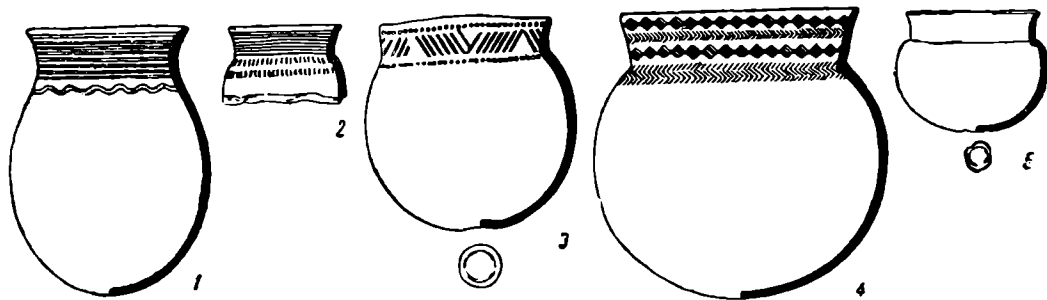

Рис. 7. Развитие форм и орнамента
 1, 22 и 23 — Давыдкинский могильник; 2 — Икшинский могильник; 3 — Протасовский могильник; 4 и
 12 — Вауловский могильник; 15, 17 и 18 — Горкинский

той фатьяновской культурой, и, может быть, одновременна ей. Но окружающие ее районы не заняты Фатьяновскими могильниками, они представляют собою свободное пространство, отделяющее московскую группу от ярославской. Таким образом, появление в этих местах неолитического поселения представляется вполне возможным.

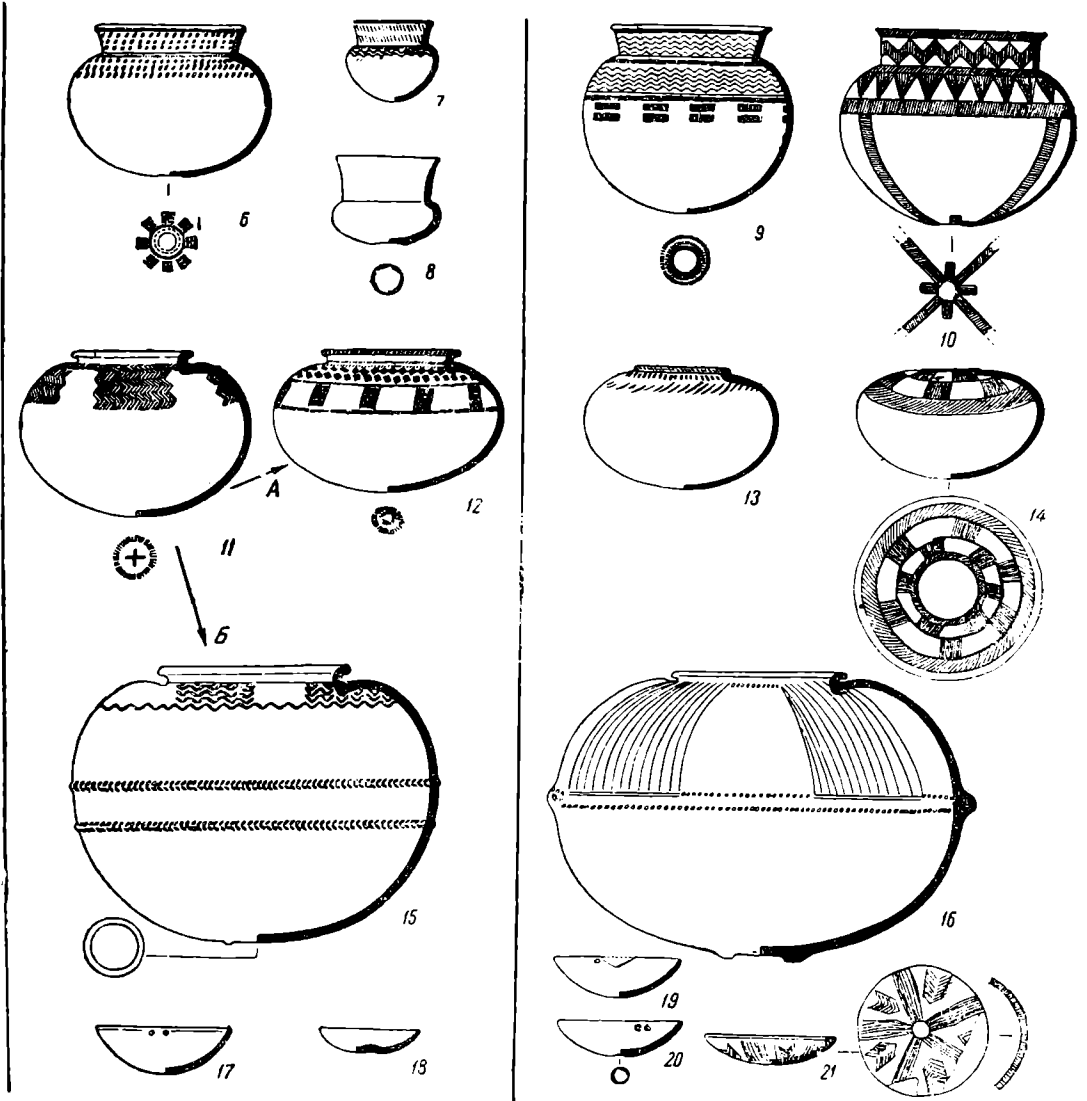
С юга фатьяновская культура граничит с окским неолитом. Но здесь неолитические культуры нигде не приближаются к территории, занятой

Фатьяновскими могильниками, их область распространения не достигает течения р. Клязьмы. Лишь на юго-западной окраине культуры, на Оке, Детчинский и Михеевский могильники вплотную подходят к границам белевской неолитической культуры.

Из всех категорий вещей, входящих в состав инвентарей фатьяновских погребений, одна лишь керамика дает полное представление о непрерывном

II. Ярославская группа

III. Чувашская группа

керамики фатьяновской культуры.

26 — Истринский могильник; 5 — Сушевский могильник; 6—8, 11 и 24 — Фатьяновский могильник; 9, 10, 13, 14, 16, 19—21 и 25, 27—Балановский могильник.

ходе развития форм, начиная с древнейших времен вплоть до эпохи Балановского могильника. Сохраняя на всем протяжении своеобразность и оригинальность, она с самого начала воспринимала и формы, и орнаментку посуды разнообразных культур, порою весьма отдаленных, расположенных на западе и северо-западе, на юге и юго-востоке.

Одной из наиболее характерных форм, встречающихся в могилах московской группы, являются удлиненные круглодонные горшки, несколько

напоминающие яйцевидные. Их слегка отогнутая шейка ничем не отделена от плечиков и соединяется с ними, образуя в разрезе изогнутую линию (рис. 7, 1). В одних и тех же могильных комплексах с такими горшками встречается другой тип посуды, появившийся вследствие развития формы первого типа (рис. 7, 2—5). Это тот же круглодонный горшок, но с хорошо выраженной шейкой, кверху слегка расширяющейся раструбом. Она представляет собой полосу («ленту»), нижний край которой был подведен под относительно выпуклые плечи (рис. 7, 5). Таким образом, в линии разреза шейка встречается с плечиками более или менее под углом. В некоторых случаях (Протасовский могильник — рис. 7, 3) совершенно прямая цилиндрическая шейка четко отделялась от слабо выпуклых плечиков. Все круглодонные горшки московской группы могильников обладают относительно удлиненными пропорциями, хотя уже в этот период появилась тенденция к приземистости и уплощенности форм, проходящая по всем стадиям развития посуды.

В ярославской группе совершенно отсутствуют горшки первого типа, которые, очевидно, прекратили свое существование в период московской группы могильников. Здесь продолжали развиваться круглодонные сосуды с шейкой, резко отделенной от плечиков, расширяющейся кверху раструбом. Плечики становятся все более и более выпуклыми, а пропорции — приземистыми. Этот основной и наиболее распространенный тип фатьяновской посуды в ярославском периоде не имеет вариантов. Исключением являются два небольших горшка (рис. 7, 7 и 8) из Фатьяновского могильника с преувеличенно высокими шейками и относительно малым корпусом. В других могильниках не было найдено таких горшков.

На следующей стадии развития, в эпоху Чувашских могильников, эта основная форма фатьяновской посуды продолжает жить в ряде случаев без изменений, но нередко по краю шейки появляется острый, сильно оттянутый в сторону бортик, уплощенный сверху (рис. 7, 9). Последней фазой развития указанной посуды являются горшки с прямой, цилиндрической шейкой и оттянутым в сторону острым краем (рис. 7, 10). Две последние формы отличаются особенно тщательной выделкой и точностью линий.

Второй тип фатьяновской посуды появился впервые в ярославский период; в могильниках московской группы он отсутствует. Это такие же почти шаровидные слегка сдавленные сверху вниз сосуды с очень низкой, сильно отогнутой шейкой (рис. 7, 11). Развитие этих сосудов идет по двум линиям и завершается в чувашском периоде.

К первой из них (серия А) относятся сосуды обычно средней величины и небольших размеров, которые становятся все более и более низкими и приземистыми и приобретают, в конце концов, в чувашский период как бы сдавленную форму (рис. 7, 14). Такой сильно приземистый сосуд в ярославской группе известен только в одном случае и происходит из Вауловского могильника (рис. 7, 12). Он является как бы связующим звеном между ярославской и чувашской посудой этого типа. Его низкая, сильно отогнутая шейка все же еще выражена совершенно четко. В чувашском варианте она постепенно атрофируется (рис. 7, 13) и, в конце концов, превращается в выпуклый бортик или валик, проходящий по краю сосудов, а затем почти исчезает. Из Балановского могильника происходит ряд приземистых сосудов, орнаментированных в верхней, сильно уплощенной части. Здесь шейка отсутствует почти полностью; она входит в состав орнамента, и от нее остается едва возвышающийся валик, представляющий собою краевую полосу узора (рис. 7, 14).

Вторая серия — Б представляет собою очень крупные сосуды, встречаемые относительно редко, хотя почти в каждом исследованном могильнике ярославской группы такая посуда была найдена. Их низкая, сильно отогнутая шейка как бы вдавлена в слегка приподнятые плечики (рис. 7,

15). В чувашской посуде этого типа шейка еще ниже и едва выступает над приподнятыми плечиками, которых почти касается своим краем (рис. 7, 16). Таким образом, и в этой серии шейка в конце концов почти исчезает, подчиняясь какому-то требованию упстребления этой посуды. Все четыре сосуда названного типа, происходящие из Балановского могильника, имеют по бокам настоящие или ложные петли.

Кроме обычных шарообразных горшков, в фатьяновских могильниках ярославской и чувашской групп встречаются чашеобразные сосуды (рис. 7, 17, 18, 19, 20). Эта относительно редкая посуда в могильниках московской группы совершенно отсутствует. Каждая чаша представляет собою нижнюю часть круглодонного сосуда и так же, как и эти сосуды, иногда имеет ямку на дне. Лепка каждого круглодонного сосуда начиналась с формовки его нижней чашеобразной части, причем ямка на дне могла получиться в результате вращательного движения в руке, при нажиме указательного пальца на центр дна. Такие ямки известны на посуде всех трех периодов. В ярославском они часто окружены несложным лучеобразным узором. В ярославском и чувашском вариантах на некоторых больших горшках на дне вместо ямки встречаются кольцеобразные валики (рис. 7, 15, 16).

Почти вся фатьяновская посуда в большей или меньшей степени украшена узором. Сосудов без орнамента мало. Наибольший процент неорнаментированной посуды встречается в московской группе. В большинстве случаев узор распадается на отдельные горизонтальные зоны, примыкающие одна к другой. Большинство сосудов московской группы украшено однозонным узором (рис. 7, 1, 2, 3, 4), который покрывает шейку сосуда и слегка спускается на слабо выраженные плечи, часто почти не отделенные от шейки. Для керамики ярославской группы обычны две орнаментальные зоны (рис. 7, 6); одна покрывает шейку, резко отделенную от плеч, другая расположена по плечам. Посуда Балановского могильника показывает, что для чувашской группы характерен трехзонный и многозонный орнамент (рис. 7, 9, 26, 27); хотя во многих случаях продолжает существовать и двухзонный узор. В этот период появляется стремление заполнить узором не только плечики, но и бока сосудов. Оно приводит к тому, что в отдельных случаях узор на боках соединяется полосами с звездообразным узором на дне сосуда, расположенном вокруг его ямки (рис. 7, 10). Одна из чаш Балановского могильника, орнаментированная такими же лучами в виде полос, восходящих вплоть до ее краев, представляет собою как бы нижнюю часть подобных сосудов (рис. 7, 21).

Наряду с простым двухзонным орнаментом на посуде ярославской группы, особенно на больших и малых горшках с низкой отогнутой шейкой серии Б, нередко встречается и более сложная орнаментация. Это узор, представляющий собою относительно узкую полосу, расположенную по плечикам сосуда, от которой спускаются довольно широкие лопасти или фестоны (рис. 7, 24 и 7, 11). В московской группе, на посуде, известной в настоящее время, подобный орнамент совершенно отсутствует. Повидимому, его возникновение связано с эпохой Ярославских могильников, когда отличительным признаком этого узора являются широкие и относительно длинные лопасти, доминирующие над полосой, от которой они спускаются. Горшок из Вауловского могильника (рис. 7, 12) представляет собою исключение для ярославской керамики не только по форме. Его узор тоже более типичен для чувашской посуды, на которой лопасти уже значительно короче и спускаются в виде бахромы под двух- или трехзонной полосой узора (рис. 7, 9, 25). Нередко они бывают подчеркнуты линией (рис. 7, 26). В таких случаях лопасти теряют свой первоначальный смысл и становятся новым метопообразным узором. Этот узор отсутствует или почти отсутствует на ярославской керамике, но в чувашской он представляет

собою обычное явление. Дальнейшее развитие метопообразного орнамента приводит к новой форме узора; расположенный в две или три зоны, он становится шахматным орнаментом (рис. 7, 27). Последний часто встречается на небольших приземистых сосудах без шейки (рис. 7, 14), ведущих свое происхождение от ярославских сосудов серии А.

Для нанесения простейшего узора в виде горизонтальных линий на сосуде московской группы типа, изображенного на рис. 7, 1 и 2, употреблялась исключительно простая веревочка (рис. 7, 22). Вся остальная керамика этого периода орнаментирована при помощи мелкозубчатого штампа, значительно реже — незубчатым штампом. Этот способ нанесения узора проходит через все три группы фатьяновской керамики, но в последней, чувашской группе нередки случаи нарезного узора, встречающегося в ярославской главным образом только на больших сосудах.

Все основные элементы фатьяновского орнамента возникают очень рано и сохраняются на всем протяжении развития посуды. Это ряды косых отрезков с чередующимся наклоном то в одну, то в другую сторону (рис. 7, 3), зигзаги, горизонтальный и вертикальный елочный узор и заштрихованные ромбы. Эти ромбы на московской посуде иногда бывают весьма неровные, как бы нанесенные неуверенной рукой (рис. 7, 23). В ярославском периоде выработалась однородная техника их нанесения в виде повторных вдавлений мелкозубчатого штампа, не окаймленных рамкой (рис. 7, 12). В таком же виде они остаются и на чувашской посуде; но здесь, кроме того, появляется новый тип ромбов — больших, часто заштрихованных и обведенных линией (рис. 7, 27). В этот период получил распространение новый прием орнаментации посуды: узоры составляются из довольно широких, часто заштрихованных полос (рис. 7, 10), что совершенно отсутствует на посуде предшествующих периодов.

Фатьяновская культура на всем протяжении своего развития не оставалась изолированной. Целый ряд признаков дает возможность наметить ее сношения с разными, иногда весьма отдаленными, культурными центрами. Это неминуемо должно было отражаться в разных областях ее материального производства, в частности на способах изготовления ее посуды.

Наиболее четкие аналоги древнейших форм керамики московской группы встречаются в одиночных погребениях южной Скандинавии и Дании, а также в соответствующей культуре Финляндии. Примером первых могут служить вещи, происходящие из Шонена, найденные близ Sosdala.¹ В этот комплекс вещей входит клиновидный топор, прямоугольный в сечении обломок ладьевидного топора и круглодонный горшок, напоминающий первый тип сосудов московской группы (рис. 7, 1). Он также имеет слегка отогнутую шейку, плавно переходящую в слабо выраженные плечи, но пропорции его не такие удлиненные, как у московских сосудов. Основное сходство заключается в орнаменте, покрывающем шейку и переходящем на плечи. Он представляет собою горизонтальные ряды линий, расположенные попарно и нанесенные простой веревочкой. Нижняя пара проведена волнообразно, правда не с такими отчетливыми зигзагами, как на московских сосудах. Подобная же посуда в Финляндии, в довершение сходства с фатьяновской, имеет на дне простой звездообразный узор.²

Шарообразную посуду всех трех фатьяновских стадий тоже нельзя рассматривать как явление изолированное. Она, несомненно, связана в своем развитии с соответствующими формами посуды из дольменов станицы Царской, правда уже плоскодонных, с сосудами из каменных гробниц Волини и шарообразными амфорами Западной Европы. Кроме того, со станицей Царской фатьяновскую керамику несомненно роднит лопастный орнамент

¹ Reallexikon der Vorgeschichte, т. IX, табл. 91.

² Jouppile by Hnoba. Suomen Museo, Finskt Museum, т. XXII, 1915.

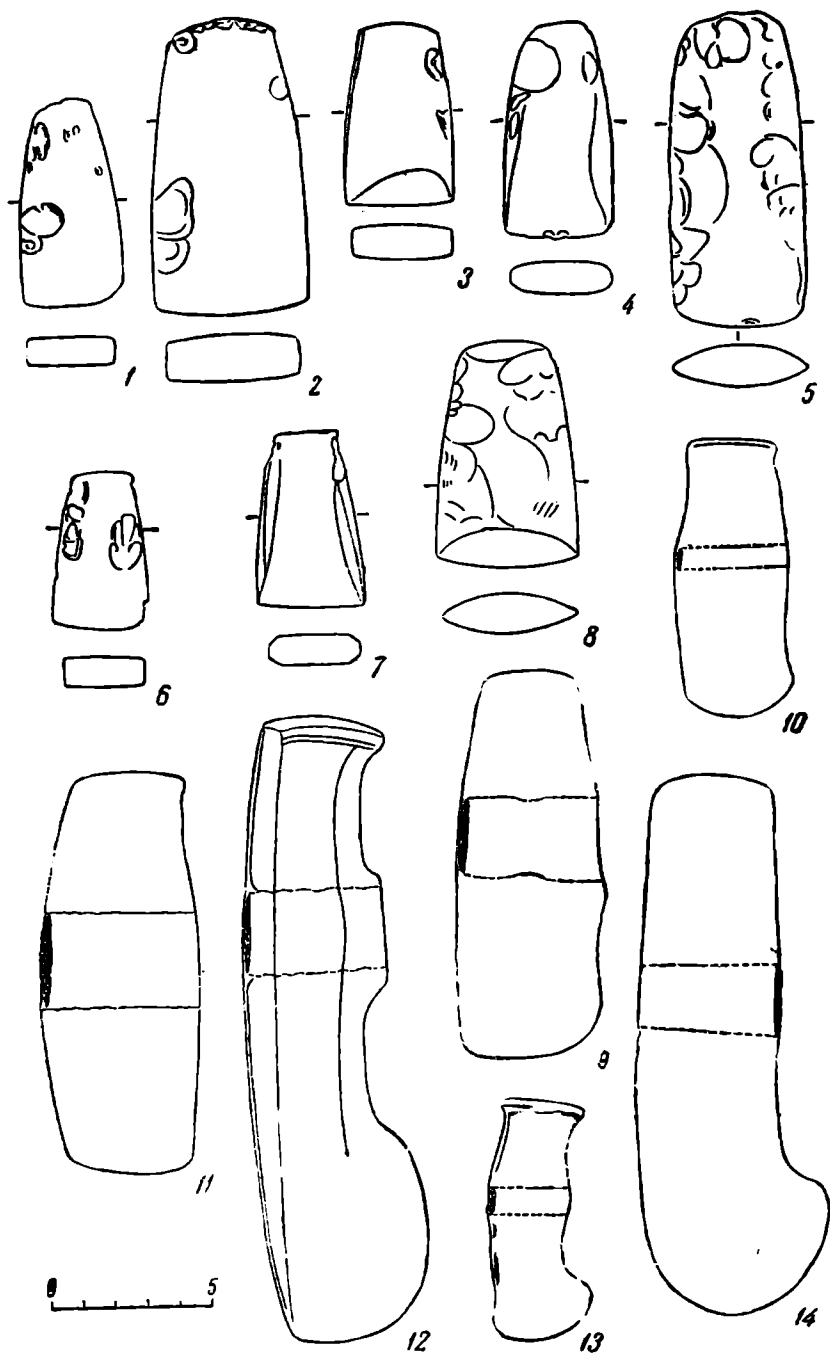

Рис. 8. Клинья и топоры.

1, 2 и 9 — Протасовский могильник; 3—5, 11 и 12 — Фатьяновский могильник;
6—8, 13 и 14 — Балановский могильник; 10 — Горкинский могильник.

ярославского варианта. Горшочек, происходящий из Фатьяновского могильника (рис. 7, 8), с чрезмерно высокой шейкой, может быть, отражает формы колоколообразных сосудов.

Чувашская посуда в основной своей части является следствием развития ярославской, но наряду с нею появилась новая плоскодонная посуда, несомненно не связанная генетически с фатьяновской, которая на всем протяжении своего развития не дает переходных форм к плоскому дну. Новая плоскодонная посуда была изготовлена на месте фатьяновскими гончарами, но формы ее были заимствованы из области срубной культуры. Один из горшков (рис. 9, 15) является прямым подражанием погребальным баночным горшочкам из курганов Среднего и Нижнего Поволжья. Последние в большей части изготовлены небрежно и часто имеют плохо примазанное, несколько выступающее дно. Рука фатьяновского гончара, привыкшая к тщательной выделке посуды, повторяла те же формы, то же выступающее дно, но аккуратно отделила его бороздой от стенок сосуда. Полностью сохранились пропорции баночных срубных горшков в ложкообразном сосудике с длинной ручкой (рис. 9, 14). Третий плоскодонный горшок, напоминающий некоторые срубные горшки с выпуклыми плечами, имеет, однако, шейку чисто фатьяновского типа (рис. 9, 16). Остается сказать о несомненно юго-восточном происхождении заштрихованных полос на посуде чувашского варианта. Они могли появиться здесь в результате сношений с областями андроновской культуры, что подтверждается некоторыми металлическими изделиями.

Обычай класть в могилы глиняные ложечки наблюдается во всех трех стадиях развития фатьяновской культуры. Они известны в московской группе (Икшинский могильник), в ярославской группе (Горкинский могильник, рис. 9, 7) и в нескольких экземплярах из Балановского могильника. Здесь, кроме простых, подобных горкинским (рис. 9, 8), встречаются ложечки с изогнутым краем (рис. 9, 9), несомненно копирующие деревянные образцы. Сюда же относится и своеобразная ложечка в виде баночного плоскодонного сосудика (рис. 9, 14).

Интересны клиновидные кремневые топоры, происходящие из Фатьяновских могильников, которые в московском периоде существенно отличаются от последующих. Здесь они имеют прямоугольное или почти прямоугольное сечение (рис. 8, 1, 2). В более поздних могильниках подобные топоры встречаются единицами (рис. 8, 3 и 6). Основная масса топоров, происходящая из могил двух последних периодов, имеет линзообразное или близкое к нему сечение (рис. 8, 5 и 8). При этом и в ярославской и в чувашской группах известны как бы переходные формы от первого типа ко второму (рис. 8, 4 и 7).

Лопастные топоры, столь характерные для фатьяновской культуры, связаны главным образом с могильниками ярославской группы (рис. 8, 12). В московской известны короткие и относительно широкие топоры со сверлиной (рис. 8, 9), остающиеся и в ярославском периоде наряду с лопастными (рис. 8, 11). На одном из московских топоров, происходящем из Ивановогорского могильника, заметна намечающаяся плохо развитая лопасть. В чувашской группе некоторые лопастные топоры получают совершенно своеобразные формы. Интересен топор из Балановского могильника с хорошо развитой лопастью и прямым цилиндрическим обухом (рис. 8, 14); аналогии к нему можно встретить в культурах Северного Кавказа. Однако основной тип фатьяновского лопастного топора продолжает жить в чувашском варианте, о чем можно судить по глиняным топорикам, полностью копирующим его форму (рис. 8, 13).

До настоящего времени в могильниках московской группы совершенно не было обнаружено металлических изделий, что, однако, не дает права

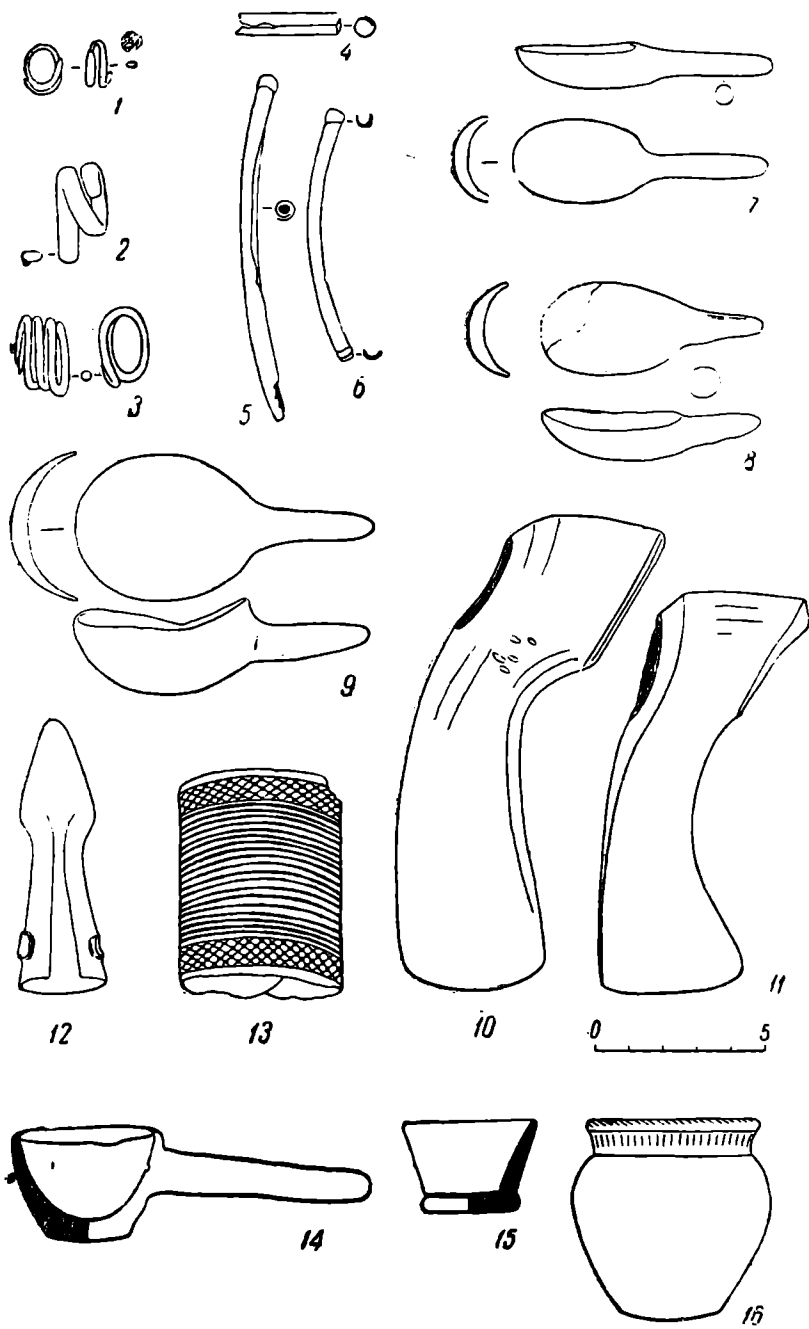

Рис. 9. Бронзовые украшения, топоры и копье, глиняные ложки.
 1—6, 8, 9, 11—12, 14—16 — Балановский могильник; 7 и 10 — Горкинский могиль-
 ник; 13 — Мытищенский могильник.

предполагать полное отсутствие металлургии в фатьяновской культуре этого периода. Но уже на следующей стадии развития в могильниках ярославской группы встречаются вполне развитые формы металлических изделий. К ним прежде всего относится вислообушный фатьяновский топор (Фатьяновский, Горкинский — рис. 9, 10 — и Вауловский могильники). Он мало изменяет свои формы на следующей, чувашской стадии; остается все тот же оттянутый назад обух с ребром наверху (рис. 9, 11). Насколько представляется возможным судить по ограниченному материалу, развитие этих топоров шло путем расширения лезвия за счет сужения клинка. Вполне допустимо, что вислообушные топоры в фатьяновскую культуру попали с Кавказа, который является в это время основной областью распространения топоров подобного типа.

Круглые височные кольца, согнутые из проволоки, круглой в сечении, известны в могильниках ярославской группы (Фатьяновский, Чуркинский, Вауловский могильники). Кольца подобного типа происходят также из могил ямной и катакомбной культур. В Балановском могильнике наряду с такими же кольцами (рис. 9, 1) было найдено десять овальных височных колец совершенно особого типа. Они были согнуты из довольно массивных пластин, овальных в сечении (рис. 9, 2), в некоторых случаях с продольным ребром по внешней стороне. Одно из них было согнуто из круглой в сечении проволоки, сложенной пополам (рис. 9, 3). Кольца такого типа в культурах бронзового века Восточной Европы пока аналогий не имеют; наиболее близкие к ним аналогии можно встретить в западноевропейской бронзе, в пределах унетицкой культуры.¹ Связь с этой культурой, очевидно, уже существовала в предшествующем периоде, может быть, в конце его. Хорошо известен массивный манжетообразный браслет из Мытищенского могильника (рис. 9, 13), несомненно, унетицкого происхождения.² Проникновение унетицкой культуры в Волго-Окский бассейн не ограничивается этими находками. Подобный же браслет, но больших размеров с комком согнутой, круглой в сечении, проволоки происходит из погребения, обнаруженного О. Н. Бадером в Рязанской обл., на площади Владыченской стоянки.³

Большое значение для датировки последней стадии фатьяновской культуры имеют два обломка бронзового украшения в виде согнутых жолобом чеканных пластинок, (рис. 9, 6) происходящих из Балановского могильника. Подобные желобчатые украшения широко распространены в могильниках андроновской культуры, но они проникают на запад и встречаются в Поволжье, в пределах срубной культуры. Балановские обломки, судя по их изогнутости, повидимому, представляют собою фрагменты желобчатой гривны.

Другие обломки украшений тоже, вероятно, связаны своим происхождением с андроновской культурой. Это тонкие пластинки, свернутые в трубочку и надетые на деревянный каркас (рис. 9, 5). В андроновской культуре техника набивки металлической пластинки на металлический, а затем и деревянный каркас прослеживается с давних времен. Таким образом там изготовлялись бронзовые и серебряные серьги и бронзовые браслеты. Сходство с андроновскими ювелирными изделиями довершают пронизи из Балановского могильника в виде согнутых чеканных трубочек (рис. 9, 4).

В чувашском варианте впервые появляются бронзовые втульчатые кованые наконечники копий, о чем свидетельствует кспьс, найденное в Балановском могильнике.

¹ М. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte. т. I, табл. 49 д.

² О. Н. Бадер. К истории первобытн. хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, № 3, стр. 115, 1939.

³ Там же.

В данной статье охарактеризованы лишь основные типы фатьяновских вещей, позволяющие разделить культуру на три хронологические и географические группы.

Московская группа датируется, во-первых, древнейшей керамикой, аналогичной керамике из одиночных погребений конца III и первой четверти II тысячелетия до н. э., эпохи конца ямной и начала катакомбной культур. Это подтверждается жезловидной булавкой из Ивановогорского могильника,¹ аналогичной булавкам из курганов близ Белозерки и Серогоз из раскопок Н. Е. Брауна конца ямной и древнейшей стадии катакомбной культур. Временем катакомбной культуры датируют московскую группу и выпрямители для древков стрел; один из них происходит из Истринского могильника.²

Ярославская группа сменила московскую, повидимому, в конце первой четверти II тысячелетия. В то время начинаются интенсивные связи с Северным Кавказом, особенно с майкопской культурой, эпохи станицы Царской, относящейся к этому времени. Очевидно, путь проходил по Волге. Об этом свидетельствуют находки типичных для дольменов станицы Царской вещей, попадающихся отдельными погребальными комплексами на территории полтавкинской культуры (Сталинградский курган, погребение близ Колтубанки в Куйбышевской обл.). Наличие в ярославских погребениях вещей, ведущих свое происхождение из унетицкой культуры (мытищенский браслет), несколько не противоречит предполагаемой датировке этой группы.

Чувашская группа сменяет ярославскую в половине II тысячелетия. В эту эпоху продолжают сношения с унетицкой культурой, быть может, второй половины ее существования. В это время завязываются сношения с Юго-Востоком, со срубной и с андроновской культурами, которые продолжают во времена абашевской культуры, сменившей в Чувашии фатьяновскую в начале четвертой четверти II тысячелетия. Связи с андроновской и срубной культурами могли возникнуть не раньше середины II тысячелетия: естественно, что бронзовые изделия, формы и орнаментовки керамики могли быть занесены в область фатьяновской культуры только после того, как их основные формы полностью сложились на месте, т. е. не раньше середины II тысячелетия. Несомненно, датирующим является втульчатый кованый наконечник копья. Такие копья появляются в культурах Балканского полуострова и в других областях Европы только около XV в. до н. э.

Предполагаемая³ классификация является предварительной схемой. Дальнейшие исследования в области фатьяновской культуры помогут уточнить даты и географические границы отдельных ее стадий, несомненно укладываемых в период, начинающийся с конца третьей и доходящий до последней четверти II тысячелетия до н. э.

---

¹ К. Я. Виноградов. Три эпохи культуры у Ивановой горы на р. Рузе, стр. 19, рис. 6, погребение № 1. М., 1926.

² К. Я. Виноградов. Новые памятники фатьяновской культуры, С. А. т. IV, стр. 301, рис. 2.

причем составляются подробные карты распространения этого комплекса находок и продвижения их с севера и северо-запада на юг, что связывается ими с переселением на юг индогерманцев.¹

В вышедшем в 1942 г. в Берлине журнале «Germanen Erbe», в дни, когда фашистским захватчикам удалось временно оккупировать Советскую Украину, некий П. Гримм (Grimm) в статье «Nordische Funde der Jungsteinzeit aus der Ukraine» привлекает материалы шнуровой керамики Причерноморья, на основе которых доказывает вторжение в Поднепровье в неолитическое время воинственных северных народов, вооруженных каменными просверленными топорами северного типа и изготавливающих керамику со шнуровым орнаментом. П. Гримм делает заключение, что в своей массе восточноевропейская шнуровая керамика происходит «von alten Heimatgebiet Nord- und Mitteleuropa» и что границы распространения шаровидных амфор среднеднепровского типа доходят до Харьковской обл. «Обработка южнорусских материалов,— заканчивает статью Гримм — полностью подтверждает правильность выводов Г. Коссина, а именно, что в конце каменного века в южную Россию пришли сильные волны ищущих землю северных поселенцев, которые обосновались здесь [в южной России — Г. П.] и принесенную ими культуру развивали в своем духе и дальше».

Эти примеры фашистских построений с достаточной очевидностью скрывают всю важность и неотложность изучения советскими археологами среднеднепровской культуры, известной в настоящее время по сравнительно немногочисленным материалам, теснейшим образом примыкающим к памятникам так называемых курганных погребений со скорченными и окрашенными костяками и к стоянкам медного века Восточной Европы.

Территория распространения среднеднепровской культуры на Правобережье прослеживается, главным образом, в Киевском, Белоцерковском, Липовецком, Каневском районах Киевской обл., в сравнительно ограниченном районе, причем среднеднепровская культура может быть рассмотрена в настоящее время исключительно по памятникам погребальным.

Несмотря на это, следует сделать попытку классификации имеющегося материала, выделив две группы памятников: 1) типа Стретовки и 2) типа Г а т н о г о. Обе группы тесно друг с другом связаны, но хронологически, вероятно, относятся к двум различным периодам: стретовская — к более раннему, а гатнинская — к более позднему.

Для левобережья Днестра и бассейна Десны выделяется третья группа — днепровско-деснинская.

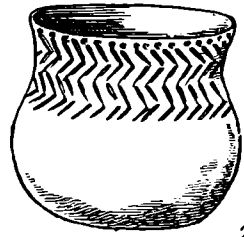
1. Стретовская группа. Из семи курганов, расположенных на юг от дороги Стретовка — Веремье, в 1897 г. В. В. Хвойко раскопал пять курганов, заключающих, кроме скифских и славянских, также и погребения эпохи бронзы. По снятии насыпи одного из курганов — № 1 (высота — 1.78 м, диаметр — 8.6 м) на горизонте обнаружены остатки сожжения. «Около,— пишет Ф. Волков,— ровным кругом находилось семь небольших сосудов, два кремневых клина, 3 просверленных топора и 1 кремневый наконечник стрелы».² Сосуды изготовлены из темной, иногда коричневатой, массы с примесью мелкозернистого песка; они вылеплены без применения гончарного круга, но обычно весьма тщательно. Стенки тонкие. Наружная

¹ А. Europaeus. Über die Streitaxtkulturen in Russland ESA, т. VIII, Helsinki, 1933.

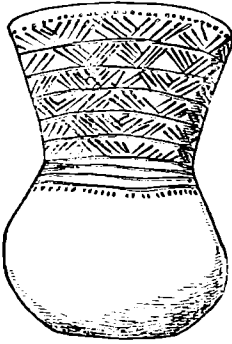
² Хв. В о в к. Курганы у Стретовки. Материалы украинско-русской этнологии, т. III, Львов, 1900.

1

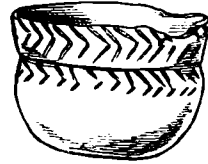
2

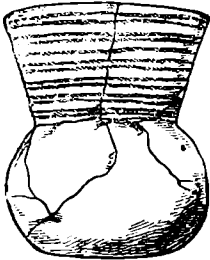
4

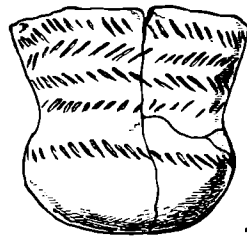
3

5

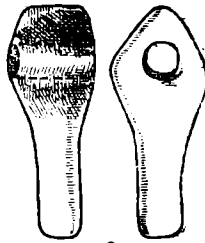
6

7

8

9

10

Рис. 10. Стретовская группа находок.

1 — Шандра; 2 — Киевская область; 3 — Грешанцы; 4-10 — Стретовка.

поверхность ровная, сглаженная при лепке, иногда отполированная. Господствует форма колоколообразных сосудов, с высоким прямым широким горлом и слегка расходящимися краями. Тело небольшое, округлое. Дно плоское, небольшого диаметра, слабо выражено. Углубленный орнамент покрывает обычно лишь высокие расходящиеся края горла и образован: а) узкими поясами, пересеченными сходящимися под углом отрезками лент; ниже поясов у основания плечиков сосуда — ряды горизонтальных полосок, окаймленные мелкими углублениями; б) поясами оттисков наискось перевитой веревочки, причем каждый пояс образован парой веревочных полосок; в) рядами узких, наискось идущих углублений, образующих «елочку»; г) рядами мелких косых углублений (рис. 10, 4—7).

Найденные вместе оба клина — кремневые с отполированным лезвием, овально вытянутые в сечении. Края грубо обработаны.

Просверленные из серого камня топоры, ромбической формы, два со слабо выраженной обушной частью, третий — с сильно вытянутой, округлой в сечении, обушной частью, оригинальной формы¹ (рис. 10, 8—10).

В дополнение к материалам из Стретовки следует указать на случайную находку сосуда в с. Шандра Каневского района, с округлым телом и широкими довольно низкими краями горла.² Орнамент расположен на верхней части сосуда и состоит из трех оттиснутых полос наискось перевитой веревки, ниже которой проходит ряд углублений, образующих «елочку» (рис. 10, 1). Аналогичный сосуд с двумя рядами «елочки» из случайных находок в Среднем Поднепровье издан Б. И. Ханенко³ (рис. 10, 2).

К выше охарактеризованной стретовской группе находок следует добавить сосуды иной формы, с округлым телом и плоскими ручками, известные по находке у с. Гришанцы Каневского района. У верха края и у его основания проходит ряд плоских углублений, нанесенных прямоугольным концом остря. Такие же углубления на уровне ручек образуют орнамент в виде «елочки». От основания края по плечикам свисают широкие отрезки лент из семи неглубоких полосок, окаймленных мелкими углублениями. И форма сосуда, и система орнамента типичны для аналогичных тюрингско-моравских шаровидных «амфор» Средней Европы (рис. 10, 3). Сосуд из с. Гришанцы может быть сопоставлен с шаровидными, со срезанным горлом, сосудами из собраний В. В. Хвойко, близкими к «грушевидным урнам» эпохи Триполья.⁴ Исключительный интерес в этой связи приобретает шаровидная амфора, найденная на поздне трипольском поселении Коломийщина-1, у с. Халепье, в жилище № 24, с аналогичной системой орнамента в виде свисающих от основания горла к плечикам лент, окаймленных мелкими углублениями. Небольшие ручки-ушки расположены в верхней части сосуда.⁵

Комплекс находок первой стретовской группы из курганов с сожжением и из случайных находок у сс. Шандра и Гришанцы имеют ближайшие аналогии в археологических материалах Подолии, Западной Украины и Польши. Как на примеры укажу на раскопки курганов, окруженных кромлехом из камней, у с. Остапи, в бассейне р. Сколота (Западная Украина), где были обнаружены скорченные погребения на правом боку. В погребении совместно найдены обычного типа каменный клин с отполированным лезвием и колоколообразный сосуд с высоким горлом, покрытым рядами полосок,

¹ Там же, табл. III, рис. 3 и 4.

² Сосуд хранится в Собр. Киевск. истор. музея, инв. № 673—10972.

³ Древности Приднепровья. Собр. Ханенко, вып. 1, табл. V, рис. 12 и стр. 12, Киев, 1899.

⁴ Ср. сосуд из Собр. Киевск. истор. музея, инв. № 17964.

⁵ Сосуд хранится в Ин-те археол. АН УССР, в Киеве.

наискось перевитой веревочки.¹ По форме и орнаменту сосуд из Остапи аналогичен стретовским. Не менее близки и погребения с керамикой, орнаментированной веревочкой, из Польши, так называемого малопольского типа, и из Злоте, близ г. Сандомир, где вместе с колоколообразными сосудами обнаружена шаровидная амфора, чрезвычайно сходная с сосудом из с. Гришанцы.² Совместно с ними в погребениях в Злоте обнаружены диоритовый топор, подвески из янтаря и сосуды поздне трипольских — кошиловских форм.³

Совершенно тождественные комплексы находок известны и в Средней Европе — Тюрингии, Богемии, Саксонии. Все это позволяет датировать стретовскую группу концом III тысячелетия и началом II тысячелетия до н. э. (2250—1750 гг. до н. э.).

2. Г а т н и н с к а я г р у п п а. Наиболее известные находки этой группы были сделаны в 1874 г. перед III Археологическим съездом в Киеве, в курганах у с. Гатное, в 14 км на юго-запад от Киева.⁴ Здесь под наблюдением Д. Я. Самоквасова, Л. К. Ивановского, М. Б. Антоновича было раскопано шесть курганов, в двух из которых (№ 5 и 6) открыты погребения бронзово-железной эпохи.

По снятии насыпи кургана № 5 в центре были открыты следы частичного захоронения и пять сосудов.⁵ Один из них вылеплен из красновато-коричневой массы. По форме он колоколообразный, с угловатыми, низко расположенными плечиками, с широкими краями прямого горла; дно небольшого диаметра, слегка углубленное внутрь. Сосуд сплошь покрыт вдавленным орнаментом. Начиная от края, проходит ряд мелких углублений, ниже которых два орнаментированных ряда в «елочку», у основания горла — полоса, окаймленная мелкими углублениями. Тело сосуда сплошь украшено двумя рядами соприкасающихся сторонами треугольников, заштрихованных параллельными полосками. Дно также орнаментировано расходящимися звездообразно от центра пятью широкими лентами, состоящими из полосок и окаймленными с двух сторон мелкими углублениями. Около сосуда был найден небольшой бронзовый кружок, а под ним — янтарная буса, кремневый наконечник стрелы и просверленный каменный молоток из кварцита⁶ (рис. 11, 3 и 5).

В кургане № 6 было открыто несколько разновременных погребений (видимо, пять). Судя по дневнику раскопок, с двумя из них у основания кургана, на глубине 1.5 м от вершины (высота кургана 1.5—2 м), возможно связать интересные находки того же типа, что и в кургане № 5. Так, около одного скорченного погребения на горизонте найден колоколообразный сосуд, украшенный рядом заштрихованных треугольников, соприкасающихся сторонами, фрагменты сосудов с веревочной орнаментацией и просверленный молоток из кварцита. Таким образом, комплекс находок из Гатного характеризуется сплошь орнаментированными колоколообразными сосудами, каменными просверленными молотками, изделиями из бронзы и янтарными бусами.

Находки из курганов у Гатного должны быть прежде всего сопоставлены с материалами из раскопок А. Быдловского в Липовецком районе Ки-

¹ Jan Вгук. *Badania archeologiczne w Ostapiu na Podolu*. Swiatowit, т. XVI. Warszawa, 1934—1935.

² Wl. Antoniewicz. *Tombeaux énéolithiques à inhumation à Zlote, distr. de Sandomierz*. Wladomości Archeologiczny, v. IX. 1924.

³ Там же, рис. 18—21, 27, 28 и др.

⁴ Тр. III Археол. съезда в Киеве в 1874 г., т. I, стр. XXX. Киев, 1878: Атлас рисунков к III Археол. съезду, табл. XV, Киев, 1878.

⁵ В Киевском историческом музее, где хранились находки, до войны мне удалось видеть два, о других можно судить лишь по описанию и по частично изданным рисункам.

⁶ Атлас рисунков к III Археол. съезду, табл. XV, рис. 7, Киев, 1878.

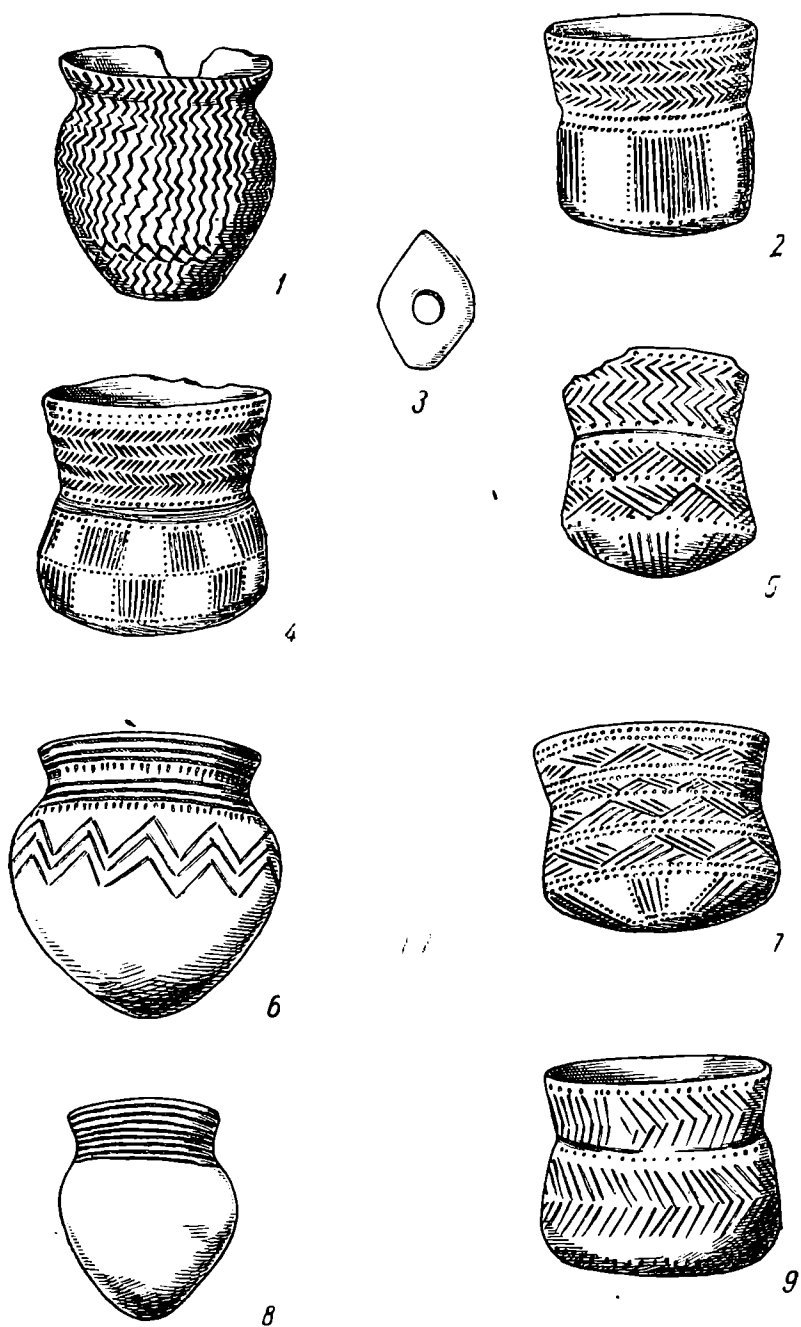

Рис. 11. Гатнинская группа находок.

1 и 2 — Медвин; 3 и 5 — Гатное; 4 — Дубровка; 6—9 — Ясковны.

евской области, у с. Ясковицы, где были исследованы также и курганы¹ с погребениями ямного и катакомбного типа.¹ Интересным является скорченное погребение в кургане № 41, сильно окрашенное, головой на юг; в нем открыто два сосуда и светлого кремня клин с прекрасно отполированными двумя плоскостями и грубо обработанными боковыми сторонами.² Один из сосудов — вытянутый, с яйцевидным дном (рис. 11, б). Верхняя часть покрыта орнаментом, выполненным оттисками наискось перевитой веревочки от которых свисают мелкие трехугольные клиновидные полоски. Ниже по плечикам — зигзагообразные ленты, состоящие из трех полос.³ Не только форма, но и масса и характер обработки поверхности, с шерохо-

Рис. 12. Гатницкая группа находок.
1 и 2 — Шулаки; 3 - 6 — Ясковицы.

ватым «полосчатым сглаживанием», сближают этот сосуд с рядом типичных сосудов культуры скорченных костяков ямного типа. Вереvoчный орнамент и окаймление мелкими углублениями чрезвычайно характерны для всей массы культуры шнуровой керамики.

Совместно с этим сосудом в погребении кургана № 41 у с. Ясковицы был найден другой — колоколообразный с угловатыми плечиками, гатни-

¹ Al. Bydłowski. *Mogily w Jaskowicy, Swiatowit*, т. VI, Warszawa, 1905 (материалы до войны хранились в Краеведческом музее г. Умани и лишь частично были изданы).

² Там же, табл. III, рис. 2.

³ Там же, табл. III, рис. 1.

ской формы. Он сплошь орнаментирован рядами мелких углублений, чередующихся с рядами сплошь заштрихованных и соприкасающихся сторонами треугольников. Сосуд из Ясковиц, как и из Гатного, орнаментирован до самого дна; с наружной стороны к слегка вдавленному дну с шести сторон звездообразно сходятся ленты; они состоят из пяти полос и окаймлены мелкими углублениями¹ (рис. 11, 7).

Не менее интересны сосуды с яйцевидным дном, орнаментированные веревочкой и найденные совместно с колоколообразными в погребениях курганов № 55 и 56 у с. Ясковицы² (рис. 11, 8 и 9; рис. 12, 3 и 4). Любопытен факт совместного нахождения колоколообразных сосудов и керамики ямного типа. Повидимому, это явление должно быть объяснено процессом долгого существования сосудов ямного типа на Правобережье Днепра, вплоть до ранних периодов бронзы, причем более архаичная форма сосудов с яйцевидным дном воспринимает характерный прием более поздней орнаментации для культуры шнуровой керамики катакомбного типа — опоясывание веревочкой в соединении с мелкими углублениями. Таковы сосуды из погребений в курганах № 44, 48 и др.³ (рис. 12, 5, 6).

Важен и комплекс находок из погребения кургана № 29, где найден диоритовый топор с нервюрой посередине, кремневая ножевидная пластина и «предмет серой глины неизвестного назначения». ⁴ Следует предположить, что это — фрагмент глиняной, сильно схематизированной статуэтки. Голова отбита, шея, округлые плечи и туловище украшены рядами поперечных полосок, опоясывающих сильно схематизированное антропоморфное изображение.

Именно такого типа схематизированные статуэтки известны в комплексах керамики с веревочным орнаментом в поздне трипольских поселениях и курганных погребениях типа Усатово, Серизлиевка и др.⁵

Интересен и инвентарь погребения из кургана № 60, где обнаружены: красная краска, колоколообразный сосуд, сосуд баночной формы и два медных височных кольца с уплощенными и заходящими друг за друга концами.⁶ Типы таких колец известны в позднем Триполье и на ближайших территориях в курганных погребениях степей Причерноморья, в Дунайском бассейне и датируются началом II тысячелетия до н. э. Колоколообразной формы сосуды известны по раскопкам примерно того же района, бассейна р. Роси, Горного Тикича, с. Шулаки, (рис. 12, 1, 2) катакомбного типа сосуды — из с. Корытное и погребения курганов № 44 и 55.⁷

В целом рассмотренные материалы из раскопок у Гатного, Ясковицы представляют яркие примеры, характеризующие культуры Среднего Поднепровья в эпоху ранней бронзы. По времени эти памятники сосуществуют с культурой катакомбной, распространенной в более южных районах и на Левобережье Днепра.

В этой связи особого внимания заслуживают находки из случайно раскопанного кургана у с. Медвин (урочище Новый Стан), откуда из одного погребения было доставлено в музей Белой Церкви два сосуда.⁸

¹ Там же, рис. 17 и 18.

² Там же, табл. II, рис. 1, 2, 3, 4.

³ Там же, табл. I, рис. 1, 2.

⁴ Там же, рис. 9, 10, 11.

⁵ Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, вып. V.

⁶ Д. Щербакровский. Раскопки курганов на пограничье Херсонской губ. и Киевской губ. АЛЮР, 1905.

⁷ Świątowski, т. VI, табл. IV, рис. 1 и рис. 26.

⁸ Там же, рис. 41.

⁹ Материалы хранятся в музее Белой Церкви.

Первый из них — колоколообразный. Масса — коричнево-черная. Обжиг — неравномерный, на поверхности заметны более темные пятна. Край слегка скошен к внутренней стороне. Орнамент сплошь покрывает весь сосуд и чрезвычайно разнообразен. Верх покрыт рядами мелких углублений, чередующихся с углублениями, образующими «елочку». Ниже по телу сосуда, от основания края до самого дна, вертикально спускаются широкие отрезки лент, окаймленные мелкими углублениями (рис. 11, 2). Близкий сюжет отмечался и на колоколообразных сосудах из Гатного и Ясковиц, он часто располагается на округлом дне; те же отрезки лент с окаймлением характерны и для другой формы так называемых шаровидных амфор из с. Гришанцы, Коломыйщины-1, Речицы и др.

Второй сосуд, обнаруженный у с. Медвин вместе с первым, — высокий горшок, напоминающий сосуды с веревочной орнаментацией из Ясковиц¹ и керамику катакомбного типа.² Масса его черная, глина с сильной примесью песка, к поверхности — коричневатая-черная. На внутренней стороне и на дне — следы сглаживания твердым предметом. Сосуд сплошь орнаментирован «в елочку», образованную из отдельных мелких полосок, оттиснутых прямо перевитой веревочкой (рис. 11, 1).

Совершенно неизвестен и хранящийся в музее Белой Церкви колоколообразный сосуд из раскопок у с. Дубровка, на юго-восток от Тетиева (рис. 11, 4). Прямой край слегка скошен внутрь. Масса — коричневатая-красная. Сосуд сплошь орнаментирован; по краю проходят ряды узких углублений, образующих «елочку» и чередующихся с рядами мелких углублений по каннелюрам; по телу, от основания края, свисают широкие отрезки лент, располагаясь вертикально в шахматном порядке. Ленты окаймлены мелкими углублениями.

По связи среднеднепровской и катакомбной культур особый интерес представляют материалы из раскопок 1854 г. Волошинского у с. Янковичи Киевского района.

Материалы эти были переданы в Собрание Государственного исторического музея, где в инвентарной описи они значатся, как происходящие из курганов.

Никаких дополнительных сведений об этих находках не имеется (инв. № 78607/1028). С. Янковичи находится на юг ст. с. Гатное, на восток от шоссе Киев — Васильков.

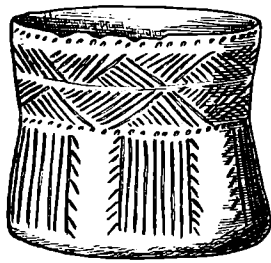
В курганах № 3, 5 и 7 были обнаружены три колоколообразных сосуда описанного выше гатнинского типа. Один высокий, сплошь орнаментированный рядами соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников. Другой орнаментирован лишь в верхней части такими же рядами треугольников. Ниже по плечикам вертикально спускаются широкие отрезки лент, окаймленные мелкими углублениями. Орнамент не доходит до дна. Третий — небольших размеров колоколообразный сосуд, в верхней части которого находится ряд углублений «в елочку», ниже — отрезки вертикальных лент (рис. 13, 1, 3, 5).

Здесь же был обнаружен сосуд типа шаровидной амфоры, поверхность которого почти до самого дна орнаментирована рядами сходящихся сторонами заштрихованных треугольников. У основания края три ручки в форме удлиненных двойных бугорков, уплощенных в сечении, каждая с двумя проткнутыми отверстиями (рис. 13, 4).

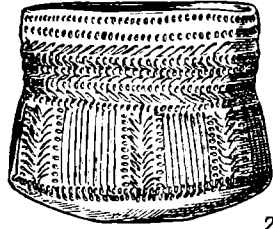
Кроме этих сосудов, в том же кургане около с. Янковичи открыт интереснейший комплекс вещей — каменный клин с заполированным лезвием (рис. 13, 9), просверленный топор ромбовидной формы (рис. 15) и две

¹ Там же, табл. I, рис. 2.

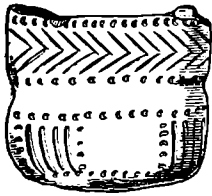
² Тр. XII и XIII Археол. съездов, т. I.

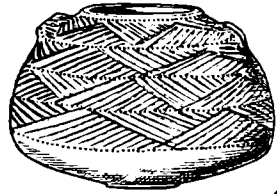
1

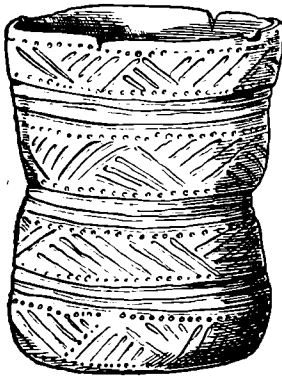
2

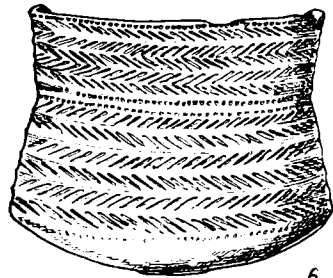
3

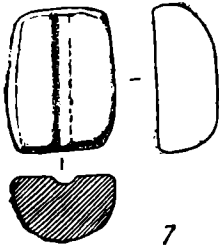
4

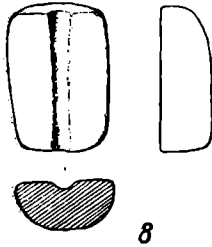
5

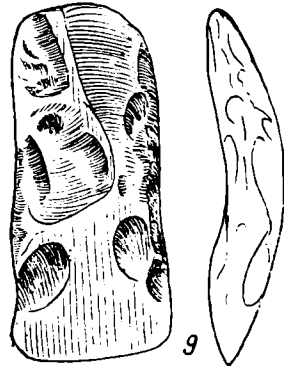
6

7

8

9

Рис. 13. Гатнинская группа находок.

1, 3—5, 7—9 — Янковичи; 2 и 6 — Нетеребки.

половины песчаниковых формочек с желобком посредине, по определению А. В. Добровольского, для протягивания ремешков (рис. 13, 7, 8).¹ Весь комплекс находок чрезвычайно типичен для среднеднепровской культуры и вместе с тем он, так же как и находки в курганах у с. Ясковицы, показывает на тесные связи ее с катакомбной.

В Собрании Государственного исторического музея хранятся еще три сосуда из случайных находок у с. Ветеребка² Каневского района (инв. № 43594). Все сосуды колоколообразной формы, покрыты сплошь рядами «в елочку», чередующимися с мелкими углублениями и вертикально свисающими лентами. На горле одного из сосудов проходят ряды мелких каннелюр (рис. 13, 2 и 6).

Аналогичные гатнинскому типу сосуды известны по находкам из курганов со скорченными костяками, раскопанных Бранденбургом у с. Зеленки. Оба они колоколообразные, с обычным орнаментом заштрихованных треугольников в верхней части.³

Таким образом, вторая гатнинская группа, известная по находкам в курганах у сс. Гатное, Ясковицы, Медвин, Дубровка, Шулаки, Янковичи, Нетеребки, Зеленки и др., имеет много общего с первой, рассмотренной выше стретовской группой. Однако следует отметить, что для гатнинской группы более характерен обряд погребения в скорченном положении. Во всем керамическом материале заметно значительное своеобразие, реже встречается веревочный орнамент, чаще система орнамента образована техникой вдавления и состоит из широких лент с окаймлением мелкими углублениями. Этому своеобразию трудно пока найти окончательное объяснение, однако следует высказать предположение, что в гатнинской группе получают дальнейшее развитие местные черты керамики поздне-трипольской стадии, например, нанесение орнамента широкими лентами с окаймлением, деление орнаментального пояса вертикальными отрезками лент на метопы и т. п.

Аналогии гатнинской группе керамики среди обширных материалов западноевропейской культуры шнуровой керамики немногочисленны.⁴

Гатнинская группа памятников развивается, как и стретовская, на местной основе поздне-трипольской земледельческой культуры в сложном сочетании с проникающей мегалитической культурой северо-запада, с культурами шнуровой керамики Средней Европы и катакомбной на юго-востоке, сосуществование с которой доказывается приведенными комплексами находок из погребений у сс. Янковичи, Ясковицы, Медвин и др.

Хронологически гатнинская группа, по аналогии с западноевропейскими материалами, должна быть датирована несколько позднее, чем стретовская.

Находки сосудов среднеднепровского типа известны и на Левобережье Днепра. Бокаловидный сосуд с небольшими ручками-ушками у основания края и с веревочной орнаментацией был обнаружен раскопками В. Щербакского у с. Гречаники, близ г. Переяславля⁵ (рис. 14, 3).

Находка этого сосуда, типичного по форме для культур шнуровой керамики, связывает стретовскую и гатнинскую группы памятников с наход-

¹ А. Добровольский. Дешо про знаряддя, які Городцов В. О. називає формочками для виливання мідяних прутиків. Антропология, т. I, Київ, 1928.

² Вероятно с. Нетеребки, как значится на карте Киевской обл.

³ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг., стр. 21, кург. № ССХСХVI. СПб., 1908. Сосуд № ССХСХVI, 4. Собр. б. Артил. музея в Ленинграде.

⁴ Hoernes-Menghin. Urgeschichte den bildenden Kunst in Europa, стр. 321, 1925.

⁵ М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського державного музею, т. I, стр. 29, табл. III, рис. 7. Полтава, 1928.

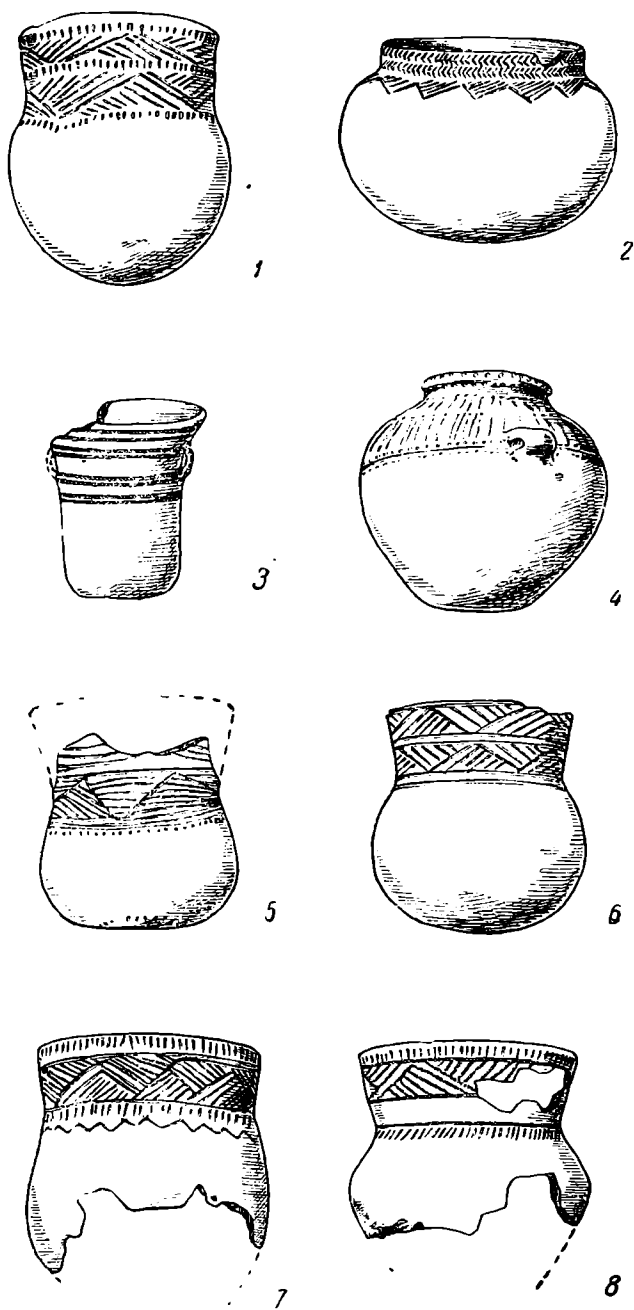

Рис. 14. Днепро-деснинская группа находок.
 1 и 2 — Брасово; 3 — Гречаники; 4 — Речица; 5 — Столпники;
 6 — Беседки; 7 — Кокауня; 8 — Сосновая грива.

ками, обнаруженными значительно северо-восточнее, в бассейне рек Десны, и Неруссы, в могильнике около Брасова б. Орловской губ.¹

Могильник открыт в 1883—1884 гг. на правом песчаном берегу р. Неруссы; на глубине 1.8 м в песке были обнаружены следы кострища, круглодонный сосуд без орнамента, кремневые наконечники копья и стрелки, полированный молоток.² А. А. Спицын пишет, что кострища «принадлежали, без сомнения, к составу погребения. Дело идет, вероятно, о зольной подстилке под костяками». Позднее здесь было найдено два погребения на спине с согнутыми ногами. Около них — два сосуда, несколько кремневых стрел и клиновидное долото. Один из сосудов — круглодонный с широким горлом и прямыми невысокими краями. По краю проходят два ряда углубленных полосок, образующих «елочку». Ниже, у основания плечиков — ряд заштрихованных, обращенных книзу вершинами треугольников (рис. 14, 2).³ Второй сосуд имеет округло-вытянутую форму тела с яйцевидно-сферическим дном и прямые высокие края горла, на которых располагается углубленный орнамент, состоящий из рядов узких коротких вертикальных полосок. Поле между ними занято рядами наштрихованных вкось углов, соприкасающихся сторонами (рис. 14, 1).⁴ Не менее замечательная находка из того же круга среднеевропейских культур шнуровой керамики сделана выше по Десне у с. Речица б. Обстуговского района Брянской области, где было случайно

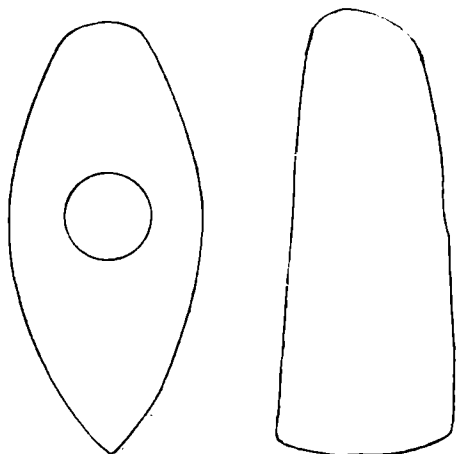

Рис. 15. Каменный топор из с. Яковичи.

открыто погребение, вероятно, с сожжением в кургане.⁵ Речицкий сосуд, по всей сумме признаков принадлежащий к типу сосудов, характерных для среднеевропейских культур шнуровой керамики (рис. 14, 4), безусловно составляет одно целое с рядом известных и описанных выше находок из Приднепровья (шаровидные амфоры из сс. Гришанцы, Яковичи, Коломийщина I и др.).

Находки из Брасовского могильника после разведывательных работ в восточной и западной Белоруссии могут быть сближены с новыми археологическими открытиями. Это прежде всего материалы, открытые в 1930 г. Б. С. Сакольским в восточной Белоруссии у с. Столпники б. Рославльского уезда Смоленской губ., на р. Стоматье — притоке р. Остра, впадающего в р. Сож. Предварительные разведки обнаружили здесь могильник с сосудами, по форме и системе орнамента чрезвычайно близкими ко второму брасовскому сосуду. У одного из них сохранилось округлое дно с едва заметным уплощением, окаймленным по кругу мелкими углублениями. Это прием, известный по фатьяновским сосудам. Орнамент располагается на широких краях и состоит из соприкасающихся сторонами сплошь заштрихованных треугольников. Ниже, у основания плечиков —

¹ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Ерянска. Тр. секции археол. РАНИОН, т. IV, М., 1928.

² А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. об-ва. т. VII, вып. 1, стр. 73, СПб., 1905.

³ Там же, рис. 8.

⁴ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Указ. соч., табл. XXII, рис. 1.

⁵ Там же, табл. XXII, рис. 2.

три углубленные полосы, нижняя из которых окаймлена мелкими углублениями (рис. 14, 5).¹ От другого сосуда той же формы сохранился лишь край, украшенный двумя рядами углубленных полос, образующих «елочку».² Обе орнаментальные системы, как и форма сосуда, являются наиболее распространенными и в стретовской, и в гатнинской группах. В Столпиках вместе с сосудами встречены и характерные кремневые клинья.³

Во многих других местах по левому берегу р. Стомать, в б. Рославльском уезде Смоленской губ.— у сс. Сосенки, Печкуров и др. за последние годы были сделаны случайные находки таких же кремневых клиньев, вместе с просверленными топорами и с керамикой, украшенной веревочной орнаментацией, часто в виде серповидных веревочных оттисков (с. Печкуров), где совместно обнаружены и 20 янтарных подвесок с ушками.⁴ Интересно, что именно в Гатном, Злоте и в других местах в этот период распространены янтарные бусы. Янтарь встречен и в позднетрипольском памятнике в Усатове, и в мегалитических погребениях на Воляни.⁵

Эти находки и более северные из Смоленской обл., например, со стоянки Нижне-Немыкаренской и Катыньской, а также с р. Сож и ее притоков, из района Гомель — Чечерск — Пропойск и по Днепру (в районе Речица — Рогачев — Могилев), позволили К. Поликарповичу связать их со среднеднепровской культурой на Западе и с фатьяновской на Востоке и назвать особой фазой «днепровско-деснинской фатьяновской культуры».⁶

Не менее интересна случайная находка сосуда в урочище Беседки, на левом берегу р. Сож, напротив г. Гомеля, в пойме реки, на дюне. Сосуд с округлым дном и весьма тонкостенный, с расходящимися краями широкого горла. Масса — коричневатокрасная, поверхность гладкая, хорошо отполированная, блестящая. Широкий край орнаментирован двумя поясами, состоящими из сплошь заштрихованных и соприкасающихся сторонами углов (рис. 14, 6).⁷ К. Поликарпович подчеркивает, что аналогичная керамика была выявлена во многих местах на р. Соже, в окрестностях Гомеля и Пропойска (Восток).

На правом берегу р. Сож, в 0,5 км от с. Бердыж, близ Чечерска, в урочище Кокауня, на большой дюне, сильно размываемой, в песках были открыты следы стоянки (скопление угля, фрагменты керамики, кремневые орудия и т. д.) и обнаружен почти целый сосуд с овально-округлым, слегка вытянутым телом и дном и с широким горлом. По массе и технике изготовления сосуд схож с брасовским, беседкинским и кокаунским. Орнамент расположен лишь на широких краях сосуда. У верха проходит ряд вертикальных коротких полосок. Такой же ряд проходит и у основания края, ниже которого — зигзагообразно углубленная полоса. На крае между рядами коротких полосок соприкасающиеся и заштрихованные углы — типичный орнаментальный сюжет для керамики среднеднепровской культуры в ее разновидностях⁸ (рис. 14, 7).

¹ А. Н. Лауданскі. Археологічні досьледы ў Смаляншчыне. Працы сэкцыі архэалогіі, т. III, стр. 10 и табл. XI, 5 и 6, Менск, 1932.

² Там же, табл. XV, рис. 1. 2.

³ Там же, табл. XI.

⁴ Там же, табл. XV. См. также: А. Н. Лявданскій. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губ. Научн. изв. Смоленск. гос. ун-в., т. IV, вып. 1, стр. 235 и табл. XVI, Смоленск, 1927.

⁵ И. Левицкий. Памятки мегалитичнай культуры на Воляні. Антропология, т. II, табл. I—IV, Київ, 1929.

⁶ К. Паликарпович. Археологічныя нататкі (хроніка). Працы сэкцыі архэалогіі, т. III, стр. 248, Менск, 1932.

⁷ К. М. Паликарпович. Дачістарычныя стаянкі сярэдняго і ніжняго Сажа. Працы катэдра архэалогіі, т. I, стр. 153. Менск, 1928.

⁸ Там же, табл. VIII, рис. 1.

Одним из наиболее интересных по находкам мест в районе Гомель — Чечерск — Пропойск, по течению р. Сож, является урочище Сосновая Грива (на левом берегу р. Сож, ниже ст. Каменка Пропойского района). Урочище лежит посреди поймы р. Сож, покрыто травой и редкими кустами. К. Поликарпович, производивший обследование, установил, что здесь была стоянка. Среди находок выделяется каменный просверленный топор с ободком вокруг просверлины и два сосуда с округлым телом и высокими широкими краями. Орнамент покрывает лишь края. На одном из сосудов у верха края — ряд вертикальных коротких полосок, ниже соприкасаются сплошь заштрихованные углы и полоса с мелкими углублениями, причем орнамент нанесен оттисками перевитой веревочки (рис. 14, 8). На крае другого сосуда несколько рядов узких углублений.¹

В других местах — на левом берегу р. Сож, в урочище Башырино поле Пропойского района, близ Могилева, в урочище Липавы-брод Чечерского района и др. неоднократно были обнаружены стоянки с сосудами аналогичного типа, каменными клиньями, просверленными топорами и т. п.

Сравнительно небольшой материал, известный пока по Среднему Днепру, Десне и ее притокам Остру, Сожу, указывает на существование в эпоху раннего металла в Восточной Европе, к началу II тысячелетия до н. э., своеобразной среднеднепровской культуры в ее нескольких разновидностях — стретовская, гатнинская и днепровско-деснинская группы.

Среднеднепровская культура представлена в настоящее время главным образом курганными погребениями и несколькими стоянками из Днепро-ско-Деснинского бассейна. Стоянки расположены обычно в поймах рек, на песчаных буграх, частично в низменных местах, но на наиболее высоких точках, где находятся и одиночные курганы (или их группы), часто окруженные у основания кромлехами из камней и заключающие погребения с сожжением или в скорченном положении.

И в курганах, и в стоянках встречен единообразный инвентарь: орудия из кремня, камня (каменные топоры, просверленные, ромбовидной формы, клинья с отполированными лезвиями и грубо обработанными боковыми сторонами), керамика (колоколообразные сосуды и шаровидные амфоры с шнуровым и углубленным орнаментом), отдельные украшения, например янтарные подвески.

Все эти характерные признаки повторяются в ряде рассмотренных мною комплексов от Стретовки и Гатного до Брасова и от Брасова до стоянок восточной и западной Белоруссии.

Огромный археологический материал из западных областей Украины, Восточной и Западной Польши, Средней Европы дополняет общую картину жизни племен в этот период.

В работах польских археологов культура шнуровой керамики в ее ранних вариантах, наиболее близких к стретовской группе, датируется концом III — началом II тысячелетия до н. э. (II период энеолита).²

К этому же времени относятся и моравские погребения,³ тогда как наиболее поздний вариант культуры шнуровой керамики по новым раскопкам на Украине и Польше датируется периодом прото-унетицкой бронзы.⁴ Не останавливаясь сейчас на анализе связей среднеднепровской культуры с Севером — Данией, Швецией, Скандинавией, Финляндией — и

¹ К. М. Поликарпович. Дагистаричные стоянки срядняга Сажа. Працы археол. комиссии, т. II, стр. 401, табл. V, VII и VIII. Минск, 1930.

² Wl. Antoniewicz. *Archéologie Polski*, табл. X. L. Kozłowski. *Zarys Pradziejow Polski Poludniowo-Wschodniej*, табл. XII. Lwow, 1939.

J. Bryk. *Badania archeologiczne w Ostapiu na Podolu*. Swiatowit, т. XVI, Warszawa, 1935.

³ A. Stosky. *Pravek Zeme ceské*, т. I, стр. 82 и след., табл. LXV—LXXXI.

⁴ L. Kozłowski. Указ. соч.

Северо-Западом, где мы в ту же эпоху находим и близкие по форме сосуды, и каменные топоры, и клинья, следует указать на присутствие в ряде погребений среднеднепровской культуры подвесок из янтаря, подчеркивающих широкие культурно-исторические связи у племен Поднепровья в это время.

Все вышеизложенное позволяет сделать некоторые предварительные заключения и наметить пути дальнейшего исследования.

1. В Среднем Поднепровье и на территории значительно более широкой, занятой древнеземледельческими племенами культуры спирально-ленточной керамики, к началу II тысячелетия до н. э. происходит переход на новый исторический этап патриархально-родовых отношений и выделение скотоводческих племен. В это время повсеместно исчезает постоянная связь земледельческих поселений с плодородными лёссовыми плато; поселения спускаются в речную долину, где располагаются на дюнах нижних террас.

Скотоводство, вызвавшее острую потребность в пастбищах, вынуждало первобытные племена осваивать заливные луга речных долин. Перегоняя стада, они делали остановки на дюнах. Это положение, мне думается, будет правильным только в том случае, если считать, что исходные свои базы — земледельческие поселения на плато — племена эти не оставляли. Одним из примеров, подтверждающих такую точку зрения, может явиться поселение Грибовице-Мале под Львовом, располагающееся на возвышенности и дающее комплекс культуры шнуровой керамики.¹

Другим примером являются наблюдения, сделанные Трипольской экспедицией в 1945 году, во время разведок в районе г. Канева и по р. Роси, когда были открыты интересные остатки селищ эпохи бронзы. До сих пор культура эпохи бронзы на Правобережной Украине была освещена, главным образом, по материалам, добытым из раскопок курганов. В 1945 году здесь было открыто 8 селищ эпохи бронзы с характерной для этого периода керамикой с углубленным орнаментом и оттисками веревочки. Все эти селища (1 — у г. Канева, 2 — на Пилипенковой горе, 3 — на Княжей горе и 4—5 у с. Пекари и др.) располагались на правом коренном высоком берегу Днепра, а не в пойме реки. Это наблюдение является чрезвычайно интересным и новым, позволяющим предполагать, что в начале и в середине II тысячелетия, до н. э. в поздне- и после-трипольское время население Среднего Поднепровья было земледельческим в основе.

Обследование селища эпохи бронзы на Каневщине и анализ обнаруженных, главным образом, керамических материалов показывают, что они должны быть сравнены с известными находками, например: 1) с дюнных стоянок в районе Киева (у Никольской слободы, у с. Койилово и др.); 2) с рядом стоянок на высоком берегу Днепра у Киева, в уроч. Куриневка, Киселевка, а также близ с. Триполья в уроч. Ивкатица и у с. Витачева и др.²

Находки на селищах эпохи бронзы в Каневщине следует сопоставить и с материалами, известными частью по раскопкам в б. Потемкинском саду в Днепропетровске и у с. Стрельча-Скеля, у с. Волошицкого,³ а также с материалом Левобережья Днепра с «Лысой горы», близ Лубны⁴ и из разведок Ю. В. Подгоецкого на Десне и др.

¹ Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. Кр. сообщ., ИИМК, вып. III, стр. 10, 1940.

² Материалы хранятся в Центр. историческом музее в Киеве и в большинстве не изданы.

³ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полт. губ. в 1906 г. Изв. Арх. ком., вып. 43.

⁴ В. Ляскоронский. Археологические раскопки близ г. Лубны Полтавск. губ. в уроч. «Лысая Гора». Киевская Старина, 1892 г., т. 10—12, стр. 263, Киев, 1892. Труды VIII Археологического съезда, т. IV.

Все эти находки, как и открытые в 1945 году памятники на Каневщине, датируются временем «катакомбной» культуры в Поднепровье и падают на эпоху начала и середины II тысячелетия до н. э.

Таким образом, в послетрипольское время, так же как и на позднетрипольском этапе, продолжает развиваться в Поднепровье земледельческая культура наряду с увеличивающейся ролью скотоводства, и поселения на возвышенностях сочетаются с кратковременными поселениями, связанными с пастбищами в речных долинах.

2. Общий путь развития племен культуры спирально-ленточной керамики, в частности трипольской, показывает, что основные черты, характеризующие среднеднепровскую культуру, начинают оформляться раньше, на стадии позднего Триполья, когда происходит выделение из земледельческого, в основном, трипольского населения, скотоводческо-земледельческих племен усатово-городского типа. Изменяются в это время характерные формы домостроительства — большие наземные глинобитные дома, в которых живет несколько семей, ведущих общее хозяйство, постепенно исчезают, заменяясь небольшими сравнительно жилищами полуземляночного типа с одним очагом и значительно меньшей площадью.¹ Появляются курганные погребения, окруженные кромлехами. На позднем этапе трипольские племена входят в соприкосновение с мегалитическими культурами на северо-западе и с катакомбной — на Левобережье Днепра. Увеличивается обмен, появляются изделия из меди, серебра и золота, проникающие как из районов Средней Европы и Семиградия, так и из Малой Азии. Среди инвентаря заметно увеличение каменных клинзев и просверленных каменных топоров. На позднем этапе Триполья отмечено постепенное исчезновение спиральной расписной керамики. Незначительное количество расписных сосудов украшено обычно нешироким поясом черной росписи с окаймлением красным или белым, причем наблюдается процесс полного исчезновения спирального сюжета, сохраняющегося в виде пережитков в ряде систем распадающейся спирали. Вместо сплошного заполнения всего сосуда спиральной росписью орнамент построен по принципу деления на метопы. Большое количество керамики представлено сосудами с грубой поверхностью и углубленным бедным ленточным орнаментом, а также сосудами, украшенными оттисками веревочки. Сосуды приобретают формы, близкие к так называемым шаровидным амфорам.²

Таким образом, позднетрипольские земледельческо-скотоводческие племена, изготовлявшие шаровидные амфоры и сосуды со шнуровым орнаментом, расселяются далее на север и на восток и входят в соприкосновение с племенами Левобережья Днепра — катакомбными (Евминки, Бортнички, Лукаши).³

3. Закономерный путь развития позднетрипольских племен, изученный за последние годы на юге по материалам поселений и курганов причерноморско-днестровской группы (Усатово и курганы нижнего и среднего течения Днестра и т. п.), а на севере — по материалам киевско-волынской группы памятников (Городок, Колодяжное, Райки, Евминки и др.), позволяет высказать гипотезу о том, что среднеднепровская культура является также закономерным результатом дальнейшего развития трипольских племен в Поднепровье и хронологически соответствует (а отчасти существует и в более поздний период бронзы) городскому — на севере и усатовскому этапу Триполья — на юге.

¹ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. Материалы по археол. СССР, № 2, стр. 245, 1941.

² Т. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, 1935.

³ Т. С. Пассек. Четвертая археологическая конференция в Киеве в 1941 г. К. С. ИИМК, вып. XII, 1945.

4. Первую стретовскую группу возможно датировать — на основе приведенных широких аналогий с Западом и Востоком — концом III — началом II тысячелетия до н. э. (2250—1750), а вторую гатнинскую группу — несколько более поздним временем, первой половиной и серединой II тысячелетия до н. э. (1750—1500).

5. Датировка немногочисленной третьей днепровско-деснинской группы (Левобережья Днепра) должна быть уточнена в дальнейшем. Среди ее находок, безусловно, имеются и более ранние, и более поздние группы памятников, соответствующие курганам типа Стретовки и Гатного, точно так же как должны быть выяснены связи этой группы с фатьяновской культурой.

6. Среднеднепровская культура появилась в Поднепровье не в результате прихода «всинственной северной расы, людей, вооруженных каменными топорами», как утверждали фашисты, а сложилась в процессе сложных культурно-исторических скрещений на базе древней культуры земледельческо-скотоводческих племен позднего Триполья.

Слой с культурными остатками был сильно потревожен распахкой, причем при пахоте местные крестьяне находили много бронзовых и костяных предметов. Вся внутренняя часть вала покрыта ямами — следами прежних раскопок местного кузнеца Г. М. Большакова, копавшего городище по поручению Ф. Д. Нефедова в течение многих лет.

Подобные же ямы, по словам Г. М. Большакова, должны бы были находиться и по всей площади городища как следы его раскопок, но площадка была перепахана, заросла травой, и они теперь не заметны.

Городище было впервые раскопано Ф. Д. Нефедовым в 1894 г., а затем, как уже было указано выше, его копал местный кузнец Г. М. Большаков, причем найденные вещи помечались им на плане площадки городища, разбитом на квадраты, и отсылались Ф. Д. Нефедову. В 1929 г. рекогносциро-

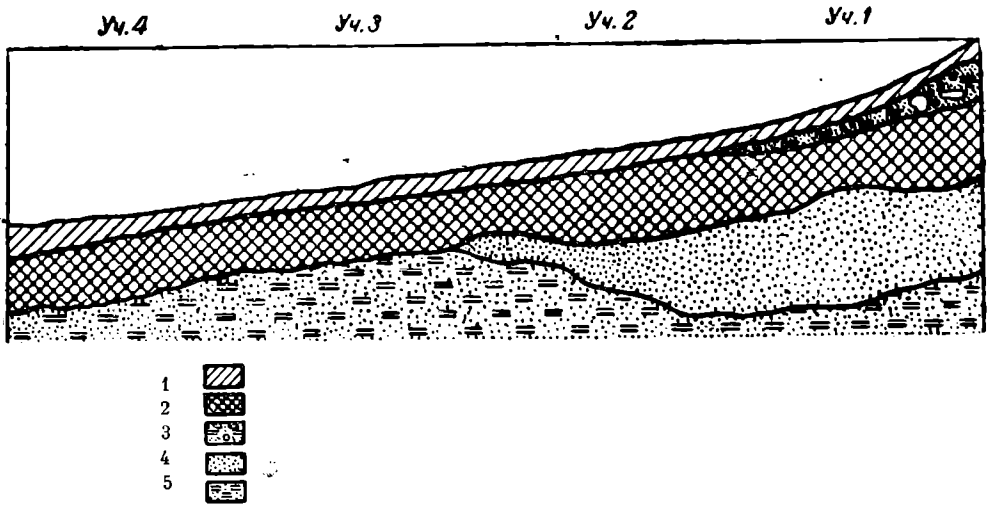

Рис. 17. Городище Грохань. Профиль востоко-юго-восточной стенки раскопа А.
1 — дерновой слой; 2 — культурный слой; 3 — верхняя насыпь вала; 4 — нижняя насыпь вала; 5 — глина.

вочные раскопки памятника были произведены Вятско-Камской экспедицией Московского антропологического института под руководством Б. С. Жукова.

В отчете о раскопках городища Ф. Д. Нефедова почти нет сведений о стратиграфии памятника, описана лишь каменная кладка вала, сделанная «весьма основательно и заботливо, с прослойкой земли».¹ Повидимому, здесь речь идет о двухкратной облицовке вала каменными плитами, во второй раз, очевидно, — после ремонта. Раскопки 1929 г. вскрыли стратиграфию памятника более полно. Прежде всего, следует отметить, что разрез востоко-юго-восточной стенки раскопа I подтверждает наличие двух насыпей вала — нижней, более древней, состоявшей из мелкозернистого серо-желтого песка с угольками в верхней части и верхней — более поздней и тонкой — из серо-желтой супеси с мелким камнем (см. профиль востоко-юго-восточной стенки, участки 1—3, раскопа I; рис. 17).

Вторым очень важным фактом является наличие двух слоев с культурными остатками: верхнего, более тонкого и более бедного, состоящего из светлой супеси, и нижнего, более мощного — из темной рыхлой супеси с камнем, углем, раковинами и главною массой находок (см. разрез западо-северо-западной стенки раскопа III, уч. 1—3, рис. 18). Интересно еще одно

¹ Ф. Д. Нефедов. Археологические исследования в Южном Приуралье и в Прикамье в 1893—1894 гг. Матер. по археол. восточных губерний России, т. III, М., 1899, стр. 71—72.

явление — существование между верхним и нижним слоем с культурными остатками прослойки, состоящей из очень тонкой светлой супеси, в которой находки, как правило, не встречались совершенно (рис. 18). К сожалению, все вышеуказанные явления приходилось наблюдать лишь в виде отдельных фрагментов, так как поверхность площадки была сильно изрыта. Расслоение культурного слоя на два горизонта наблюдалось в профиле среза восточного конца вала и в раскопах II — III, лежащих на краю площадки у северо-западного конца вала, а также в разрезах стенок шурфов. Там же можно было видеть и лишнюю культурных остатков прослойку между верхним и нижним горизонтами культурного слоя, свидетельствующую о том, что городище в течение некоторого периода времени было необитаемо.

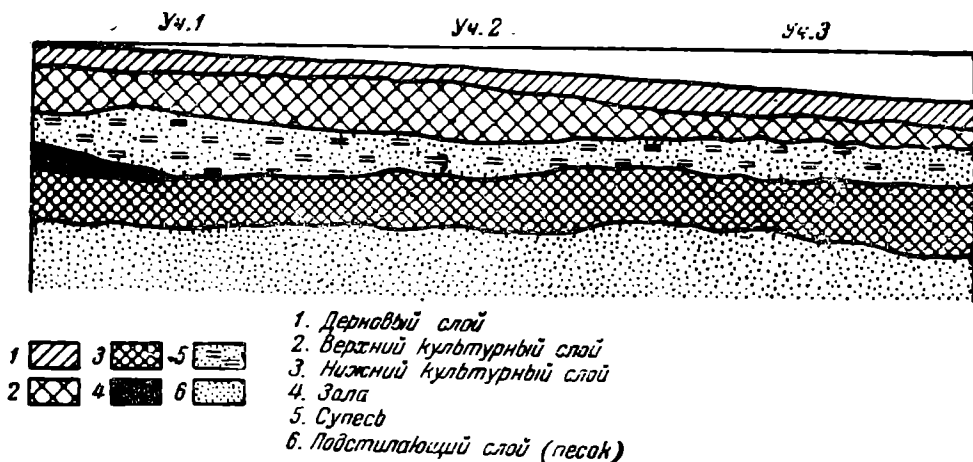

Рис. 18. Городище Грохань. Профиль западо-северо-западной стенки раскопа Б

Заслуживают большого внимания печи, расположенные вдоль внутренней стенки вала. Три из них были раскопаны и описаны Ф. Д. Нефедовым, остальные четыре вскрыты после его отъезда Г. М. Большаковым. Печи находились на глубине около $\frac{3}{4}$ м от поверхности и, повидимому, были связаны с металлургией, так как возле них были найдены медные шлаки и обломки бронзовых предметов. Детальное устройство этих печей неизвестно, как неизвестно, к какому горизонту слоя с культурными остатками следует их отнести, так как возле печей, согласно отчету Ф. Д. Нефедова были найдены разновременные предметы: бронзовый кельт, типичный для ананьинской эпохи, части бронзовых сосудов болгарского времени и др.

Интересна также находка Ф. Д. Нефедовым погребения, лежавшего головой на юг и относящегося, судя по сопровождавшим его предметам, к болгарской эпохе.

Анализ предметов из раскопок 1929 г., найденных в верхнем слое с культурными остатками, позволяет отнести их, а следовательно, и позднюю эпоху обитания памятника, ко времени существования болгарского государства. В настоящей работе рассматриваются находки из нижнего слоя с культурными остатками и делается попытка восстановить хозяйство и быт населения, обитавшего на городище в ранние эпохи его существования.

Коллекция, собранная и опубликованная Ф. Д. Нефедовым, состоит преимущественно из каменных, бронзовых и костяных орудий. Обломков глиняной посуды в ней всего несколько экземпляров, кости животных отсутствуют. Напротив, материал из раскопок 1929 г. состоит главным образом из костей животных и обломков глиняных сосудов.

Предметы, относящиеся к нижнему слою с культурными остатками, в той и другой коллекции можно разделить на две группы — более раннюю

и более позднюю. К сожалению, более раннюю группу не удалось выделить стратиграфически, связав с особым горизонтом слоя с культурными остатками. Но предметы этой группы имеются в обеих коллекциях, причем в коллекции Ф. Д. Нефедова они представлены лишь некоторым количеством орудий, в коллекции из раскопок 1929 г. — небольшим комплексом обломков глиняной посуды и одним кремневым орудием. Большая часть этой группы опубликована в отчете Ф. Д. Нефедова (табл. 46, рис. 6, 9—10), но следует отметить, что только одна вещь найдена в его присутствии. Эти предметы следующие: кинжал, кельт, долото и мотыга из бронзы, каменное желобчатое тесло и костяной гарпун. Из них кинжал не издан совершенно и упоминается в отчете под именем копья, а тесло описано под названием каменного кельта.

Кинжал состоит из пера удлинненно-листовидной формы и небольшого черешка, входящего в рукоятку, которая не сохранилась. Посредине пера, почти во всю его длину проходит округлый выпуклый стержень. Острие кинжала — почти плоское, конец, переходящий в рукоятку, — массивный, в разрезе круглый, черешок в краю постепенно уплощается. Длина орудия 21,8 см (рис. 19, 4).

Кинжалы такого типа встречаются в степях Приазовья и Причерноморья, датируются XI—IX вв. до н. э. и считаются В. А. Городцовым характерными для киммерийской культуры.¹ Подобное орудие известно также из раскопанной О. А. Граковой стоянки андроновской культуры у поселка Алексеевского в Кустанаевском районе Казахстана, относящейся, примерно, к тому же времени.

Бронзовый кельт типичен для той же эпохи. Это довольно массивное орудие с овальной втулкой, вокруг которой имеется выпуклый валик, с двумя боковыми ушками, одно из которых обломано. Лезвие — дуговидное, примерно одной ширины с обухом. Отношение длины к ширине — 2,25 : 1. Длина — 9,3 см, ширина — около 4 см (табл. 16, рис. 10 вышеупомянутой работы Ф. Д. Нефедова, наш рис. 19, 6).

Кельты этого типа также считаются типичными для киммерийской культуры и датируются тем же временем, как и кинжал.

Примерно одновременными являются бронзовое долото и мотыга. Бронзовое долото представляет собою массивное четырехгранное орудие с двумя широкими и двумя более узкими гранями. Орудие имеет два рабочих края. Один из них — сравнительно тонкое дуговидное лезвие со следами работы, другой — массивное четырехгранное острие. Наибольшая толщина орудия — немного выше середины, откуда оно постепенно утоньшается к концам. Длина орудия — 17,6 см, ширина лезвия — 2,7 см, наибольшая ширина — 1,5 см (рис. 19, 1).

Повидимому, орудие употреблялось в легко снимающейся с острия массивной костяной рукоятке, которая могла выдерживать сильные удары при работе им в качестве долота. Возможно, что этот тип долота связан с употреблявшимися в конце бронзовой эпохи плоскими теслами или мотыгами, характерными для поселений срубного типа.

Бронзовая мотыга, вероятно, является прообразом костяных, столь широко распространенных на городищах бассейна Камы в ананьинскую эпоху. Она состоит из широкой, массивной несомкнутой втулки с отверстием для гвоздя в верхней части и сравнительно небольшого рабочего конца подтреугольной формы, обработанного на две грани. Длина — 16 см, длина втулки — 11,3 см (рис. 19, 2).

Желобчатое тесло из мыльного камня имеет дуговидный рабочий край и сравнительно неглубокий желобок. Обух орудия — очень массивный,

¹ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. РАНИОН. Тр. секц. археол., т. II, стр. 46.

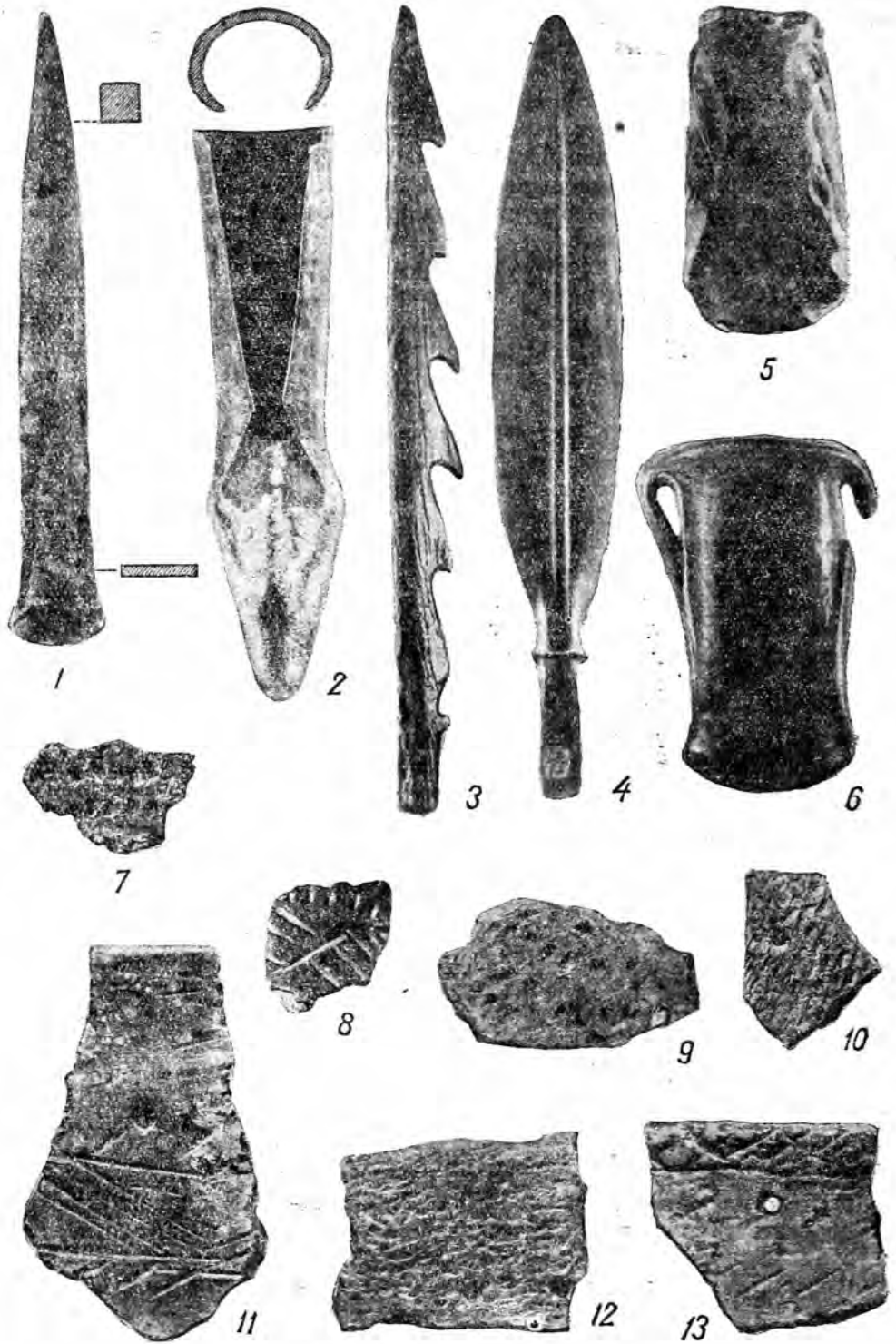

Рис. 19. Городище Грохавъ.

подтреугольной формы и имеет следы ударов. Следы работы находятся также на краю лезвия (рис. 19, 5).

Гарпун из рога лося — довольно массивный и имеет шесть зубцов, обращенных в одну сторону и загнутых вниз (два нижних зубца обломаны). Немного ниже зубцов находится выступ для привязывания. Поперечный разрез орудия — подтреугольный, поверхность хорошо заполирована. Длина — 22,2 см (рис. 19, 3). По типу орудие близко к шигирским гарпунам. Последние два орудия — каменное тесло и гарпун могут быть датированы тем же временем, как и остальные предметы этой группы, но скорее относятся к эпохе более ранней.

Комплекс керамики из раскопок 1929 г., который можно синхронизировать с описанной группой орудий, очень невелик и состоит преимущественно из небольших обломков глиняной посуды, найденных главным образом в нижнем слое с культурными остатками в раскопе II — III. Этот небольшой комплекс фрагментов глиняных сосудов характерен для поздних, преимущественно дюнных, стоянок конца II и начала I тысячелетия до н. э., относящихся ко времени, непосредственно предшествовавшему появлению городищ. В него входит несколько различных групп сосудов. Прежде всего, обломки сосудов со сплошными текстильными отпечатками на поверхности — так называемая сетчатая керамика. О форме сосудов, входящих в эту группу, судить невозможно, так как обломки их очень невелики. В глиняном тесте их имеется небольшая примесь дресвы и мелкого кварца; внутренняя поверхность сглажена отчасти при помощи зубчатого штампа, отчасти пучков травы, а также тряпки или кожи. Текстильные отпечатки не настолько ясны, чтобы можно было установить характер ткани или, может быть, плетения, хотя в некоторых местах ясно видны отпечатки продольных и поперечных волокон. На внешней поверхности обломков сосудов, поверх текстильных отпечатков, нанесен орнамент, состоящий из неправильных ямочных вдавлений. В одном случае ямочки нанесены на венчике сосуда, не покрытом сетчатым орнаментом. Толщина посуды этой группы — 5—6 мм (рис. 19, 10 и 12).

Ко второй группе относится несколько обломков посуды, содержащих небольшую примесь толченой раковины или мелкого кварца в глиняном тесте, заглаженных при помощи тряпки или кожи, а также в одном случае — зубчатого штампа. На внешней поверхности обломков сосудов этой группы находится орнамент, состоящий из заштрихованных и незаштрихованных углов и треугольников и зигзагообразных линий, нанесенный движением острого предмета и зубчатым штампом. Такая посуда характерна для памятников срубного и андроновского типа (рис. 19, 8, 11, 13). Наконец, в третью группу этого комплекса, наиболее многочисленную на стоянках и наименее представленную в данном случае, входят обломки сосудов, орнаментированных ямочными и гребенчатыми вдавлениями (рис. 19, 7, 9).

Кроме керамики, к более древней группе из находок 1929 г. относится еще небольшое кремневое сверло на массивном отщепе листовидной формы, обработанное крутой ретушью со сторсны спинки, с довольно толстым острием на конце, и, может быть, обломок кремневого наконечника стрелы, хотя последние встречаются и в ананьинскую эпоху.

Таким образом, вышеописанные орудия и обломки глиняной посуды характеризуют раннее поселение, существовавшее на месте городища Грохань в начале I тысячелетия до н. э. Повидимому, это было одно из самых ранних поселений на высоких берегах рек в бассейне Камы. Появление таких поселений указывает на начало процесса перенесения оседлости из поймы на высокие берега рек, связанного с изменениями в хозяйстве, которые заключались, повидимому, в том, что земледелие и скотоводство, постепенно нарастая, превратились в его важные отрасли.

К сожалению, вследствие отсутствия стратиграфического слоя, соответствующего более древнему комплексу находок, почти нет данных, позволяющих судить, имелись ли в этом комплексе предметы переходного типа, связывающие стоянку с городищем, и таким образом вопрос о непрерывном существовании Гроханского поселения с конца эпохи бронзы нельзя считать окончательно разрешенным. Но у нас есть некоторые данные, говорящие в пользу такой точки зрения. Это — обломки трех сосудов, два из которых имеют выпуклый валик вокруг шейки. Характерная особен-

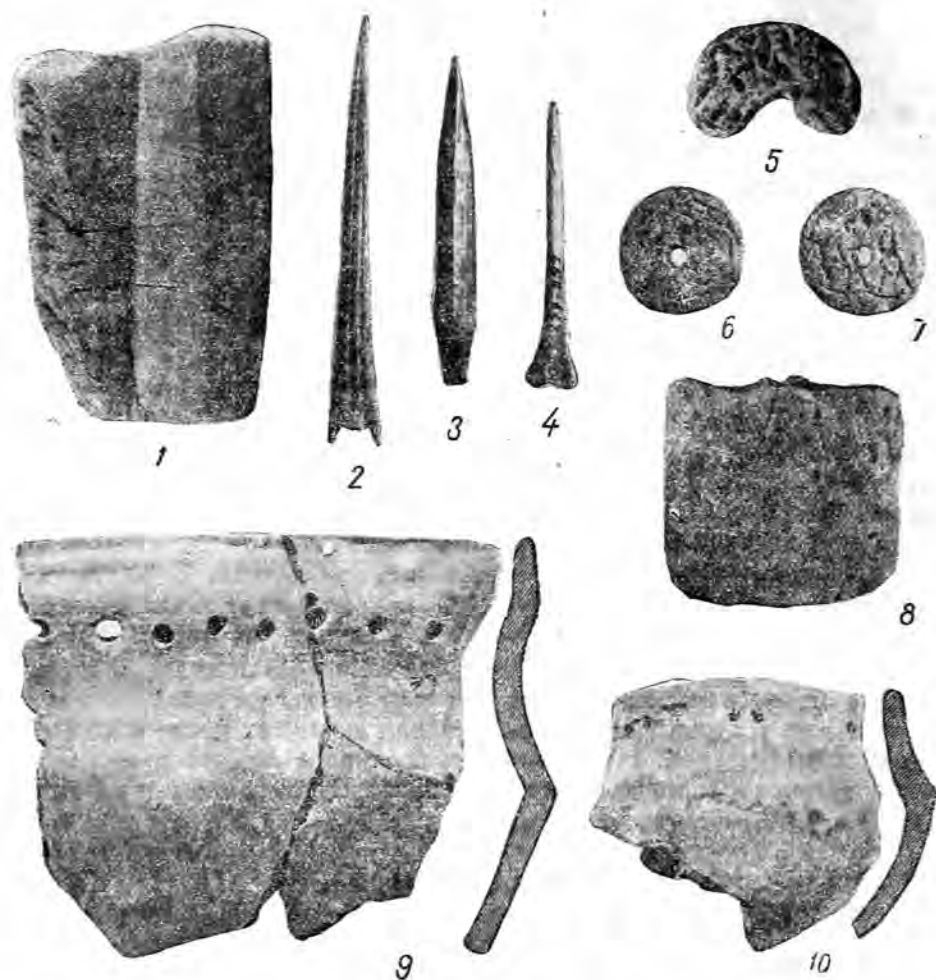

Рис. 20. Городище Грохань.

ность этих сосудов — резкий перегиб примерно посредине, образующий ребро. Все три сосуда имеют примесь раковины в глиняном тесте и орнаментированы ямочными вдавлениями. Особенностью сосуда без выпуклого валика в верхней части шейки является также то, что внутренняя поверхность его заглажена зубчатым штампом — признак, характерный для посуды срубного типа. Повидимому, этот сосуд является более древней формой, в то время как другие представляют собой переходные типы (рис. 20, 9, 10).

Единственная вещь из коллекции, собранной Ф. Д. Нсфедовым, которая может дать указания о том, что поселение было обитаемо на раннем

этапе развития ананьинской культуры, в VII — VI вв. до н. э., — бронзовый кельт с лобным ушком (табл. 16, рис. 9 указ. работы Ф. Д. Нефедова). Кельты такого типа характерны для Западной Сибири, и один кельт с лобным ушком был найден С. Б. Киселевым в могиле карасукского типа. Таким образом, мы имеем некоторые основания считать, что поселение у д. Грохань существовало непрерывно с начала I тысячелетия до IV в. до н. э., превратившись в ананьинскую эпоху в городище. Затем в течение долгого периода времени оно было заброшено и вновь заселено в болгарскую эпоху.

Основная масса находок из обеих раскопок памятника относится к ананьинской эпохе — к эпохе существования укрепленного поселения — городища Грохань. В коллекции Ф. Д. Нефедова имеется ряд очень характерных предметов, относящихся к этому времени. Среди них — бронзовый кельт и группа земледельческих орудий: 4 костяные мотыги и 2 обломка каменных зернотерок.

Все мотыги сделаны из трубчатых костей крупных животных и имеют острие, образованное косым срезом кости. Внешняя поверхность орудий прекрасно заполировалась в процессе работы; внутрь вставлялась коленчатая деревянная рукоятка. В верхней части некоторых наконечников мотыг имеются сквозные отверстия для гвоздя (табл. 16, рис. 1—3 отчета Ф. Д. Нефедова). Один небольшой наконечник мотыги с двумя парами отверстий для гвоздя, расположенных в верхней и нижней частях втулки, имеется в коллекции из раскопок 1929 г.

Обломки зернотерок (2 экз. из коллекции Ф. Д. Нефедова и 2 экз. из раскопок 1929 г.) состоят из пористого, довольно твердого известняка. Два из них имеют большие размеры и слегка выпуклую рабочую поверхность со следами работы. Хотя из-за своей фрагментарности эти обломки не представляют собою типичных форм зернотерок бассейна Камы, все же они дают о них некоторое представление. Типичные же формы в виде удлиненной нижней плиты со слегка вогнутой поверхностью и округло-выпуклой верхней плиты меньших размеров известны по раскопкам других городищ бассейна Камы, где они были найдены целыми.

Следующая группа предметов, характерных для ананьинской эпохи, в коллекции, собранной Ф. Д. Нефедовым, — бронзовые втульчатые топоры-кельты ананьинского типа, два из которых опубликованы в отчете Ф. Д. Нефедова (табл. 16, 11—12), третий не опубликован. Первые два орудия — шестигранные и имеют почти прямое лезвие, немного более узкое, чем обух. На внешней поверхности обоих орудий находится орнамент, состоящий из двух рельефных полос, опоясывающих втулку и спускающихся вниз на средних гранях каждого кельта. С одной стороны каждого орудия спускаются вниз три параллельные полосы, начиная от рельефного пояса вокруг втулки и, примерно, до $\frac{2}{3}$ длины средней грани; с другой — сверху спускаются две пары расходящихся полос, кончающихся немного выше лезвия. Отношение длины к ширине этих орудий — примерно 1 : 2.

Третий кельт, в поперечном разрезе овальный, очень низкий со слегка дуговидным лезвием, более узким, чем обух, и фигурными краями втулки, украшен орнаментом, состоящим из двух параллельных рельефных полос, расположенных в верхней части между расходящимися рельефными ребрами кельта. Длина орудия примерно равна ширине — 5,5 см (рис. 20, 8).

Анализ сравнительно небольшого количества костей животных из нижнего горизонта слоя с культурными остатками показывает, что у древнего населения городища существовали все современные домашние животные — лошадь, крупный рогатый скот, овца и свинья. На первом месте по количеству костей стоит свинья (145 костей), за нею следует лошадь (75

костей), затем корова (50 костей) и на последнем месте — овца (6 костей).¹ Из остатков диких животных были найдены кости медведя, соболя (или куницы), зайца, бобра и несколько десятков костей птиц, что позволяет говорить не только о существовании у древнего населения городищ охоты на диких животных и птиц, но и охоты на пушного зверя.

Что касается орудий охоты, важнейшим из которых были лук и стрелы, то следует отметить, что их найдено очень мало. В коллекции, собранной Ф. Д. Нефедовым, имеется один обломок кремневого наконечника стрелы, побывавшего в огне, о котором говорилось выше, и один бронзовый, не изданный и не упомянутый в отчете Ф. Д. Нефедова. Это втульчатый трехлопастный наконечник с выступающей вниз втулкой и не совсем симметричными лопастями, — сравнительно редкая форма, бытующая в скифском мире в конце VI — V вв. до н. э. (рис. 21, 2).

В коллекции из раскопок 1929 г. имеются два костяных наконечника стрелы. Оба они черешковые, четырехгранные. У каждого боковые ребра граней, начиная примерно от 1/3 длины от острия, сначала слегка суживаются, а затем расширяются, образуя слегка вогнутый профиль. У одного более крупного экземпляра с обломанным черешком концы боковых ребер спускаются вниз, образуя острые шипы, другой имеет уплощенный черешок, край которого обломан. Длина орудий — 10,9 и 8,4 см. (рис. 20, 2—3). Обе формы наконечников стрел встречаются на городищах ананьинской эпохи, причем наконечник стрелы с шипами — явление сравнительно редкое.

В обеих рассматриваемых коллекциях отсутствуют предметы, связанные с рыболовством, но среди костных остатков из нижнего культурного слоя из раскопок 1929 г. имеется некоторое количество рыбных костей (встречаются кости крупных осетровых, стерлядей и щуки), в том числе позвонков, что доказывает существование у древнего населения городища рыболовства. О собирательстве свидетельствуют раковины съедобных речных моллюсков, также найденные в нижнем культурном слое во время раскопок 1929 г.

В коллекции из раскопок Ф. Д. Нефедова чрезвычайно интересен обломок каменной литейной формы, которую Ф. Д. Нефедов считал осколком камня «с каким-то неопределенным начертанием». Материал формы — серый песчаник. Внешняя поверхность ее гладкая, слегка округлая по бокам, на внутренней имеется углубление в виде тупого угла, одна сторона которого представляет собою часть плоскости боковой грани кельта, другая — часть плоскости средней грани. В верхней половине обломка формы находятся три параллельные углубленные борозды — для получения характерного для ананьинских кельтов орнамента в виде параллельных линий, лежащих вдоль края втулки. Сравнительная узкость и небрежная отделка этих борозд дает возможность предполагать, что форма сломалась в процессе изготовления и не была в употреблении (рис. 20, 1). Наличие в коллекции обломка литейной формы указывает на существование у древнего населения городища ананьинской эпохи местного медно-литейного производства.

В коллекциях есть небольшая группа каменных и глиняных предметов, связанных с обработкой растительного волокна или шерсти: это так называемые пряслица. Их имеется 2 экз. из коллекции, собранной Ф. Д. Нефедовым, и 3 экз. из раскопок 1929 г. Особенно интересно каменное пряслице из первой коллекции, опубликованное в отчете Ф. Д. Нефедова (табл. 17, рис. 11), орнаментированное с обеих сторон. С одной стороны

¹ Результаты подсчета костей не могут иметь решающего значения ввиду незначительности раскопок вообще и, особенно, того участка, где был прослежен нижний горизонт культурного слоя.

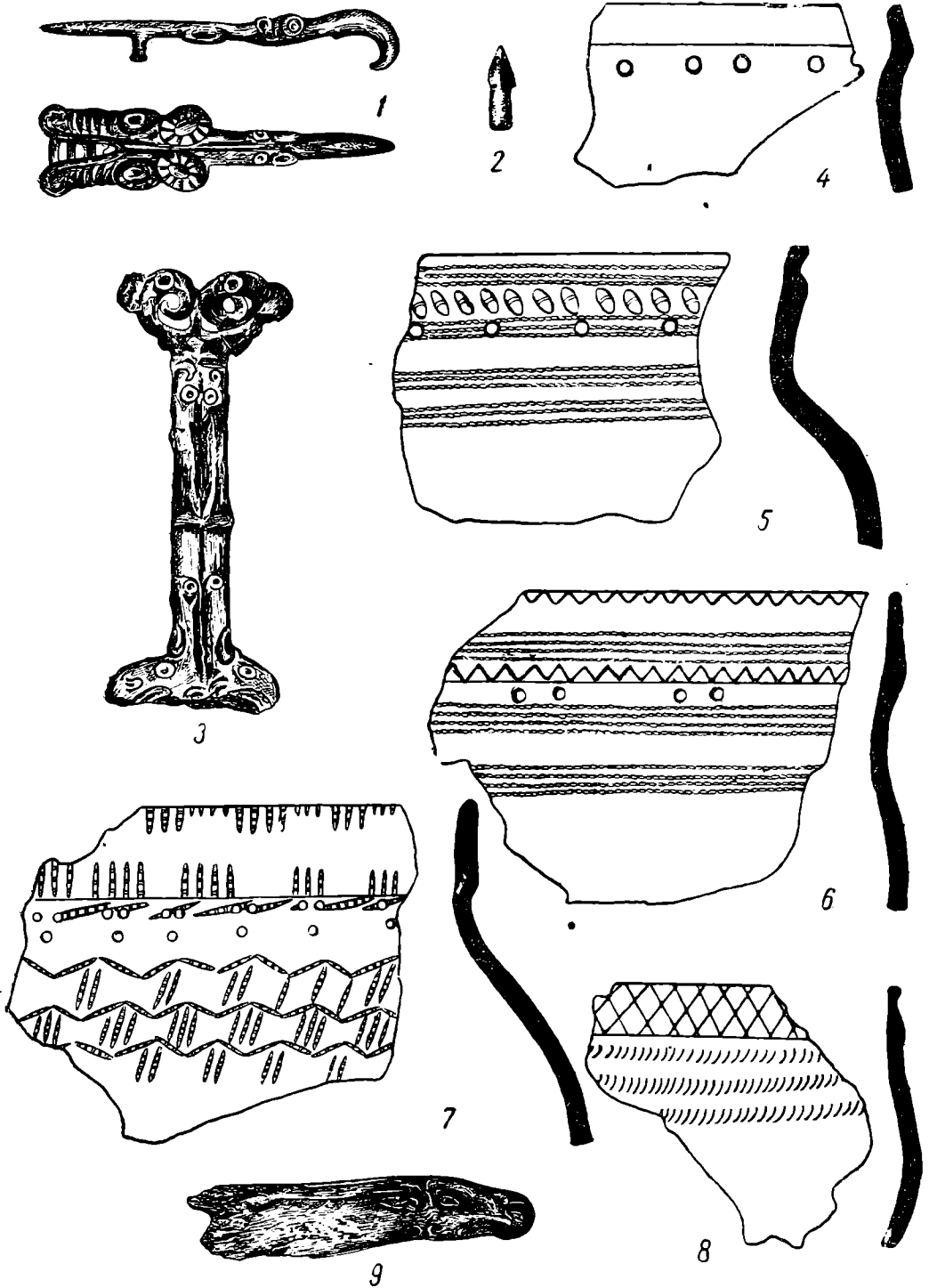

Рис. 21. Городище Грохань.

между узкими полосами, окаймляющими центральное отверстие и края пряслица, расположена полоса с шестью резными головами хищных птиц, повернутыми в одну сторону. На другой стороне орнамент представляет собою рисунок вроде многолепестковой розетки, окруженной узкой лентой с поперечными нарезками.

Одно из пряслиц, найденных в 1929 г., сделано из известняка и покрыто с обеих стороны резным орнаментом, образующим неясные фигуры (рис. 20, 6—7), 2 других экземпляра — обломки глиняных пряслиц. Один из них — без орнамента, другой имеет с одной стороны несимметричное изображение звезды или розетки, небрежно нанесенное зубчатым штампом, с другой — парные ямочные вдавления (рис. 20, 5).

Обработка растительного волокна, повидимому, была уже известна в ананьинскую эпоху, так как в одном из погребений Ананьинского могильника Алабиным были обнаружены зерна конопли.

Для более детальной датировки памятника чрезвычайно важны еще два предмета из коллекции Ф. Д. Нефедова: бронзовая рукоятка железного ножа или кинжала и бронзовый поясной крючок. Последний предмет не издан и не упомянут в отчете Ф. Д. Нефедова, второй издан в виде двух отдельных фрагментов рукояток (рис. 7 в тексте, на стр. 53).

Рукоятка кинжала состоит из довольно массивного, овального в разрезе, стержня с небрежным изображением сходящихся рельефных линий, которые заканчиваются спиральками и завитками.

Верхний конец рукоятки представляет собою две обращенные друг к другу рельефные головы ушастых грифонов с загнутыми в спираль клювами. В нижней части рукоятки — две обращенные в разные стороны головы животных образуют характерное для скифских и ананьинских кинжалов перекрестье. Рукоятка довольно грубой, несомненно местной работы, головы грифонов и, может быть, лосей стилизованы. Глаза их имеют вид выпуклых колец с круглыми бугорками посредине. Уши грифонов — округлые, с слегка вогнутыми раковинами и плохо заметными бугорками по краям. Уши животных даны плоским рельефом. Длина рукоятки — около 12 см (рис. 21, 3). Трактовка ушей и глаз животных на перекрестье рукоятки сильно напоминает фрагменты лошадиных морд из кости, найденные Д. Н. Эдингом во время раскопок поселения Аннин остров, относящегося примерно к половине I тысячелетия до н. э. Ближайшие аналогии подобных рукояток ножей или кинжалов находятся в Сибири, среди предметов, относящихся к тагарской культуре, где они датируются IV в. до н. э.

Бронзовый поясной крючок состоит из плоской прорезной пластинки со стилизованным изображением распластанной морды хищника, с широко раскрытой пастью, где схематически показаны зубы, и массивного крючка, трактованного, как клюв грифона. Концы губ зверя завернуты в спирали, глаза имеют вид рельефных овальных колец с бугорками посредине, уши — овальных впадин, рельефные края которых подражают витью шнура. На морде зверя между глазами и краями пасти изображена шерсть в виде косых рельефных полос. За ушами хищника показана длинная шея, которая переходит в небольшую рельефную голову ушастого грифона с загнутым крючком массивным и очень длинным клювом. Глаза грифона имеют вид выпуклых колец с круглыми бугорками посредине, уши сбоку похожи на фигуру петли с впадиной внутри. На черепе грифона сверху находятся три выпуклые полосы. Длина бронзового поясного крючка — 9,3 см (рис. 21, 1). Подобный крючок имеется в коллекции из раскопок Ананьинского могильника Алабина. Мотив распластанной головы хищника известен также по раскопкам скифских курганов юга России. Бронзовые поясные крючки в большом количестве найдены были В. А. Городцовым при погребениях во время раскопок «Частых курганов» под Воронежем, и среди них встречался мотив распластанной головы хищника. Такой же мотив наблюдался там же на рукоятке ножа. Бронзовые поясные крючки данного типа относятся к IV в. до н. э.

Очень большой интерес представляет обломок костяного предмета, по-видимому ручки, со скульптурной головкой самки лося на конце, найденный

во время раскопок 1929 г. в нижнем горизонте культурного слоя. Головка отличается необычайным изяществом выполнения. Рельеф черепа, характерные губы и глаза лося даны вполне реалистично, но в то же время в трактовке нижних челюстей и ушей животного уже есть элементы стилизации — внутренний контур уха и угол между нижней челюстью и шеей показаны спиральными завитками. Очертания ушей, ноздрей, глаз обведены рельефными лентами примерно одинаковой ширины. На границе между нижней челюстью и шеей находится небольшое круглое сквозное отверстие, служащее, очевидно, для привешивания предмета к поясу. Вся поверхность головки хорошо заполирована. Поверхность шеи между краями челюстей — гладкая и не имеет характерного для лося углубления. Длина обломка — 9,2 см (рис. 21, 9).

Рассматривая изображения животных и грифонов из городища Грэхань, мы наблюдаем различные этапы стилизации одного и того же мотива. Так, головы лосей на бронзовой рукоятке кинжала и костяная головка лося находятся примерно на одной и той же ступени, но голова грифона на бронзовом крючке является дальнейшим шагом вперед по сравнению с головами на верхушке рукоятки, и самым поздним этапом нам представляется распластанная морда зверя на плоской пластинке бронзового крючка, совершенно утратившая реалистические черты.

Среди материала из раскопок 1929 г. имеется еще небольшое костяное шильце (рис. 20, 4) и миниатюрная привеска из мелких птичьих косточек, а также фаланга оленя со сверлиной в верхней части.

Глиняная посуда, представленная в коллекции Ф. Д. Нефедова всего несколькими обломками сосудов, составляет большую группу находок из раскопок 1929 г. Прежде всего следует отметить, что целых сосудов, за исключением одной-двух маленьких чашечек, найдено не было, но в некоторых случаях встречались довольно большие фрагменты шеек и стенок, что дает возможность установить несколько форм сосудов. Вся глиняная посуда была сделана без помощи гончарного круга, от руки. В некоторых случаях наблюдались характерные для ленточной техники изломы по линии спая отдельных глиняных полос. В глиняном тесте имеется довольно большая примесь толченых раковин. Внешняя и внутренняя поверхности сосудов заглажены преимущественно при помощи тряпки или кожи, иногда зубчатого штампа, изредка на внешней поверхности наблюдаются следы лощения. Форма сосудов представляет собою варианты одного основного типа — круглодонной более или менее низкой чашки, бытовавшей в бассейне Камы в течение очень большого промежутка времени. Вокруг горла сосудов в большинстве случаев имеется выпуклый валик, служивший, вероятно, для удобства обвязывания сосудов веревкой или проволокой при подвешивании над огнем.

Можно выделить следующие типы сосудов:

1. Сосуды с небольшой прямой или слегка отогнутой шейкой, плавно переходящей в более или менее выпуклые стенки, наибольший диаметр которых находится в верхней части. На шейке большинства сосудов — выпуклый валик. Размеры — различные, главным образом средние (рис. 21, 8).

2. Сосуды второго типа отличаются от первых тем, что наибольшая ширина их находится в средней или нижней части (рис. 21, 7). Особый вариант этого типа — сосуды с прямой или слегка загнутой внутрь шейкой, резко переходящей в стенки, которые сначала суживаются, затем расширяются (рис. 21, 4).

3. Сосуды с прямой или немного отогнутой невысокой шейкой, очень плавно переходящей в слабо выпуклые стенки, наибольшая ширина которых — горло сосуда. Большинство сосудов этого типа имеет на шейке выпуклый валик (рис. 21, 6).

Формы первых трех типов обычны для городищ Вятки — Камы, принадлежащих к ананьинской эпохе, формы же остальных типов встречаются редко и являются более оригинальными.

4. Сосуды (1—2 экз.) с более высокой шейкой, в верхней части которой расположен выпуклый валик, и резким переходом в сильно выпуклые стенки. Наибольшая ширина сосудов находится, вероятно, в средней части. Форма сосудов ниже шейки, вероятно, близка к шару. Размеры их — довольно крупные (рис. 21, 5).

5. К этому типу относятся три сосуда. Все они содержат примесь в глине толченых раковин. Два сосуда имеют выпуклый валик в верхней части шейки. Внутренняя поверхность сосуда без выпуклого валика заглажена при помощи зубчатого штампа. Характерной особенностью сосудов этого типа является резкий перегиб, примерно по середине сосуда, напоминающий острое ребро. Форма дна неизвестна, они были округлыми или уплощенными. Орнамент всех трех сосудов состоит из горизонтального пояса ямочных вдавлений, расположенных вокруг шейки. Ямки в двух случаях — неправильные, в третьем — нанесены круглым предметом и имеют вид кольцевых вдавлений (рис. 20, 9). Профиль сосуда, не имеющего выпуклого валика вокруг шейки, подобен профилю сосуда из погребений кургана 2-го Мало-Окуловского могильника срубного типа (рис. 20, 10). Повидимому, один из сосудов (без выпуклого валика вокруг шейки) относится к более древнему комплексу находок, а два других представляют собою переходные формы. Орнамент расположен исключительно в верхней части сосудов на выпуклом валике шейки, в верхней части плеч, изредка — на обресе венчика. Нижняя часть сосудов не орнаментирована. Элементы орнамента — ямочные, гребенчатые и шнуровые вдавления, чаще в сочетании друг с другом, реже — в чистом виде. Наиболее распространенным является орнамент, состоящий из различных сочетаний ямочных и шнуровых отпечатков. Довольно большая группа сосудов украшена сложными узорами, состоящими из разных комбинаций ямочных, гребенчатых и шнуровых вдавлений. Неорнаментированных сосудов почти нет.

Подводя итоги, приходим к следующим выводам:

1. В начале I тысячелетия до н. э. на месте городища Грохань существовало древнее поселение, одно из самых ранних поселений на высоких берегах рек в бассейне Камы. Население его уже было, повидимому, знакомо с земледелием.

2. Древнее укрепленное поселение, относящееся к ананьинской эпохе, существовало с VII до IV в. до н. э. В течение этого времени населявшая его родовая группа один раз ремонтировала земляной вал, защищавший площадку городища, повидимому, со времени его возникновения. Население городища занималось земледелием, скотоводством, рыболовством, охотой на дикого зверя и птицу (в том числе охотой на пушных зверей) и собирательством.

3. Следует отметить еще одно обстоятельство. В коллекции, собранной Ф. Д. Нефедовым, имеется такое большое количество бронзовых орудий, какое не встречалось ни на одном городище бассейна Камы, даже при вскрытии больших площадей. Из предметов, относящихся к ананьинской эпохе, здесь найдены 4 кельта, рукоятка кинжала, поясной крючок; из вещей более древних, — кинжал, кельт, мотыга, долото. Такое исключительное обилие бронзовых орудий, обычно встречающихся при погребении, заставило А. М. Тальгрена предполагать, что здесь существовал небольшой древний могильник. Но этому противоречит описание Ф. Д. Нефедова, который, выделяя погребения, относящиеся к болгарской эпохе, не упоминал о других погребениях.

ным юго-востоком вплоть до Монголии и Северного Китая, и наконец, по р. Оми и левобережным притокам Оби — с областью распространения восточносибирской бронзы.

Несмотря на большое разнообразие и даже пестроту форм западносибирских кельтов, они, при более тщательном рассмотрении, обнаруживают и общие, объединяющие их черты.

Одним из таких признаков является наличие во втулке кельта поперечной перегородки, служившей, видимо, для более прочного укрепления рукояти. Подобная перегородка — локальное явление, не имеющее себе аналогий ни в одной из соседних культур. По форме и орнаментации западносибирские кельты могут быть разбиты на четыре группы, сообразно с чем мы и даем здесь их описание.

1. Кельт из с. Сосновского Маминской волости; Свердловский музей, № 437¹ (рис. 22, 5). В сечении — шестигранный, довольно массивный. Верхняя часть шире лезвия, но наименьшая ширина приходится на одной четверти его длины, считая от рабочего края. Длина — 100 мм, ширина по верхнему краю — 80 мм, наименьшая ширина — 67 мм, ширина по лезвию — 72 мм. Средняя грань, узкая сверху, резко расширяется по направлению к закругленному лезвию. По линии стыка с боковыми гранями она ограничена рельефными валиками или ребрами, придающими ему вместе с орнаментом в виде крупной лесенки по краю втулки некоторое, хотя и отдаленное, сходство с сейминскими формами. Сама втулка неглубока и в то же время довольно широка и округла. Со дна в ней возвышается поперечная перегородка высотой около 37 мм и толщиной 2—3 мм.

2. Кельт, происходящий «откуда-то из Сибири». Хранится в Свердловском музее (рис. 22, 6). По форме почти прямоугольный. В сечении шестигранный. Лезвие слегка закруглено. Длина — 105 мм, ширина по краю втулки — 70 мм, по лезвию — 65 мм. Орнамент — рельефный. Одна линия идет горизонтально, на расстоянии 12 мм от верхнего края. Ее пересекает другая, идущая от края до середины кельта. От горизонтальной линии к краю отходят две короткие линии, вниз от нее спускаются также две V-образные фигуры. На расстоянии 35 мм от края, на средней грани, имеется неправильной формы отверстие. Во втулке — поперечная перегородка высотой — 40 мм и толщиной около 5 мм. На краю втулки, посредине широких граней, заметны литниковые утолщения.

3. Кельт из городища в урочище Татарский Бор, близ д. Барсуки Шадринского района (ГИМ, № 50022)² (рис. 22, 3). По форме прямо угольный, в сечении шестигранный. Средняя грань книзу довольно резко расширяется. Лезвие сильно закругленное. Орнамент состоит из горизонтальной рельефной линии, проходящей на некотором расстоянии от края; от нее вверх и вниз отходят короткие, также вертикальные линии. Литье довольно грубое, ноздреватое, а особенно по краю втулки. На каждой из средних граней, несколько правее к краю от середины, находится по круглому отверстию, несколько расширяющемуся внутрь. Перегородка имеет 32 мм высоты и 2—3 мм толщины. Кельт в позднейшее время поврежден — одна из средних его граней разрублена от края до круглого отверстия.

Ближайшими аналогиями для I группы являются кельты из Дербедени³ и из Шадринского уезда (рис. 22, 7),⁴ также характеризующиеся шести-

¹ Этот кельт и следующий, а также некоторые другие приводятся по данным Л. Н. Эдингга, за предоставление которых я ему искренне признателен.

² Коллекция поступила от Данилова в 1917 г. без каких-либо сопроводительных материалов. Заключает в себе вещи разного времени.

³ Н. И. Булычев. Древности Восточной России, табл. V, рис. 5.

⁴ ГИМ, № 35201.

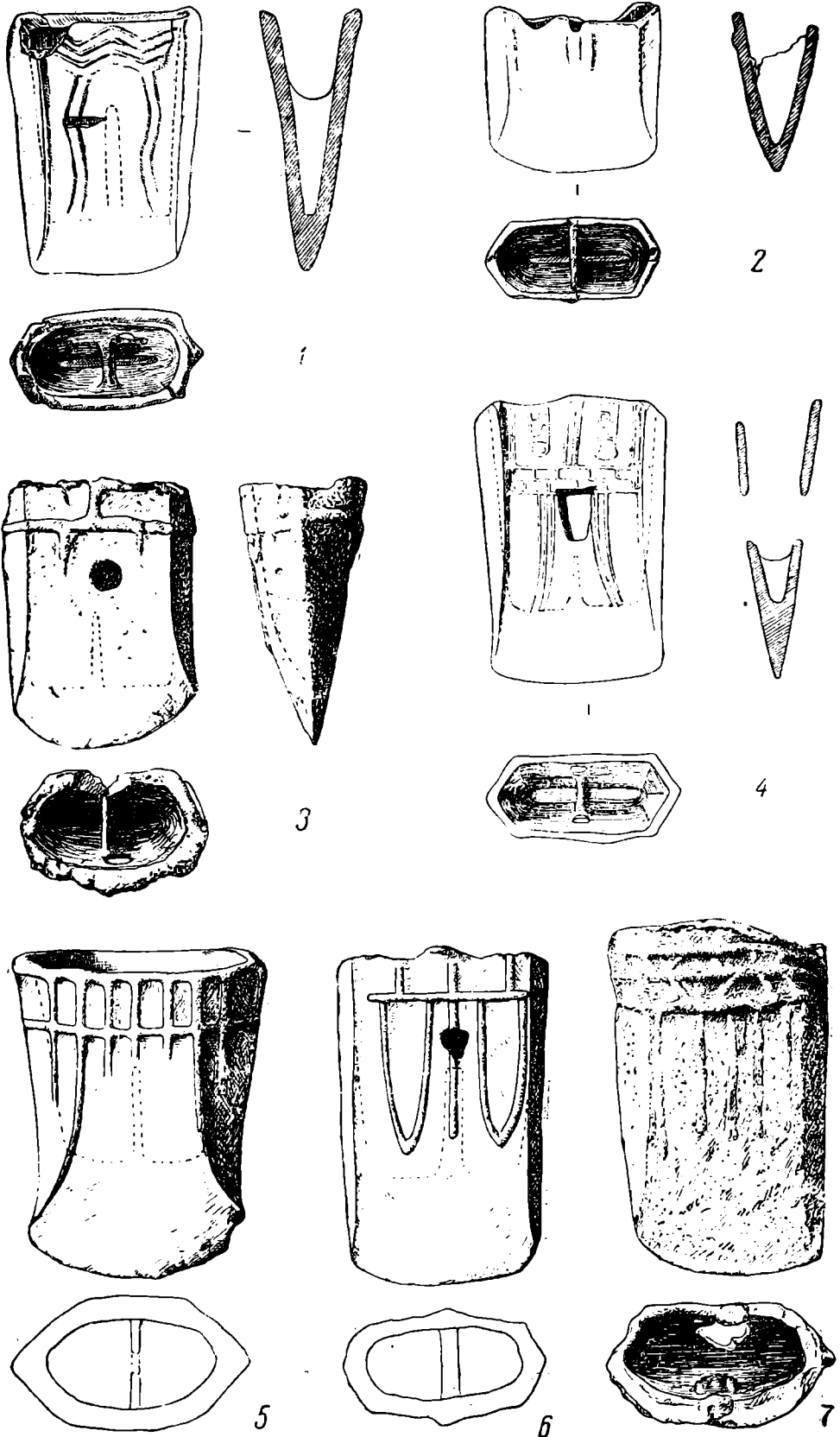

Рис. 12. Западносибирские кельты.

гранностью, расширяющейся к лезвию средней гранью, при некотором общем сужении, и орнаментацией из горизонтальных и вертикальных линий. Однако оба кельта не имеют перегородок, что делает аналогию неполной и заставляет подходить к этому сближению с известной осторожностью. Тем не менее, в целях предварительной датировки оно все же может быть сделано. Датированным является кельт из Дербедени, время которого определяется весьма надежно по сопутствующим ему в кладе «бритве» и втульчатому долоту, относящимся, по данным О. А. Гракэвой, к IX—VIII вв. до н. э. По сравнению с № 1 и 2, кельт из Татарского Бора имеет, возможно, несколько более молодой возраст и по сопутствующим ему шипастым стрелам может быть отнесен к VII—VI вв. до н. э. Беря для всей первой группы среднюю дату, возраст ее можно ориентировочно определить VIII—VI вв. К этой же группе, по всей вероятности, следует причислить кельт из желтой бронзы, найденный около Ивановского женского монастыря, в Тобольском округе (Тобольский музей, № 341)¹ (рис. 23, 4). По форме орнаментации и наличию отверстия на средней грани он весьма типичен, но поскольку нам неизвестно, имеется ли в нем перегородка, уверенности в принадлежности его к описываемой группе быть не может.

Вторая группа представлена пятью кельтами, найденными в Тарском и Тюкалинском округах б. Тобольской губ. крестьянином Усовым, приславшим их в Археологическую комиссию, и кельтом, хранящимся в Тюменском областном музее за № 49 (897). Все они прямоугольной или несколько суживающейся к закругленному лезвию формы, овального сечения и имеют хорошо выраженную перегородку, достигающую по высоте до двух третей втулки. Два из них, № 1 и 2 (рис. 24, 1, 3)², имеют сквозные отверстия на стенках. Отверстия несколько расширяются к внутренней поверхности стенок, где они имеют более правильные подквадратные очертания.

Края кельтов усилены валиками, не всегда, впрочем, удавшимися в отливке. Для орнаментации характерны одна-две параллельные этому валику рельефные линии. Лишь один экземпляр — № 5³ (рис. 24, 2) не имеет дополнительных линий. Этот кельт отличается от прочих также и тем, что несет на себе одно, расположенное сбоку, ушко. Последнее очень мало, с ничтожным неправильной формы отверстием, имеет атипичный облик и едва ли может быть принято как характеризующий признак. Кроме горизонтальных, кельты имеют еще вертикальные линии, образующие редкую лесенку⁴ (рис. 24, 4) или расходящиеся от середины к нижним углам. В № 4⁵ (рис. 24, 5 и 7) на одной из сторон эти линии образуют косой крест, верхняя половина которого почти сливается с уголками, опоясывающими кельт, примыкая основаниями к горизонтальной линии. У № 5 (рис. 24, 2) расходящиеся линии, с одной стороны, весьма сходны с такими на типичных ананьинских овальных кельтах, с другой — они напоминают «ребра», ограничивающие среднюю грань в только что описанной I группе. Тюменский кельт (дл. 72 мм, шир. 52, толщ. 25; перегородка 20 мм высотой) не имеет украшений за исключением валика, параллельно верхнему краю. На широких стенках два подквадратных отверстия. Он найден в кургане близ д. Войновой-Галевой, вместе с сейминско-турбинским кельтом и теслом карасукского типа.

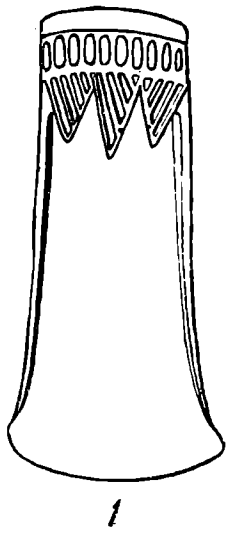
¹ Изображение его см. А. Heikel. Antiquités de la Sibérie occidentale. Hels., табл. XIII, рис. 6, 1894.

² № 1 — ГИМ, II отдел, № 39952, № 2 — ГИМ, II отдел, № 38209.

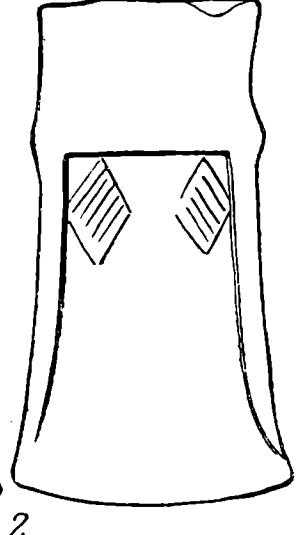
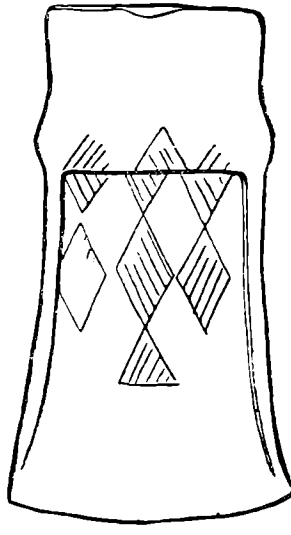
³ № 5 — ГИМ, I отдел, № 39952.

⁴ № 3 — ГИМ, II отдел, № 38209-5.

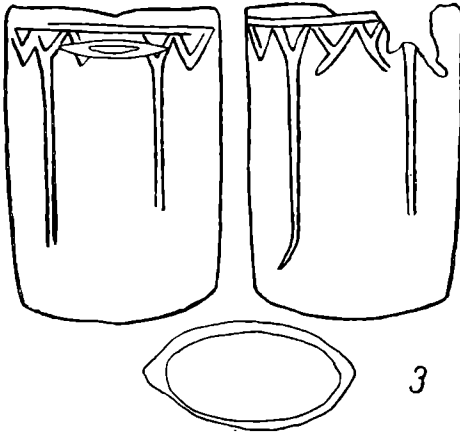
⁵ № 4 — ГИМ, II отдел, № 39096.

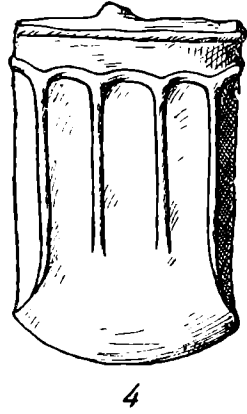
1

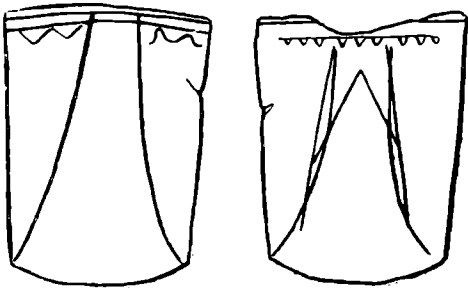
2

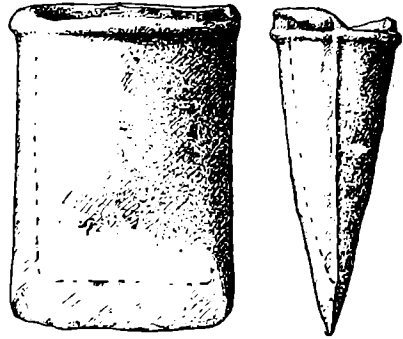
3

4

5

6

Рис. 23. Западносибирские кельты.

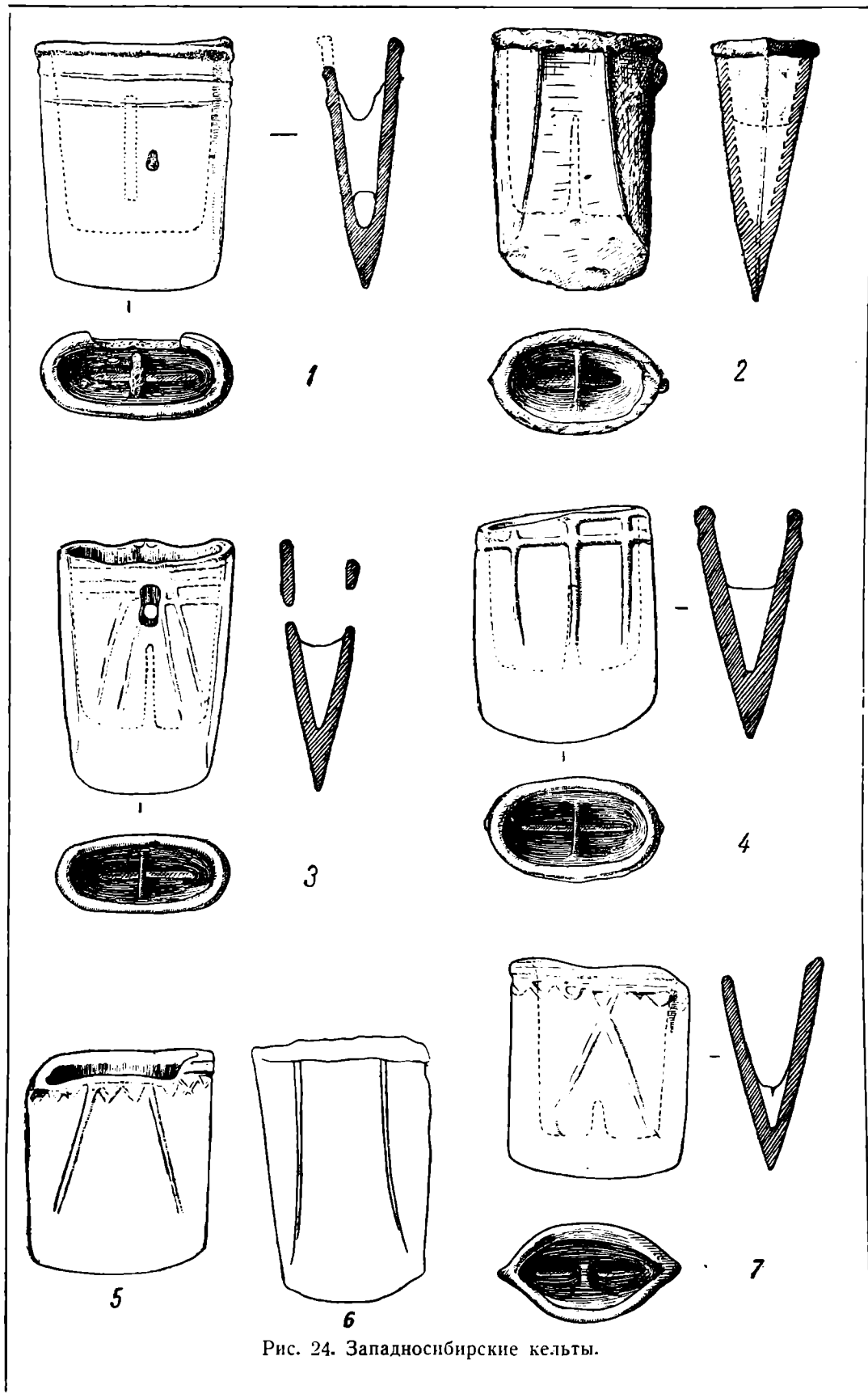

Рис. 24. Западносибирские кельты.

Аналогии для II группы находим в кельтах так называемого уральско-ананьинского типа из Иртышского городища¹ (рис. 23, 6), с Аятского озера (рис. 23, 5) и из Кыштымского завода² (рис. 24, 6 и 23, 3). Форма, пропорции, утолщенный валик и орнаментация позволили бы даже объединить их, если бы не отсутствие перегородок и второстепенного признака — отверстий на стенках (сравним № 2 и 3 (рис. 24, 3, 4) с кельтами аятским и кыштымским и № 5 — с другим кыштымским (рис. 24, 6). В свою очередь, уральские кельты имеют черты, прочно связывающие их с типично ананьинскими. Если же учесть совместность нахождения тюменского кельта с карасукским теслом и поздним, по своей орнаментации, сейминско-турбинским кельтом, то дату для II группы западносибирских перегородчатых кельтов с достаточной уверенностью можно принять VII—IV вв. до н. э.

Кельты III группы по некоторым признакам очень близки к описанным в первой. Они имеют шестигранное сечение, и наименьшая ширина у них приходится обычно на расстоянии одной четверти всей длины, считая от рабочего края. Средняя грань круто расширяется к лезвию, как правило довольно закругленному, и отграничена от боковых рельефными гребнями. Все известные кельты этой группы богато орнаментированы, причем орнамент, выполненный рельефными линиями, расположен лишь на средних гранях, не заходя на боковые.

К е л ь т № 1. Прямоугольный шестигранный перегородчатый кельт, очень близкий по форме к № 2 группы I, от которого в основном отличается лишь орнаментом из трех горизонтальных и одной вертикальной линий (рис. 25, 9). Своеобразная особенность его, не встречаемая на других кельтах, — наличие четырех отверстий, из которых два помещаются на стыках боковых граней. Найден на р. Курейка Енисейского уезда.³

К е л ь т № 2 (рис. 25, 8). «Из красной меди; 7 см длины и 5 см ширины. Вес — 162 г. Втулка четырехугольная, 4 × 2,5 см и 5 см глубины. Внутри в нижней трети разделена тонкой перекладиной на две половины. Боковые стенки отлиты на две грани. Обе широкие поверхности украшены орнаментом в виде трех рельефных полосок сверху, опоясывающих его параллельно. От нижней полосы на одной стороне кельта идут две косые линии, образующие при перекрещивании два сходящихся вершинами треугольника; на другой стороне от нижнего пояса идут две слегка изогнутые книзу линии. Найден на пашне в Каинском округе, близ деревни Бурундуковой». ⁴ Мерхарт рассматривает этот кельт как промежуточную форму между красноярским и ананьинским типами. Действительно, прямоугольностью края втулки он напоминает тагарские кельты. Однако шестигранное сечение в средней части, общая форма и наличие перегородки заставляют отнести его к западносибирскому типу. Косой крест на одной из широких граней, который Мерхарт рассматривает как «необычный для обеих названных [«красноярской» и ананьинской] культур», является, как мы видели во II группе, мотивом, также не чуждым западносибирским кельтам.

К е л ь т № 3. Из Тарского округа Тобольской губ. ГИМ, № 38209-6 (рис. 22, 1). Шестигранный, несколько суженный книзу. Длина — 72 мм, ширина по втулке — 55 мм, по лезвию — 42 мм. Средняя грань, несколько расширяющаяся к лезвию, отграничена от боковых рельефными ребрами.

¹ R. Dmitriev. Die Gusstechnik auf dem Burgberge Irtyas. ESA, т. VI, стр. 125.

² Кельт с Аятского озера. МАЭ, коллекция Малахова, № 1572-252. Кельты из Кыштымского завода. Свердловский музей. По зарисовкам Л. Эдинга.

³ Енисейский Кытманский музей, № 12486. G. Merhart. Bronzezeit am Jenissei, рис. 59, Wien, 1926.

⁴ В. Флоринский. Первобытные славяне, т. II, ч. 2, стр. 415. G. Merhart. Op. cit., рис. 55. Хранится в Томском музее, № 2590.

На широких гранях имеет сквозные отверстия, расположенные несколько влево от середины. Снаружи они неправильно удлиненной формы, но к внутренней поверхности стенок расширяются и приобретают прямоугольные очертания. Перегородка — около 33 мм высоты и 4 мм толщины. Орнамент по композиции напоминает II группу, отличаюсь, однако,

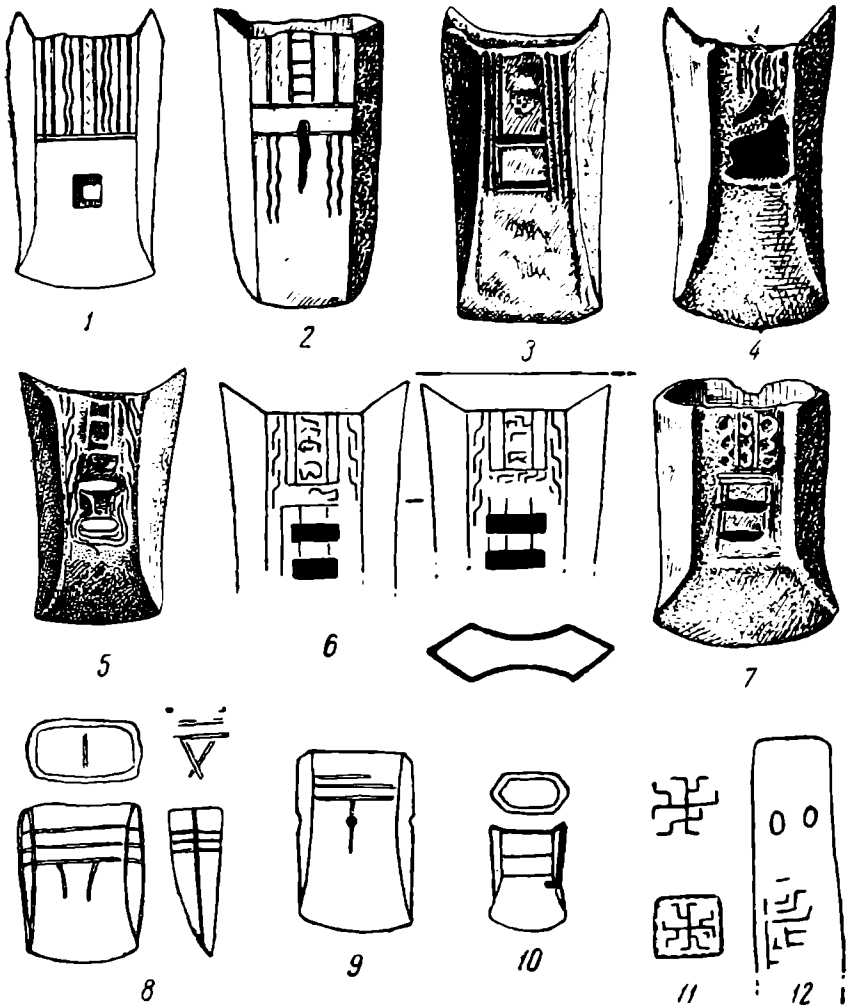

Рис. 25. Кельты.

1—7 — кельты четвертой группы. Все около 1/2 нат. вел.: 3, 4, 7 — по Гайкелю; 5 — по Мартину; 6 — с зарисовки на регистрационной карточке Минусинского музея; 8—9 — по Мерхарту; 10 — Северный Китай, тип «3»; 11—12 — усть-полуйские тамги.

изломанностью линий. Четыре такие изломанные под тупыми углами линии, горизонтально расположенные, обрамляют верхнюю часть средних граней. От выступающих вниз углов опускаются две пары пологих зигзагов, достигающих нижней четверти кельта.

Кельт № 4. Из Тарского округа Тобольской губ. ГИМ, 679-1 (рис. 22, 4): шестигранный, чуть суженный книзу. Длина — 82 мм; ширина по верхнему краю — 54 мм, по нижнему — 50 мм, наименьшая ширина — 48 мм. Средняя грань ограничена рельефными ребрами. На средних гранях имеет по довольно большому отверстию трапециевидной формы. Перегородка тупо заостренная, около 15 мм высоты. Орнамент композицион-

но разбит на три зоны. Верхняя состоит из трех вертикальных полос, из которых каждая образована двумя-тремя параллельными линиями. Между ними расположены две также вертикальные полосы из меандров, оканчивающиеся внизу овалами, напоминающими «глаза» на тагарских кельтах верхнеметляевского клада. Вторая зона образована горизонтально расположенной полосой из меандров, а третья — из пары «усов», каждый из трех параллельных линий, расходящихся книзу.

Кельт № 5. Лагерное городище близ Томска. Раскопки Андрианова в 1889 г. ГИМ, № 85/44-6 (рис. 22, 2). Кельт дефектный. Верхняя часть его не удалась в отливке. Тем не менее шестигранность, форма средней грани, перегородка и ребра на стыке средней и боковых граней дают достаточное основание для отнесения его к III группе. Несмотря на дефектность, кельт был в употреблении — лезвие его с одной стороны заточено. Об этом же свидетельствует разрыв на перегородке, не выдержавшей расклинивающего усилия рукоятки на боковые стенки кельта, не превышающие 1.6 мм толщины. Сама перегородка, также очень тонкая — 1.5 мм, имеет свыше 30 мм высоты.

Наиболее своеобразна IV группа, которую по преобладающей локализации материала можно назвать тобольской. По своему типу кельты этой группы чрезвычайно близки к только что описанным, и к ним вполне может быть применена характеристика, данная для III группы. К ней следует добавить лишь, во-первых, значительно большую удлиненность, достигающую 1:2 в соотношении ширины и длины; во-вторых, крайне своеобразную черту, заключающуюся в приподнятости углов боковых граней, напоминающих острые уши, и, в-третьих, поскольку можно судить по описаниям, отсутствие перегородки или, по крайней мере, очень значительное ее сокращение. Следует, однако, оговориться, что некоторые из кельтов этой группы известны нам лишь по не особенно удовлетворительным рисункам или кратким характеристикам, почему и описание их не всегда может быть сделано достаточно полным.

Кельт № 1 (рис. 25, 1). Тобольский музей. Происхождение неизвестно. По форме весьма типичен. В нижней трети средней грани имеет сквозное квадратное отверстие, местоположение которого заставляет сомневаться в наличии перегородки. Орнаментация имеет тенденцию к зональной разбивке, подобной описанной в III группе. Верхняя зона образована пятью вертикальными полосами — тремя прямыми и двумя волнистыми, состоящими каждая из двух рельефных линий. Средняя зона представлена лишь одной горизонтальной линией.

Кельт № 2. Усть-Полуй, МАЭ, № 5455-4801¹ (рис. 25, 2). По форме несколько атипичен, так как не имеет расширения к лезвию. Перегородка во втулке отсутствует. Композиция орнамента совершенно тождественна № 4 группы III. Верхняя зона имеет вертикальную разбивку и состоит из лесенки и двух линий по обе стороны от нее. Средняя зона — горизонтальная, из двух линий. Нижняя — из двух пар вертикальных волнистых линий. Между ними, начинаясь от средней зоны, имеется с каждой стороны по удлиненному отверстию.

По раскопкам в Усть-Полуе известен также обломок кельта из хорошего твердого сплава.² Обломок небольшой, но, тем не менее, на нем отчетливо виден хорошо выраженный, типичный для этой группы гребень.

Кельт № 3. Из находок с левого берега Иртыша, против Чувашского мыса (коллекция Знаменского). Томский музей, № 1057 (рис. 25, 3). Бронзовый, 9 см длины, 4.5 см ширины, вес 230 г. Втулка шестигранная, 4×2.5 см, 5 см глубины. Передняя и задняя поверхности плоские.

¹ Почти чистая медь: меди — 98.32%; олова — 0.3%; железа — 0.75%.

² МАЭ, № 5455—4229: меди — 88.95%; олова — 7.07%; железа — 2.69%.

орнаментированы по одному рисунку — двумя поперечными прорезями, продольными полосками и двумя ямочками. Боковые поверхности отлиты на две грани. Отливка «тщательная». ¹ Кельт очень типичен для IV группы как по пропорциям и форме — острым, оттянутым назад ушам, расширяющейся к лезвию средней гранью, отграниченной от боковых рельефными гребнями, так и по композиции орнамента: включением в него прорезей, которые в основе своей являются лишь неизбежным следствием литейного приема. Две орнаментальные полосы по краям средней грани и фигура — в данном случае две круглые ямки — в ее верхней части.

Кельт № 4. Из VI погребения в пятнадцатом кургане на Чувашском мысу, близ Тобольска. ² Томский музей, № 1058 (рис. 25, 4). Весьма типичный для IV группы. По форме и композиции орнамента почти тождественный с предыдущим. Длина — 9 см, ширина — 5.5. Вес — 281 г. Втулка шестигранная, 2 × 4 см. На передней и задней плоскости по три поперечных ажурных прорези (в полости втулки), над ними орнамент из мелких продольных полосок. Боковые ребра на две грани. ³

Кельт № 5. Из тринадцатого кургана на Чувашском мысу близ Тобольска. ⁴ Томский музей, № 1079 (рис. 25, 7). По форме несколько отличается от типичных кельтов этой группы тем, что не имеет «ушей», хотя, быть может, это следует отнести за счет неполной отливки. Длина — 7.5 см, ширина — 5 см с легким расширением к лезвию. С двумя прорезями на передней и задней поверхностях и орнаментом над ними в виде тонких полос и ломаных линий. Втулка овальная — 2 × 4 см и 4.5 см глубины. Боковые края на две грани. Вес — 199 г. ⁵

Кельт № 6. С р. Малая Иня. Минусинский музей (рис. 25, 5). По форме и композиции орнамента весьма типичен. Лишь, в отличие от других, полосы, обрамляющие среднюю грань, составлены не из прямых линий, а из вытянутых Z-образных меандров, а в верхней части средней грани помещены прямоугольные рамки с тамгообразными в них знаками. Парные прямоугольные отверстия выполнены весьма тщательно, что подчеркивает нарочитость их формы и значение в орнаментальной композиции. Длина — 8.8 см, ширина — 5.7 см. ⁶

Кельт № 7. Случайная находка (1909). Минусинский музей, № 7050 (рис. 25, 6). До деталей почти тождественен предыдущему. Длина 9 см, ширина по верхнему краю — 5.7 см, по лезвию — 4.5 см.

По мнению Ф. Р. Мартина (Martin), впервые опубликовавшего кельт с р. Ини, он китайской работы, и тамгообразные знаки на нем не что иное, как китайские иероглифы. ⁷ Аналогичное мнение высказала В. Левашова в отношении другого кельта из Минусинского музея (у нас — № 7), описывая его, как «бронзовый китайский кельт... Средняя часть украшена орнаментом и столбцами иероглифов». ⁸ Однако против точки зрения Мартина с большой определенностью высказался В. Флоринский, ⁹ и действительно, знаки, имеющиеся на кельте № 7, или, по крайней мере как они изображены на регистрационной карточке, не могут быть признаны китайскими иероглифами. Точно так же не считает возможным присоединить-

¹ В. Флоринский. Указ. соч., стр. 414, рис. 90. А. Heikel. Op. cit., стр: 37, табл. XI, рис. 2.

² А. Heikel. Op. cit., стр. 9, табл. II, рис. 5.

³ В. Флоринский. Указ. соч., стр. 415.

⁴ А. Heikel. Op. cit., табл. IV, рис. 4.

⁵ В. Флоринский. Указ. соч., стр. 415.

⁶ F. R. Martin. L'age du bronze au Musée de Minoussinsk, табл. 32, фиг. 10, Stockholm, 1893.

⁷ F. R. Martin. Op. cit., примечание к фиг. 10, табл. 32.

⁸ Копия регистрационной карточки, составленной В. Левашовой, находящаяся в Ин-те музейной и краеведческой работы.

⁹ В. Флоринский. Указ. соч., стр. 415.

ся к мнению Мартина и проф. С. В. Киселев, который видел кельт № 7 и полагает более вероятным считать его местным.

Кельт № 8 из Минусинского края (национальный музей в Хельсинки № 2683 : 208¹) по форме и узору он тождественен №№ 7 и 8. В глубине втулки имеет «выступ» — видимо перегородку.

Датировка IV группы устанавливается довольно надежно. Как было указано, кельт № 2 происходит из Усть-Полуя, а № 4 — из VI погребения пятнадцатого кургана на Чувашском мысу. Оба эти памятника не только одновременны, но и очень близки друг другу по своему содержанию, поскольку как один, так и другой обязаны своим происхождением проникновению в таежную полосу угров, принесших с собою элементы скифо-сарматской степной культуры.²

Время их существования можно определить с IV в. до н. э. по I в. н. э. Они синхроничны и имеют некоторые общие черты, с одной стороны, с поздним Тагаром (III стадией его по Киселеву),³ а с другой — с Гляденовым и Кулайкой. Бытование кельтов IV группы относится, вероятно, не к началу указанного периода, и возникновение этого типа едва ли восходит далее III в. Кельты эти стоят пока совершенно особняком, не имея близких аналогий ни в одной из соседних культур. С ними могут быть сопоставлены разве лишь кельты типа E из Северного Китая.⁴ Последние, также шестигранные, расширяются как ко втулке, так и к лезвию, имеют приподнятые в виде острых «ушей» углы боковых граней и ребра на стыке этих и средней грани (рис. 25, 10). Однако у них, повидимому, совершенно отсутствует столь характерная для кельтов IV группы богатая орнаментация, что сразу кладет весьма глубокое различие между обьир-тышскими и китайскими кельтами.

Кельты III группы, насколько можно судить по вышеприведенным описаниям, в типологическом отношении занимают промежуточное положение между I и IV группами. Не имея иных данных для их датировки, можно предположительно поместить их здесь и в хронологическом отношении синхронизировав таким образом эту группу со второй (т. е. с VII по IV вв. до н. э.). Подобное допущение как будто подтверждается тем, что кельты этих двух групп, видимо, попадают совместно. По крайней мере, кельты № 2 и 3 группы II и кельт № 3 группы III были присланы их находчиком — Усовым вместе с прорезным наконечником копья раннеананьинского типа и прямым бронзовым ножом, с овальным кольцом на рукоятке, костяным острием и двумя фрагментами небольших сосудов с мелким штампованным орнаментом, типичным в Западной Сибири и Приобье для начала раннего железа.

При описании западносибирских кельтов мы видели, что большинству их свойственно наличие отверстий в стенках, числом от двух до четырех. В литературе они обычно именуется «отверстиями для гвоздей», закрепляющих кельты на рукоятке. Это объяснение, однако, не вяжется с их величиной и формой, тем более, что в IV группе они приобретают довольно большие размеры. При более тщательном рассмотрении материала легко притти к заключению, что эти отверстия не что иное, как результат определенного приема, применявшегося при отливке этих кельтов. Для образования полости втулки кельта в форму закладывается сердечник (или «шишка»). Он должен быть закреплен таким образом, чтобы между ним и

¹ SMYA (A. M. Tallgren) т. XXIX, вып. 3, табл. I : 16, стр. 6.

² В. Чернецов. Очерк этногенеза обских угров. Кр. сообщ. ИИМК, вып. IX, стр. 22—24.

³ С. Киселев. Тагарская культура I. Тр. секции археол. РАНИОН т. IV, стр. 260—2.

⁴ Bronze tools of North China. Corpus I. type E. 355. Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Archeologia orientalis, B ser., v. I. Tokyo Kyoto, 1935.

стенками формы послучился промежуток, в который и должен залиться металл. В литейной технике Урала и Западной Сибири описываемого времени для удержания сердечника от сдвигов в продольном направлении, если не всегда, то, видимо, чаще всего применялся способ, изученный А. Збруевой и П. Дмитриевым на ананьинском материале. Сердечник снабжался грибовидной головкой, которой он и опирался на края формы. В боках эта головка имела вырезы для заливки металла и выхода воздуха, в соответствии с чем на краях кельта получались небольшие литниковые утолщения или возвышения. При более тщательной выработке, так же как и при недоливе металла, когда он не выступал за края формы или даже не заполнял ее как следует, этих утолщений не получалось.

Подобная устансвка сердечника, однако, не предохраняла его от качаний. Необходимо было ввести еще какое-нибудь приспособление, чтобы воспрепятствовать сдвигам в горизонтальной плоскости. В ананьинской технике сердечник, насколько можно судить, приклеивался каким-либо легко выгорающим веществом ко дну формы, причем в середине его «лезвия» делалась, наверное для более точной центровки, небольшая зарубка или риска, след от которой можно иногда обнаружить на дне втулки кельта в виде маленького, а то даже еле заметного поперечного рубчика.

В сибирской технике этот прием не был распространен. Для материала собраний Государственного исторического музея его можно предположить лишь для двух кельтов, в обоих случаях тагарских, причем и здесь положение рубчиков существенно отличается от ананьинского. В подавляющем большинстве случаев вместо «приклеивания» сердечника в глубине формы он снабжался двумя (реже бóльшим числом) цапфами, которые, упираясь в стенки формы, препятствовали качаниям сердечника. После отливки в стенках кельта в этих местах получались небольшие отверстия. Судя по тому, что очертания их, более или менее правильные с внутренней стороны, нередко бывают довольно искаженными с наружной, можно заключить, что цапфы делались из сырой глины и частично сминались при зажимании сердечника в форме. В описанных выше кельтах это особенно ясно можно наблюдать у № 1 и 2 группы II, № 3 и 4 — группы III и 2 — группы IV. У тарского (ГИМ, 38209-6) и усть-полуйского (МАЭ, 5455-4801) кельтов отверстия с внутренней стороны имеют вид правильных прямоугольников. У кельта из коллекции ГИМ, № 38209-4 они квадратны, у № 4 группы III — трапециевидны. Во всех случаях наружные очертания не соответствуют внутренним. По скошенности стенок отверстий можно видеть, что цапфы делались немного коническими. У шадринского кельта (ГИМ, № 35 201) при отливке сдвинулись половинки формы, из-за чего одна из стенок получилась слишком тонкой, а другая — чрезмерно толстой. Металл проник даже между поверхностью цапфы и стенкой формы. С внутренней стороны втулки получилось негативное воспроизведение цапфы, на котором ясно видны две параллельные углубленные линии, соответствующие таковым на форме.

К западу от Урала прием с цапфами не применялся. Технически он был менее совершенным, так как не давал полной гарантии от сдвигания сердечника (вследствие первоначальной пластичности самой цапфы). Это не имело существенного значения для тяжелых толстостенных кельтов сибирских типов, но его полная непригодность была очевидна при отливке тонкостенных ананьинских.

Таким образом, по приемам литейной техники западносибирские кельты стоят ближе к восточносибирским (тагарским), чем к восточноевропейским (ананьинским), несмотря на все сходство по форме и орнаменту с последними кельтов II группы. Тем не менее, их нельзя рассматривать как вариант или провинцию восточносибирской бронзы. Не говоря уже о том, что

они отличаются менее совершенным выполнением: грубой поверхностью, нередко недолгим (как, например, № 5 группы III) и случаями брака от сдвигания половинок формы и сердечника, своеобразии форм и орнаментов указывает на их автохтонность и самостоятельное развитие.

Если принять высказанные выше предположения о синхронности II и III групп, с одной стороны, и о генетической связи между I, III и IV — с другой, то процесс развития западносибирских кельтов может быть представлен в следующих чертах.

Несмотря на значительные отличия в общей форме, кельты I группы имеют ясно выраженные сейминские черты. Мерхарт считает, что «кельт из Дербедени имеет орнаментацию в сейминском стиле»,¹ но еще в большей степени это может быть сказано в отношении кельта из с. Сосновского (№ 1, I группа). Помимо типичной сейминской «лесенки», он имеет описанное выше резкое расширение к лезвию (за счет средней плоскости), что в сочетании с шестигранностью придает ему вполне сейминский облик. Влияние сейминских форм на сложение западносибирских кельтов тем более возможно, поскольку с этой территории известны как типично сейминские кельты (например, с р. Ишима; Тобольский музей, № 56), так и различные производные от них формы. К последним можно отнести кельт с оз. Сосновского (Свердловский музей), кельты из Каргалинской волости, Тарского округа (ОАК, 1907, стр. 121, рис. 127, 128) и д. Войновни близ Тюмени.

Сейминская подоснова в западносибирских кельтах не объясняет, однако, наличия отверстий в стенках. Хотя прием установки сердечника в сейминской литейной технике нам пока еще и неизвестен, но он, очевидно, отличался от вышеописанного, с цапфами. Тем не менее, этот прием можно считать очень архаичным, на что указывает и В. А. Городцов. На Западе он почти не известен, но в Тагаре встречается довольно часто, хотя и далеко не в такой степени, как в Западной Сибири. Похоже поэтому, что мы можем считать этот прием в основном местным, западносибирским, хотя трудно, конечно, утверждать, что здесь не было в свое время влияния восточносибирской литейной техники. Последнее тем более возможно, поскольку по раскопкам с Иртыша, из окрестностей Тары, нам известны ножи типично карасукских и тагарских форм и тагарские бронзовые клеуцы. Самостоятельность развития западносибирского типа кельтов в большой степени подкрепляется наличием перегородки — признака совершенно локального, устойчиво существующего здесь очень долго и исчезающего лишь в сармато-гуннское время. III группа кельтов типологически не дает каких-либо принципиальных отличий от первой. Почти единственное ее своеобразие заключается в том, что в ней впервые появляется орнамент из Z-образного меандра, столь обычного в последние века до н. э., когда распространяются и своеобразные, чрезвычайно законченные в отношении формы кельты IV группы. Полагаем, что правильнее всего и будет рассматривать III группу как переходную.

Интересные вопросы возникают в связи со II группой. Мы видим, что она стоит несколько особняком, как от первой, так и от третьей, тем более четвертой и, за исключением перегородки, почти не дает никаких моментов для формального с ними сопоставления. С другой стороны, сразу же бросается в глаза ее сходство с формами «уральского ананьина». Получается впечатление, что приблизительно с середины I тысячелетия до н. э. появляются какие-то культурные связи с Уралом, продолжавшиеся затем в течение двух-трех столетий. Они исчезают или перестают быть ощутимыми лишь тогда, когда их перебивает движущаяся с юго-востока сармато-гуннская экспансия. Судя по тому, что формы II группы не вытеснили

¹ Merhart. Op. cit., стр. 105.

собою архаических местных, следует допустить, что уральское влияние не было особенно сильным. Можно предположить, что оно было обусловлено не проникновением каких-либо этнических групп, а усилением обменных или каких-либо подобных отношений. Весьма возможно, что развивавшаяся к этому времени на Урале металлургия открыла возможность снабжения низовий Иртыша и Оби медью и бронзой, что уже само по себе могло способствовать проникновению сюда уральских форм орудий.

Своеобразие IV группы, заключающееся в необычной «ушастой» форме кельтов, Z-образном меандре и иероглифоподобном орнаменте или тамгах (рис. 25, 6), не объясняется развитием ранее наметившихся типов. Видимо, в это время, т. е. около III в. до начала н. э., на Среднем и Нижнем Иртыше появляются извне какие-то новые факторы. Z-образный меандр встречается не только на кельтах, но и на других бронзовых и костяных предметах этого времени. Таковы костяные пластинки от панцырей (Усть-Полуй); бронзовые пластинки от поясных наборов (Усть-Полуй, Чувашский мыс), прорезные звериные изображения с бордюром из Z-образного меандра (Истяцкий клад). Иероглифоподобные тамги, кроме кельтов, также попадают на других предметах, как, например, ложки и панцырные пластинки и т. д. из Усть-Полуя (рис. 25, 11—12).

Наиболее близкие аналогии всему комплексу признаков находим в бронзе Северного Китая позднежоусского и ханьского времени. Мы указывали уже на кельты типа E, близкие по форме к IV группе (рис. 25, 10). Можно привести еще широкое распространение Z-образного меандра, применяемого как в виде самостоятельного орнамента, так и в бордюрах на звериных изображениях. Можно думать также, что упомянутые только что тамги представляют собою подражание китайским иероглифам и печатям, тем более, что некоторые из них имеют картуши. Дополнительно можно еще указать на бляшки особого типа, широко распространенные в бронзе Северного Китая и бытующие в Приобье у угров до настоящего времени.

По всей вероятности, следует допустить появление каких-то связей между Китаем и понизовьями Иртыша в конце жоусского или начале ханьского времени, быть может, обусловленных начавшимся передвижением гуннских племен.

любых племен в Северном Причерноморье. Конечно, и у позднейших авторов кое-где речь идет об этнически конкретных скифах (ср., например, ольвийскую речь Диона Хриостома, но и это, по большей части, когда речь идет о далеком прошлом. Скифы, как историческая и этническая реальность, все больше и больше ассимилировались с этими племенами до неразличимости для нашего современного наблюдателя.

Каменный архив греческих городов Северного Причерноморья довольно велик, но, к сожалению, очень отрывочен. Как следствие живого соприкосновения греков с соседними племенами, имена последних встречаются в надписях. Однако сыгравшие столь большую роль в истории этих мест скифы упоминаются в надписях также очень редко.

А ргіогі представляется вероятным, что скифы ольвийских, херсонесских, пантикапейских и других надписей нашего Юга — этнически и исторически конкретное понятие, а не отвлеченное географическое распространение термина. Поскольку вопрос специально до сего времени не рассматривался, а при истолковании отдельных надписей этот термин принимался как конкретный, мне кажется не лишним интереса для истории собственно Скифии рассмотреть его в специальной статье.

Очень редко, к сожалению, слово $\Sigma\kappa\upsilon\theta\alpha\iota$ встречается в надписях эпохи эллинизма. В классических текстах, впрочем, оно отсутствует совсем, да и самих текстов таких у нас очень немного.

1. ДО ВРЕМЕНИ СКИЛУРА

Несомненно, отражением близкого и живого соприкосновения со скифами является ношение имени $\Sigma\kappa\upsilon\theta\eta\varsigma$ жителями причерноморских городов. Ко времени Левкона I относится посвящение Афродите Урании в Фанагории от имени Демарка, сына Скифа.¹ Принимая во внимание годы правления Левкона I (387—347), можно считать, что имя Скиф стало употребляться жителями Боспора, равно и на Азиатской стороне, не позднее, чем в конце V или начале IV в. до н. э. Это вполне отвечает рассказу Эхина о том, что дед Демосфена Гелон, живший в Кепях на азиатском берегу Боспора, был женат на скифянке.² Раз скифы жили в это время по всей территории царства, их этникон легко стал именем его жителей. Для Ольвии и Херсонеса от столь раннего времени подобных просопографических данных нет, но это, вероятнее всего, лишь случайный пробел в надписях.

Самое название народа, конечно, случайное для раннего времени, отсутствует в надписях Боспора. Весьма долго оно отсутствует и в надписях Ольвии и Херсонеса.

Можно, кажется, считать, что отношения скифов с Ольвией и Пантикапеем, конечно, не всегда, но все-таки были более мирными, чем с Херсонесом. Этот город как-то почти с самого начала стал с соседями в более враждебные отношения. Об этом особенно хорошо говорит присяга херсонесцев, где запрещается предавать варвару города и земли херсонесской республики.³ Кто этот варвар? Вероятно, он из числа тех же варваров, которых в том же III в., совершив чудо, отвела от города богиня Дева во время какого-то празднества в честь Диониса.⁴ Видеть в последнем случае только тавров, как в последнее время хотел В. Н. Дьяков,⁵ конечно, не

¹ IPE, т. II, 343.

² *Αἰσχίνης* II, 78 = SC, стр. 371.

³ IPE, т. I², 401, 7—13.

⁴ IPE, т. I², 343.

⁵ В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Уч. зап. ГПИ, т. XXVIII, вып. 1, стр. 23.

приходится, поскольку через сто с небольшим лет именно скифы захватили города и земли, упомянутые в присяге. Забежим несколько вперед. В 179 г. херсонесцы заключили договор с понтийским царем Фарнаком I. В числе условий договора, между прочим, находится, правда, несколько расплывчатое, обязательство Фарнака оказывать херсонесцам всенную помощь, если на них или их земли нападут пограничные варвары.¹ В конце того же века, между 110 и 106 гг. до н. э., херсонесцам пришлось вспомнить о договоре и обратиться к Митридату Великому. Результатом был известный поход Диофанта. Главными врагами херсонесцев и Диофанта являлись в этой войне скифы царства Скилура и Палака. Тавры и привлеченные скифами в союз роксаланы не являются здесь постоянными врагами херсонесцев; они союзники скифов *ad hoc*. Страбон и особенно декрет в честь Диофанта ясно об этом говорят. Таким образом, вышеупомянутые надписи из Херсонеса от начала III в. до 179 г. до н. э., хотя и могут подразумевать тавров под общим именем варваров, но по всему ходу событий в первую голову должны иметь в виду скифов. К декрету в честь Диофанта нам придется вернуться еще раз. Хотя в упомянутых надписях отсутствует прямо слово «скифы», но, если их «варвары» действительно скифы, то, будь у нас херсонесские надписи со словом «скифы», они, конечно, были бы только реальными историческими скифами.

Хотя в надписях из Херсонеса за IV, III и начало II вв. до н. э. имя народа скифов не названо, но наличие их в числе «варваров», упомянутых в текстах, подтверждается не только общими историческими сведениями. Среди херсонесцев, из того круга, откуда черпались магистраты республики, встречается имя Σκίφας. Таков астином Скиф, сын Сополия.² Таков Гимн, сын Скифа, дельфийский проксен 195/4 г. до н. э.³ Среди астиномов Гимн, сын Скифа, также встречается.⁴ Гимн, сын Скифа, землевладелец в Херсонесе в это же время. В. В. Латышев, в первом и третьем случаях, а раньше еще И. Махов во всех трех и, вероятно, правильно, видят одно и то же лицо.⁵ Среди астиномов имеется еще Сополий, сын Гимна.⁶ Его надгробие — рубежа IV/III в. до н. э.⁷ Он не может быть далек по времени от двух других астиномов. По греческому обычаю давать имена через одно поколение, здесь отражено четыре поколения одной семьи. Иначе говоря, с начала III в. до рубежа III—II вв. до н. э. в одной и той же херсонесской семье имя Скифа бытовало не меньше ста лет и как раз в эпоху надписей о варварах и войнах с ними. Конечно, отношения со скифами не всегда бывали враждебными. Могли быть случаи возникновения родства. Такое употребление имен соответствует наличию живых связей. Имя Скиф бытовало в это время в Херсонесе вообще. В перечне каких-то лиц в III в. до н. э. в конце декрета фигурирует некто Θεόφιλος Σκίφας,⁸ во всяком случае тоже должностное лицо. В той же надписи, в которой упоминается Гимн, сын Скифа, в числе таких же землевладельцев, строкою ниже указан некто, сын Скифа, может быть, даже брат Гимна.

Интересно, что в другой группе амфорных клейм IV и III вв. до н. э., сохранившей черты того же круга дорических говоров и принадлежащей, вероятнее всего, Гераклею Понтийской, тоже известно имя Скифа — часто

¹ ИАК, вып. 45, стр. 23 сл., IPE, I², 402.

² E. Pridik. Die Astynomennamen usw. Sanderabdruck aus d. Sitzungsberichten d. Preuss. Ak. d. Wiss. Philol. Hist. Klasse, т. XXIV, 1928, стр. 30, № 125.

³ ВДИ, 1939, № 3, стр. 249, № 14.

⁴ E. Pridik. Указ. соч., стр. 30, № 135 и ВДИ примеч. к указ. надписи № 14.

⁵ IPE I², 403; И. Махов в ИТУАК, вып. 43, стр. 150 сл.

⁶ E. Pridik. Указ. соч., стр. 30, № 131.

⁷ IPE, I², 494.

⁸ IPE, I², 581.

среди магистратов, реже среди гончаров.¹ В Гераклее Понтийской, метрополии Херсонеса Таврического, в силу ее географического положения, собственное имя Скиф могло появиться только тогда, когда оно было в ходу в ее северной колонии. Замечу, что и по времени и по социальному весу имя это в Гераклее обычно встречается именно в тех же IV—III вв. до н. э. Возможно, что это имя в Херсонесе существовало и раньше и, несомненно, было в употреблении до римского времени.² Но именно в вышеуказанное время соседства с сильными тогда скифами оно встречается весьма часто, как говорят перечисленные надписи. Короче говоря, вся историческая обстановка указывает на то, что употребление этого собственного имени в Херсонесе в указанное время — еще отражение живой действительности, а не установившаяся ономастическая традиция.

Имеются три клейма на амфорах из Херсонеса — «Σκυθικόν» и одно «Ταυρικόν».³ Нельзя ли здесь видеть названия «Σκυθικόν ἐργαστήριον» и «Ταυρικόν ἐργαστήριον», расположенных в концах города, обращенных к границам этих племен? Мне кажется, что как-то не по-гречески применять здесь эти притяжательные от личных имен, как хотел покойный Е. М. Придик.

Из всех городов Причерноморья больше всего известно об отношениях со скифами в классическое время Ольвии благодаря специфическому описанию Геродотом всей Скифии, исходящему именно от этого географического пункта. Зато надписи ее об этом молчат до самого III в. до н. э., когда ольвийский лапидарий обогащается таким исключительным документом, как декрет в честь Протогена.⁴ Каковы бы ни были племена фисаматов, саев и савдаратов, упоминаемые в декрете, как соседи Ольвии, т. е. считать ли их за скифские или сарматские, текст надписи, перечисляя их, выделяет из них скифов («Σκυθας») в собственном смысле слова. Не в этом перечислении, но в прямой с ним смысловой связи стоит имя миксэллинов, населяющих пограничную с ольвийскими пределами землю. Обычно дружественные ольвиополитам, на сей раз они готовы встать во враждебные отношения к ним. В этом рассказе невольно усматривается подтверждение геродотовской версии об эллинах-скифах. Тождество их с миксэллинами не может быть серьезно оспорено. Но есть и нечто другое, сближающее этот текст с повествованием Геродота. Геродот различает, как раз со слов ольвиополитов, скифов в собственном смысле слова⁵ и причерноморских скифов вообще. Из всего его повествования ясно, что скифы собственно — скифы-кочевники и царские скифы, ибо они, и только они, символизируют собою племенное единство во всех случаях соприкосновения с внешним миром.⁶ Остальные — тоже скифы, но имеют свои племенные имена, в которые имя скифов или не входит совсем, или входит как составная часть специального племенного наименования. Но все же именно в приольвийском крае находится *χοχίαι* Σκυθική, и кочевые скифы нет-нет да прикочевывают к ней, как Скил⁷ или Иданфирс,⁸ эти собственно скифы, по разным личным или хозяйственным надобностям. Видимо, племенной конгломерат в окрестностях Ольвии несколько изменился с середины V в., если только имена племен надписи в честь Протогена не являются местной номенклатурой геродотова перечня. Впрочем, собственно скифы, иначе они не были бы отделены в этой надписи от остальных племен, и миксэллины сохранились в течение протекших

¹ Тр. ГИМ, вып. 1, стр. 165 сл., 1926.

² IRE, I², 493.

³ E. Prídik. Указ. соч., стр. 30, № 126 и 133.

⁴ IRE, I², 32.

⁵ Herodot, IV, 17—19 и 81 = SC, стр. 16 и 35.

⁶ Herodot, IV, в разных местах.

⁷ Herodot, IV, 78 = SC, стр. 33.

⁸ Herodot, IV, 121 и 122 = SC, стр. 47 и 48.

двух столетий и являются лишним подтверждением ¹ правдивости повествования Геродота и хотя бы относительной устойчивости племенного состава от времени Геродота до третьей четверти III в. до н. э. в этом уголке Причерноморья. Реальность содержания термина здесь очевидна более, чем где бы то ни было в надписях. Кроме того, самое сообщение надписи, что скифы хотели найти от врагов убежище за стенами Ольвии, лишней раз подтверждает традиционно мирные отношения скифов с ольвиополитами. В начале истории Скифии это хорошо подтверждается Геродотом, в середине — упомянутым декретом, в конце — повествованием Диона Хрисостома о том, что после гетского разгрома именно скифы пригласили ольвиополитов восстановить разрушенный город. ¹ Реальность содержания эпиграфического употребления слова «скифы» в классическое и эллинистическое время выступает с особою ясностью.

2. ЭПОХА СКИЛУРА И ПАЛАКА

Уже в III в. и начале второго Херсонес явно подвергался нападениям извне. Главный удар исходил, конечно, от скифов. Против них прежде всего был заключен оборонительный союз с Понтийским царством в 179 г. до н. э. Ольвия так или иначе подпала под влияние напавших на города побережья скифов: в ней Скилур бил свою монету. Когда-то в течение первой половины II в. Херсонес лишился всех своих владений. Основной эпиграфический документ об этих событиях — херсонесский декрет в честь Диофанта. Он сообщает и о том, что пришлось отбивать от скифов прежние Владения херсонесцев, и о том, что скифы одинаково напирала и на Херсонес, и на Боспор, где скифское восстание во главе с Савмаком, вероятно, рабом последнего Перисада, ² пришло даже ко временному захвату власти.

Здесь реальность понятия «скифы» выступает с полною отчетливостью. О тех же царях реальных скифов Скилуре и Палаке повествует Страбон, передавая рассказ Посидония. ³ Не менее реальны и события, и скифы этих событий, группирующихся вокруг имени Савмака на Боспоре. И все же есть в этом декрете нечто от литературного общегреческого воздействия. Это могло стоять в связи с несколько напыщенным характером торжественного декрета. В начале декрета говорится о Диофанте: «Когда же скифский царь Палак внезапно напал [на него] с большою толпою, он, поневоле приняв бегство, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и [таким образом] сделал то, что царь Мифрадат Евпатор первый поставил над ними трофей». И несколько ниже: «снова воротился в наши места и, взяв с собою граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии». Со времен Геродота создалась одна из двух тенденций в античной литературе: тенденция превозносить скифов, как непобедимый народ. Эта тенденция, в целом отнюдь не лишняя фактического основания, отлично передана Помпеем Трогом, Полиэном и др. Здесь она отозвалась в местной традиции, где, конечно, случаи реальных побед над скифами были хорошо известны: ведь херсонесская присяга менее чем за 200 лет до этого ясно говорит, что не без борьбы достались херсонесцам их прежние владения и что они сами выходили из этих бзев победителями. Менее чем за 100 лет до этого их собственный историк Сириск описал деяния херсонесской Девы, в числе которых были, конечно, и победы над скифами. Об этом уже говорилось выше. Здесь первое вторжение общеэллинской литературной традиции хорошо оправдано тем, что оно применено для возвеличения

¹ Dio Chrysost., XXXVI = SC, стр. 173.

² С. А. Жебелев. Последний Перисад и т. д. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 49 сл.

³ IPE, т. I², 352 и Strabo, VII, 3, 17 (SC, стр. 120); VII, 4, 3 (SC, стр. 123). Strabo, VII, 4, 7 (SC, стр. 127 и 128).

понтійського царя, котрому хорошо, конечно, була известна эта традиция и который едва приступил к своей деятельности военачальника. Тем лестнее для него было утверждение, что он первый воздвиг над скифами трофей. Пусть действительная внутренняя Скифия, до которой углубился Диофант, едва ли превышала полсотни километров. Ведь и Дарий и Филипп II проникали в нее много глубже, но они после ярких побед потерпели полное поражение, а здесь, говоря словами декрета: «когда же скифы сдали ему царские крепости Хабэи и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Мифрадату Евпатору; за это благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденный уже от владычества варваров...» Реальная действительность переплелась здесь с литературной тенденцией. Упоминаемая в связи с первым походом «ἡ μέση Σκυθία» «середина Скифии», не может здесь пониматься иначе, как крымская ее часть, хотя Скифия Скилура и Палака охватывала, по меньшей мере, и низовия Днепра и Буга, как об этом говорят монеты Скилура и Страбона.¹

Следующая надпись² говорит об отнятии херсонесским ополчением у скифов Прекрасной гавани и связана, как показал Латышев, с ходом событий, описанным в декрете в честь Диофанта. И реальность ее терминологии адекватна тому же в этом декрете, как и реальность самого события.

Это бурное для Скифии время отразилось лишь в одном декрете в честь Диофанта. Несколько раньше его составлена стихотворная эпитафия лица, «ὄπῃτ [ρα] Σκυθίας πόλις Ὀλβία».³ Если прав С. А. Жебелев, что весьма правдоподобно, что Ὀλβία — народная этимология более древнего варварского слова, просто обозначавшего — «поселение»,⁴ то все же нет оснований видеть в Ольвии греко-скифский город, как это хотят многие теперь. Принятие этого термина у украинских археологов голословно, а С. И. Капошина исследовала слишком малое количество автохтонных по обряду погребений в ольвийском некрополе, которое разве только позволяет говорить о наличии там в классическую и, конечно, эллинистическую эпохи некоторого количества туземного населения, но никак не о его преобладании, и даже не о его количественном равенстве с населением греческим. Весь ход повествования об Ольвии у античных авторов, ее надписи и монеты упорно указывают, как и археологические памятники, на греческий, в основе, характер города. Привлечение С. И. Капошиной этой надписи зиждется на произвольном понимании фактов.⁵ Все, что было соседним со Скифией, могло получить название скифского — Σκυθία (ср., например, у Гекатая Милетского *passim*), а тем более то, что находилось в пределах Скифии. Ольвия была подчинена в эту пору скифским царям и, подобно Хабэям и Неаполю, находилась в Скифии, т. е. в царстве Скилура и Палака. От этого она не смогла стать скифскою по населению, а только была им подчинена. Тем более возможно и вероятно такое обозначение города в поэтическом тексте надгробия.

3. ОТ ПОХОДА ДИОФАНТА ДО КОНЦА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

В представлениях средиземноморских греков и римлян, в силу действительного хода исторических событий, с этого времени имя скифов стало обобщающим для названия северночерноморских насельников. К началу II в. до н. э. сарматы стали все более теснить скифов. В борьбе Херсонеса

¹ Strabo, VII, 4, 5 (SC, стр. 125 сл.).

² IPE, т. I², 353.

³ IPE, т. I², 226.

⁴ С. А. Жебелев. Счастливые города. ИГАИМК. 1933, вып. 100, стр. 355 сл.

⁵ СА, т. VII, стр. 11. Цитируя эту надпись по статье покойного академика С. А. Жебелева, С. И. Капошина тут же делает из нее более широкий вывод, чем Сергей Александрович.

со скифами они — сторонники херсонесцев; об этом говорит Полибий и предание об Амаге.¹ Ко времени Диофанта дело повернулось иначе. Страбон, вслед Посидонию, в описании событий этого похода резко отделяет скифов от их союзников роксаланов,² в полном соответствии с тем же в декрете в честь Диофанта. В общем же перечне населения Скифии³ он, не обинуясь, называет роксаланов «крайними из известных скифов». Перед упомянутым уже описанием их войны, в союзе с Палаком, против Диофанта, они фигурируют не то самостоятельно, не то в числе сарматов, заселявших задунайские по отношению к Европе степи. Короче говоря, скифы стали лишь одним из племен, окруженных различными сарматами. К началу нашей эры Овидий знал их прямо за Дунаем. Для него все эти земли — «Sarmatia oga»,⁴ т. е. Сарматское побережье.

Плиний Старший указывает на разные племена между Дунаем и Танаисом, но не говорит о собственно скифах, заканчивая свое положение словами: «Scytharum nomen usquequaque transit in Sarmatas atque Germanos...»⁵

Но скифы в это время еще бытовали среди сарматских племен в степях Причерноморья и Крыма. Со всей ясностью говорит об этом Октавиан Август в своей автобиографии: «Нашей дружбы попросили через послов бастарны, скифы, цари сарматов, живущих по сю сторону реки Танаида и за нею, а также цари албанцев, иверов и мидян». По всему ходу перечня видно, что скифы выделены в этой надписи, как нечто вполне реальное, что они следуют за бастарнами, и конечно, живут ближе к Дунаю, чем к Дону. Название же Дон здесь имеет, конечно, и реальный, и риторический смысл: это граница Азии. Упоминаемые же сарматы Европы не локализованы здесь слишком точно.

У Страбона говорится, что после тиригетов живут «οἱ Ἰάζυρες καὶ Βασιλῆιοι λεγόμενοι καὶ Οὐρῶοι».⁷ В страбоновской же хрестоматии сказано: «εἶτα Τυριγέται· εἶτα Ἰάζυρες Σαρμάται καὶ οἱ Βασιλῆιοι λεγόμενοι Σχύθαι»⁸

Видеть ли здесь царских сарматов или второе после Геродота упоминание этого скифского племени? Скорее — второе: ведь остальные племена названы своими именами, кроме этого. Только это название дано по-гречески, сообразно старым традициям. Сопоставим это место с другим рассказом Страбона, а именно, с его описанием населения степного Крыма. Это — γεωργοὶ. Ростовцев и др., не обинуясь, видели в этих земледельцах скифов. Недавно А. С. Коцевалов утверждал, что здесь речь идет о таврах, которым Страбон готов был отвести весь Крым, считая их скифским племенем.⁹ Но тут же Страбон говорит о том, что эта область называлась Малой Скифией и далее до Дуная. Неясность представлений Страбона о точном составе крымского населения очевидна. В следующей главе он противопоставляет земледельцев степного Крыма более севернымномадам и сообщает, что название земледельцев было им дано издавна. Это дано в такой последовательности с рассказом о Левконе, что, несомненно, восходит к IV в. до н. э. По Геродоту же, за 100 лет до этого, степной Крым был занят царскими скифами, как и прилежащие степи Украины, а скифы-земледельцы жили на Нижнем Днепре. В речи Демосфена

¹ Polyb., XXV, 2, 12 (SC, стр. 144); Polyae n., VIII, 56 (SC, стр. 568) Ср. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 129.

² Strabo, VII, 3, 17 и VII, 4, 3 и 7.

³ Strabo, II, 5, 7 = SC, стр. 101 сл.

⁴ SC, стр. 86, 87.

⁵ Plin., IV, 80 = SC, стр. 178.

⁶ Res gestae Divi Augusti, 31 = SC, т. II, вып. 1, стр. 41.

⁷ Strabo, VII, 3, 17 = SC, стр. 120.

⁸ SC, стр. 166.

⁹ Наукові записки і ГМК АН УРСР, 2. стр. 110, 1937.

против Лакрита говорится о том, как из Пантикапея в Феодосию везли морем груз продовольствия для рабочих какого-то землевладельца (ἀνδροπῶ τινὶ γεωργῶ). Слово γεωργός никогда не обозначало землевладельца, как это звучит здесь. Думается, что здесь — племенное название. Все это свидетельствует, что со времени Геродота население Крыма переменялось. Как раз рубеж V и IV вв. — начало вывоза скифского хлеба через Боспор. Единственным возможным объяснением этого мне представляется переселение хотя бы части земледельцев-скифов в Северный Крым для приближения производителей к важнейшим гаваням экспорта хлеба, — переселение, произведенное господствующим племенем царских скифов. Эти переселенные, как видно из Страбона, жили здесь в его время.

Указанное место следует сопоставить с надписью в честь Плавтия Сильвана в усыпальнице Плавтиев в Тибуре.¹ В довольно много интерпретированной надписи на усыпальнице Плавтиев говорится о событиях, происшедших около 52—62 гг. н. э. В числе заслуг этого легата имеется снятие им осады скифов с Херсонеса Таврического. Это деяние выражено словами: «Scytharum quoque rege a Chersonesi, qu[is] est ultra Borustenem, obsidione submoto», т. е. «он также удалил царя скифов от осады Херсонеса, который находится за Борустиеном». Какова бы ни была истинная обстановка в степях северо-западного Причерноморья в первой половине I в. до н. э., поход Плавтия — несомненный факт. М. И. Ростовцев склонен связывать некоторые надписи Херсонеса с этим событием.² Особенно важно в одной из них упоминание просьбы о помощи, по Латышеву, обращенной как раз к Плавтию Сильвану.³ Едва ли есть основание в этом сомневаться. Вероятно, В. Н. Дьяков прав, когда он думает, что победа Плавтия была скорее дипломатической, чем военной. К сожалению, в подписи IPE, т. I², 369 имя скифов восстанавливается М. И. Ростовцевым совершенно предположительно. Для нас в эпитафии Плавтия важна локализация скифов между Нижним Днепром и Крымом.

Из всех привлеченных авторов и надписей очевидно, что скифы продолжали бытовать и после вторжения Диофанта как самостоятельное этническое целое среди сарматских племен и занимали территорию Нижнего Днепра и весь степной Крым. Может быть, их владения на западе даже заходили до Ольвии, если судить по рассказу Диона Хрисостома о восстановлении Ольвии после гетского разгрома. Эта территория была меньше Скифии до похода Диофанта, но явно совпадала с пределами приморско-крымской части державы Скилура. Пределы их сократились так не от побед и завоеваний Митридата Великого, а в силу занятия степей между Днепром и Доном роксаланами в результате приглашения их Палаком против Диофанта.

От времени, начиная с конца II в. до н. э., дошло до нас несколько местных надписей, упоминающих имя скифов и Скифии. Без привлеченных выше сопоставлений не только территория, о которой нужно думать, читая эти надписи, но и самая реальность приведенного в них термина «скифы» были бы вероятны, но недоказуемы. Теперь же их реальность очевидна, а территория определена Страбоном, императором Августом и походом Плавтия Сильвана.

Последовательность надписей, содержащих имя скифов, происходящих с нашего Юга, не дает права предполагать на протяжении 200 лет в их территории какие-либо серьезные изменения сравнительно с только что указанными.

¹ См. об этом у В. Н. Дьякова в указ. работе, стр. 47 и сл.

² См. об этом в указ. соч. В. Н. Дьякова, стр. 47.

³ IPE, т. I², 420.

Едва ли не важнейшее из упоминаний скифов имеется на базе статуи царя Аспурга, современника Августа и Тиберия. После перечня народов, входивших в состав всего Боспора, и действительно, в меньшей или большей степени постоянно входивших в состав царства, говорится, что Аспург подчинил себе скифов и тавров. Конкретность скифов, как этнического понятия, в этом тексте очевидна. Сопоставление же его с таврами приобретает особый колорит, если принять во внимание, что, по крайней мере с похода Диофанта, как явствует из вышеупомянутого места о населении Херсонеса Таврического, скифы и тавры от поры до времени совместно вели враждебные действия против Херсонеса и Боспора. В связи со всем, что сказано о локализации скифов после Диофанта в Крыму и ближайших причерноморских степях, упоминание скифов в этой надписи, при его несомненной конкретности, вполне подтверждает эту локализацию по средиземноморским данным. Степень же подчинения, здесь упомянутая, была, конечно, относительно призрачною: немного позднее столкновения возобновились.¹

В ИРЕ, т. II, 26, относящейся, вероятно, к царствованию Савромата I (93—123 н. э.), заключается посвящение ряда лиц богам, приносящим победу,— за победу над скифами. Неполнота этнического названия не вызывает сомнения в его восстановлении. Котий II (123—132) удостоился в первый же год своего царствования статуи за победу над скифами со стороны своего наварха Трифона Аполлониева.² Это, впрочем, еще не означает, что победа была морскою. Впрочем, и это не так уже невероятно: из некоторых надписей и свидетельств Страбона видно, что со времени Скилура скифы уже имели свой военный флот.³ Сопоставление обеих надписей неопровержимо доказывает продолжение столкновений Боспора со скифами, этническая конкретность которых так хорошо подтверждена перечнем племен в надписи в честь Аспурга. Здесь нет каких-либо других указаний, но нигде, кроме Крыма, скифов по соседству с Боспором не было, и противоречия в этом отношении с приведенной выше их локализацией нет. То обстоятельство, что два царя нашли нужным подряд в течение короткого срока наносить скифам серьезные удары, говорит об оживлении военной деятельности последних в течение первых десятилетий II в. н. э.

В надписи ИРЕ, т. II, 423, начало которой не сохранилось, датированной 490 г. боспорской эры — 193 г. н. э., т. е. относящейся к царствованию Савромата II, некто Зенон Зенонов, посланный царем в Танаис, сделал посвящение за царя Зевсу, Арею и Афродите; в числе заслуг царя фигурирует, между прочим, победа над скифами и сираками и присоединение Таврики к царству по договору. Сираки обитали на Северном Кавказе.⁴ Видеть одну войну в соединении имен различных народов едва ли приходится: это, скорее, часть суммарного перечня внешнеполитических заслуг Савромата II. Зато очень существенно отдельное упоминание земли тавров, подчиненной царем путем договора. Конкретность скифов здесь определяется прямой связью с предыдущими тремя текстами. Важно то, что в этом тексте скифы совершенно отчетливо отделены от тавров или, вернее, от их страны. Этим подчеркивается некоторая путаница этнонимических представлений Страбона и отличие одних от других от времени Диофанта, по крайней мере до конца II в. н. э. Вероятно, прав В. Н. Дьяков, который видит в сопоставлении предыдущих надписей полное замирение тавров⁵ в римское время. Последняя надпись интересна тем, что именно этой

¹ ИРЕ, т. II, 36.

² ИРЕ, т. II, 27.

³ ИРЕ, т. I, 670—672 и Strabo. II, 1, 16 = SC, стр. 99.

⁴ Strabo, XI, 1 = SC, стр. 129 сл.

⁵ В. Н. Дьяков. Указ. соч., стр. 89.

комбинацией племен она дает хорошее представление о врагах с запада — скифах и о врагах с востока — сираках, как соседях Боспорского царства.

Итак, до конца II в. н. э. в Крыму и соседних с ним на северо-запад и запад степях продолжали бытовать скифы, на том же самом месте, где их застал Диофант. Он не разбил их окончательно. Но одно едва ли подлежит сомнению: скифы сохранились как этническое понятие, в степях Боспора, так как были еще довольно опасными соседями этого царства. Для греков же и римлян с берегов Средиземного моря они на своей сузившейся территории перестали быть конкретным явлением, затерявшись среди нахлынувших сарматских племен. Лишь в таких случаях, как при Августе и Плавтии Сильване, они ненадолго в специальных текстах выплывали из этого мрака. Вообще для римлян, осуществлявших политику Империи на Дунае и в Причерноморье, скифы были реальной величиной, хотя, может быть, и не очень большою. Вот, перед нами некто Тиберий Плавтий Феликс Феррунтийан «*graeopositus vexillationibus Ponticis apud Scythia(m) et Taugisam*». ¹ Речь явно идет здесь о Крыме и его гарнизонах. Это конкретное представление о скифах никак не вяжется с желанием М. И. Ростовцева видеть тавров в скифах эпитафии Плавтия Сильвана, когда он публиковал происходящую из Херсонеса эпитафию убитого таврами врача-вольноотпущенника Ведия Публия Фрепта. ²

С такою конкретностью понятия скифы в это время, вероятно, связано неполное название Скифии в одной ольвийской надписи I в. н. э. и надгробие некоего Скифа Феогенова из Херсонеса, по Латышеву, II в. н. э. ³

Конечно, имя скифов и их конкретное бытие еще прсуществовали некоторое время после победы над ними Савромата II. Однако, когда исчезло окончательно сильно поникшее и ставшее неизвестным широкому миру скифское царство в Крыму, — пока неясно. Едва ли это далеко ушло за II в., так как вскоре большие события ввели снова в круг мировых интересов эту местность.

---

¹ ИАК, вып. 33, стр. 21 (Ростовцев) — CIL, VIII, 619, ср. Supp. 11780, Dessau, 2747; *Dat a z s e w s k i*, 136, 165

² ИАК, вып. 27, стр. 55 сл., № 1.

³ IPE, т. I², 274, 493.

пройти к замку. Когда эта работа быстро продвигалась вперед, царь Арифари, опасаясь, что крепость будет взята приступом, стал обороняться мужественнее, так как все спасение заключалось в победе. Он расставил по обе стороны прохода стрелков, которые и стали без труда поражать воинов, вырубавших лес, так как последние, вследствие густоты деревьев, не могли ни предохранить себя от стрел, ни защищаться от стрелков.

Три дня войны Сатира рубили лес с трудом и опасностями, пролагая себе дорогу; на четвертый день они приблизились к стене, но, осыпаемые тучей стрел в тесной позиции, потерпели огромный урон. Предводитель наемников Мениск, отличавшийся и умом, и храбростью, бросился через проход к стене и вместе со своими товарищами стал храбро атаковать укрепления, но был отражен превосходными силами неприятеля. Сатир, увидев его в опасности, поспешил к нему на помощь и, выдержав натиск неприятелей, был ранен копьем в руку. Почувствовав себя дурно вследствие раны, он возвратился в лагерь и при наступлении ночи скончался, пробыв царем всего девять месяцев после смерти своего отца Перисада. Начальник наемников, Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу».

Таким образом, намечается следующая картина. Осаждающие пользуются довольно примитивными приемами: они пытаются преодолеть укрепления врага без особой подготовки, решительным штурмом; сквозь густой лес, препятствующий доступу, рубят просеку. Не менее просты и приемы осажденных. Они сражаются с башен, высылают стрелков, чтобы затруднить прорубание просек, и отражают атаку боспорцев решительной вылазкой.

Весьма простые приемы осадного дела мы наблюдаем и у скифов, которые во время войны с Херсонесом обложили укрепленный порт Ктенунт. Для преодоления крепостного рва скифы стали заваливать его тростником. Осажденные же каждую ночь сжигали ту часть настила, которую удавалось врагам соорудить за день. Спротивляясь таким образом, гарнизон Ктенунта сумел задержать осаду.¹

Однако приемы осадного дела в Северном Причерноморье не всегда были так примитивны. Мы имеем основание утверждать, что обложившие неприятельскую твердыню противники иногда применяли достаточно мощные стенобитные орудия, дабы, сделав бреши в стенах, брать город приступом. Об этом красноречиво говорят следы пробоя в стенах Херсонеса, под которыми в течение многовековой истории города не раз стояли враги. Так, посередине внутренней стороны прясла № 17, в кладке I яруса (IV в. до н. э.) четко заметен пролом,² сделанный тараном на протяжении 10 м. Образовавшаяся брешь заложена довольно небрежно, видимо наспех. Для ремонта употреблены камни старой кладки. Произведен пролом, по всей видимости, примерно в IV—I вв. до н. э. Одновременно или, может быть, несколько позднее починки повреждения в стене херсонеситы сочли нужным ее усилить. К наружной стороне стены на месте пролома была пристроена полукруглая башня XV, сложенная насухо из очень хорошо подобранных квадров.

Примерно с эпохи раннего эллинизма применение военных машин в метрополии получает широкий размах. В это время знаменитый градоосаждатель Деметрий Полиоркет приобрел широкую известность благодаря своей войне с Родосом (304 г. до н. э.).

В Северном Причерноморье употребление военных машин надежно засвидетельствовано также в эллинистическую эпоху. По словам Аппиана,³ Митридат Евпатор, после неудачных переговоров с Помпеем, приняв реше-

¹ Strab., VII, 4, 7.

² Херсонесский сборник, т. I, стр. 51 и сл., стр. 55, 69, рис. 36. Херсонесский сборник, т. II, стр. 27, рис. 23 и 24, стр. 30 и сл.

³ App. Mithr., XII, 107.

ние продолжать войну, стал готовить массу оружия, стрел и военных машин, не щадя ни лесного материала, ни рабочих быков для изготовления тетив.

Нужно думать, что военными машинами довольно широко пользовались и римские вексилляции.¹ В период поздней империи, примерно со времени Константина и вплоть до Юстиниана, в Херсонесе стояли (возможно с перерывами) императорские войска, а именно, малый легион баллистариев.² Об этих баллистариях упоминает одна херсонесская надпись 370—375 гг. н. э.³ Согласно свидетельству Константина Порфирородного,⁴ они играли большую роль при обороне города от варваров в IV веке н. э.⁵ и, по всей видимости, сохранили свое значение и в следующем столетии.

От военных машин, оборонявших античные города Причерноморья, до нас, к сожалению, не дошло даже незначительных частей. Зато при раскопках и археологических обследованиях Херсонеса,⁶ Харакса⁷ и других кастелей Южного берега Крыма нередко встречаются валуны, преимущественно овальной формы, размером от куриного яйца до кулака и значительно более.

Эти булыжники мало привлекали внимание исследователей.⁸ Согласно традиции, распространенной в наших музеях, их принято считать метательными камнями для военных машин. К. К. Косцюшко-Валюженич в своих отчетах о раскопках называет большие по размерам валуны камнями для баллист,⁹ признавая меньшие камнями для катапульта.¹⁰

Такое истолкование назначения булыжников отнюдь не лишено основания, как показывает склад¹¹ боевых припасов для метательных машин XX легиона, обнаруженный на холме св. Людовика в Карфагене. Там было найдено много каменных ядер из светлого гранита овальной формы. Камни, по большей части естественного происхождения, некогда были собраны на морском берегу. Самые тяжелые из них весят 40—50 кг, чаще же всего встречаются камни в 5—10 кг, немало также камней величиной в кулак.

В силу этого вполне возможно полагать, что часть (больших по размерам) валунов из крымских кастелей и Херсонеса некогда служила боевыми припасами для баллист. Другая часть (меньших по размеру камней), вероятно, предназначалась для метания их пращниками. Однако не следует думать, что только этим целям служили булыжники, когда-то собранные защитниками древних поселений. Не следует забывать, что в античную

¹ По словам Вегеция (*Veget. De re mil.*, II, 25), каждый легион имел 10 онагров и 55 карробаллист, т. е. баллист на повозках. О применении римлянами осадных машин при военных операциях в Таврике см.: В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Уч. зап. МГПИ, т. XXVIII, вып. 1, 1941, стр. 53.

² М. И. Ростовцев. Новые латинские надписи из Херсонеса. ИАК, вып. 23, стр. 13 и сл.

³ ИАК, вып. 23, стр. 6.

⁴ О. Васильев. Готы в Крыму. Изв. ГАИМК, вып. 1, 1921, стр. 318 и сл., стр. 318, прим. 4. *Const. Porphyrogeniti. De administrando imperio.* С. 53. См. также: Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды, Киев, 1914, стр. 57, прим. 1.

⁵ Формирование легионов баллистариев относится к IV в. н. э. (*Seeck. Ballistarii.* Pauly Wissowa, т. II, 4, стр. 2832).

⁶ ИАК, вып. 1, стр. 34, 54; вып. 2, стр. 28; вып. 4, стр. 69; вып. 9, стр. 58; вып. 16, стр. 42; 75; вып. 20, стр. 30, 44; вып. 25, стр. 138, 153, 162.

⁷ В. Д. Блаватский. Раскопки Харакса в 1931, 1932, 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2/3, стр. 321 и сл.

⁸ См., например: Г. Д. Белов. Музей и раскопки Херсонеса. Путеводитель, Гос. изд. Крым. АССР, 1936, стр. 32 и сл.

⁹ ИАК, вып. 1, стр. 53; вып. 16, стр. 42.

¹⁰ ИАК, вып. 1, стр. 34; вып. 4, стр. 69.

¹¹ Rich. Fuchs. Eine Katapultenbatterie auf dem Altenburghügel (St. Luis) zu Carthago. Arch. Anz., 1917, стр. 3—11, рис. 1—2.

эпоху, наряду со сложными военными машинами, в которых дерзкая мысль изобретателя стремилась предвосхитить современное автоматическое оружие,¹ применялись и самые примитивные приемы борьбы, унаследованные от седой древности. Нередко на осаждающих или уже ворвавшихся в город неприятелей не только мужчины, но и женщины сбрасывали камни² или тяжелые кровельные черепицы.³ Для этого на стенах и башнях античных укреплений хранились запасы камней, о чем свидетельствуют изображения в греческой вазописи⁴ и показания Вегеция.⁵ Последний рекомендует собирать речные валуны (как более тяжелые по весу и удобные для метания) и наполнять ими все стены и башни, «чтобы бросать их руками, а также из пращей и онагров». Наиболее значительные из этих камней, которые нелегко было поднять, по словам этого же автора,⁶ скатывали со стен на противников: дабы давить живую силу и ломать осадные машины.

Однако не должно думать, что только невооруженное население античных городов бросало вручную камни в нападающих неприятелей. Римские пехотинцы⁷ также метали валуны во врага просто рукой.⁸ При этом заслуживает внимания указание Вегеция,⁹ что для броска рукой удобнее всего фунтовые камни.

Если метание камней вручную применялось в хорошо снаряженной регулярной римской армии, то тем более это могло иметь место у хуже вооруженных варваров.¹⁰

Все вышесказанное нам представляется достаточным для заключения, что, несмотря на несомненное применение артиллерии в античном Причерноморье, значительная часть валунов, встречающихся в крымских кастелях, могла предназначаться для бросания в неприятеля просто рукой.

Подтверждается это характерной особенностью рассматриваемых камней, различием их в весе и размерах. Такая разнокалиберность затрудняла использование их для баллист и давала менее эффективные результаты, чем при метании камней вручную.

Выше мы отмечали, что военная техника была значительно усовершенствована в Северном Причерноморье в период эллинизма; дальнейшее развитие, по всей видимости, она получила в римское время. Уже упоминалось о применении римлянами метательных машин. По свидетельству Тацита, римляне во время войны с одним из местных племен соорудили осадные

---

¹ Таков полибол — своеобразный античный «пулемет», который метал стрелы посредством бесконечной цепи, приводившейся в движение особой рукояткой, вращающейся человеческим трудом (Г. Дильс, там же, стр. 96 и сл.).

² Veget. De re mil. IV, 25. См. также оценку осады на фризе герона Трисы (Th. Schreiber. Kulturhistorische Bilderatlas, т. I, табл. XXXVII, 1).

³ Paus., IV, 39, 5.

⁴ A. Furtwängler und K. Reichhold. Griechische Vasenmalerei, München, 1904, табл. 11—12.

⁵ Veget. De re mil., IV, 8.

⁶ Veget. De re mil., IV, 8.

⁷ Бросание камней применялось и греческой пехотой; об этом см. G. Fougères. Funda, Daremberg et Saglio. Dictionnaire, II, 2, стр. 1366, Paris, 1896.

⁸ Это можно утверждать как на основании изображений на рельефах колонны Траяна (G. Fougères. Ibid., стр. 1365 и сл.; S. Rehnach. Répertoire de reliefs grecs et romains., I, Paris, 1909), стр. 347, N 50, так и неоднократных упоминаний Вегеция (Veget. De re mil., I, 16; II, 23; IV, 8). Последний рекомендует старательно обучать новобранцев метанию камней из пращи и рукой. Тот же автор сообщает об акцензиях: они не имели щитов и сражались, бросая рукой камни или легкие копья (Veget. De re mil., III, 14).

⁹ Veget. De re mil., II, 23.

¹⁰ См. хотя бы рельефы колонны Траяна, представляющие осаду римлянами варварского укрепления во время Второй Дакийской войны: осажденные сбрасывают камни на головы идущих на приступ римлян (C. Sichorius. Die Reliefs der Trajanssäule, II табл., Berlin, 1900, т. CXIII,—302—305).

башни, с которых метали факелы и копья и употребляли штурмовые лестницы. Это произошло в 40-х годах I века н. э., когда, вмешавшись во внутренние дела Боспора, римляне приняли участие в войне с сираками и осаде их города Успы. Приведем выдержку из красочного рассказа Тацита, который говорит, что римляне осадили «город Успу, расположенный на возвышенности и укрепленный стенами и рвами; впрочем, стены его, построенные не из камня, а из плетней и прутьев с насыпанною между ними землею, представляли слабую защиту от нападений. Осаждающие, выведя выше стен башни, бросая с них факелы и копья, привели в смятение осажденных, и если бы ночь не прекратила сражения, то взятие города было бы начато и закончено в один день».¹

На другой день римские солдаты, взобравшись по штурмовым лестницам на стены, овладели городом и вырезали его население.

Таковы скудные сведения об осадном деле и искусстве обороны в античных колониях Северного Причерноморья. Однако они позволяют заключить о значительном развитии этих разделов военного дела в античную эпоху на нашем Юге.

---

¹ Tac. ann. XII, стр. 15—18.

С. В. КИСЕЛЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗ

Сложная система кыргызского ремесла, о которой нам приходилось неоднократно писать, в той или иной степени была ориентирована на обмен и, в свою очередь, его стимулировала. Уже отмечалось, что на тесную связь кыргызского кузнечного ремесла с обменом указывает широкое распространение в соседних областях Сибири железных наконечников стрел кыргызского изделия. В этом убеждает не только их полное сходство с енисейскими, но и тот факт, что нигде не найдено в таком количестве готовых и еще недоделанных (незаточенных) стрел, как на енисейских поселениях кыргызских кузнецов. То же можно сказать и о кыргызском литейном деле. Сообщения китайцев о высоком качестве кыргызского оружия позволяет предполагать его проникновение на международный рынок, ко двору китайских императоров. Укреплявшаяся связь кыргызских металлообрабатывающих ремесел с обменом делала их самостоятельной и очень важной отраслью хозяйства. Кроме железных изделий, кыргызы торговали золотом и пушной — богатствами, особо отмеченными у них источниками.¹ Связь кыргыз с азиатскими рынками сохранялась и в IX—XI вв. В частности, арабские купцы хорошо знали пути в страну кыргыз. При этом мы узнаем, что наряду с прежними товарами, вывозившимися из страны кыргыз, приобрел значение мускус. Так, в X в. Ибн-Хаукаль отметил, что лучший по цене и качеству мускус привозился из Тибета и из области кыргыз. В известной «Рукописи Туманского», написанной по-персидски в 982—983 гг., сообщается о вывозе от кыргыз березы и рога хуту, шедшего на рукоятки ножей. Возможно, что хуту — моржовый клык, который кыргызы перепродавали, получая его с севера.² Что касается торговли березой, то это совпадает с сообщениями китайцев о том, что у кыргыз «более всего растет береза».³ Вероятно, они продавали ее и в Китай. Импортную торговлю кыргыз прежде всего можно представить по археологическим данным. Из Китая, например, ввозились металлические изделия — плуги с отвалом, сбруйные принадлежности (даже стремена), украшения и — особенно в большом количестве — зеркала. Интересные выводы о сношениях с Китаем в тесной связи с внешнеполитическими переменами в положении кыргыз рисуют находки в Минусинской котловине монет. Пользуемся для этого собранием

¹ И а к и н ф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, ч. 1, стр. 144.

² Hudud al-Alam «The region of the World» a persian geography 372 a. h.— 982 a. d. Oxford — London 1937, p. 96—97.

³ И а к и н ф. Собр. сведений и т. д., ч. 1, стр. 444.

Минусинского музея, где китайские монеты имеют надежный местный паспорт.

В смутные времена истории Китая, до эпохи династии Тан, сношения с Севером были, очевидно, весьма ограничены. На Енисей проникало тогда очень мало китайских монет. Об этом говорит находка всего четырех монет VI в. (Зап. Вэй 544 г.).¹ Очевидно, военная слабость Китая и противодействие со стороны жуань-жуаней и тюрков в первый период их господства создавали серьезное препятствие для кыргызских связей с Китаем. Совершенно иным стало положение в VII в., когда в 20-х годах Танский Китай овладел землями восточных тюрков. Торговля оживилась, и это отмечают 45 монет Танской династии чеканки 621 г., найденные в разных местах Минусинской котловины.² Однако освободительная война орхонских тюрков против китайцев, начавшаяся восстанием 661—663 гг. и закончившаяся восстановлением самостоятельности каганата в 682 г., опять затруднила сношения кыргызов с Китаем. Среди минусинских находок нет китайских монет ни второй половины VII, ни первой половины VIII в., когда тюрки не только усилились, но и вступили в борьбу с кыргызами. Китайская хроника, правда, сообщает о неоднократных посольствах кыргызов ко двору императора именно в это время.³ Но, очевидно, это были дипломатические миссии с целью координировать борьбу с общим врагом — тюрками, и торгового значения они иметь не могли. Слабо были развиты торговые связи кыргызов с Китаем и в период господства уйгур. Правда, на первые годы их владычества — 758 и 759 — приходится находка 13 монет,⁴ но это, может быть, объясняется еще недостаточным контролем торговых путей со стороны новых властителей Центральной Азии. Из более поздних, только от 780 г., имеется в Минусинской коллекции 6 монет.⁵ Напомним, что и китайская хроника отмечает, что после 758 г., когда уйгуры завоевали кыргызов, «хягасские посольства уже не могли проникнуть в срединное государство».⁶ Но вот в истории кыргызов наступает резкий перелом. Их войска разбили уйгуров, и кыргызский хан «перенес свое пребывание на южную сторону гор Лаошань (вероятно, Танну-ола)».⁷ Случилось это около 840 г., и тотчас же усилились связи с Китаем. Количество монет, найденных в Минусинской котловине, относящихся к 841—846 гг., рекордно — 237 экз.⁸ Подъем кыргызской торговли с Китаем в IX в. несомненно был связан с господствующим положением кыргызов в Центральной Азии. Однако это продолжалось недолго. Под давлением киданей в начале X в. кыргызы вынуждены были оставить области южнее Танну-ола. Связи с Китаем опять затруднились. От середины X в. в Минусинском музее имеются только четыре монеты.⁹ Лишь в конце X и в XI в. сношения вновь оживились, и снова стали проникать на Енисей китайские монеты. Всего собрано 37 монет чеканки династии Сун и 3 японские монеты 1091 г.¹⁰ XII в. с господством в Северном Китае династии Цзинь не принес нового оживления кыргызских связей с Китаем. В минусинской коллекции оказалось

¹ Хранятся в Минусинском музее, инв. № 5620—5623.

² Хранятся в Минусинском музее, инв. № 5295—5339.

³ Иакинф. Собр. свед. и г. д., ч. 1, стр. 448 и сл.

⁴ Хранятся в Минусинском музее, инв. № 5264—5268, 5617, 5618 и 5709, 5710, 5716, 5718, 5720.

⁵ Хранятся в Минусинском музее, инв. № 5711—5715, 5717.

⁶ Иакинф. Собр. свед. и г. д., ч. 1, стр. 449.

⁷ Там же, стр. 450.

⁸ Хранятся в Минусинском музее, инв. № 5340—5558, 5279—5290, 5816, 5884—5886 (последние четыре — из Тютятского клада). Кроме того, одна монета найдена В. П. Левашовой в кургане № 19 II группы Капчелов в 1935 г.

⁹ Хранятся в Минусинском музее, инв. № 5291—5294.

¹⁰ Хранятся там же, инв. № 5569, 5574—5609 и 5652—5664.

всего 8 цзиньских монет, найденных к тому же в одном месте, около с. Каптырево.¹ Повидимому, политическая обстановка Центральной Азии того времени не способствовала развитию кыргызско-китайских сношений. Наконец, наступил грозный XIII в. В минусинской коллекции нет ни одной монеты этого времени. Только от середины XIV в. имеется одна юаньская монета.² Если не считать этой единственной находки, можно сказать, что в результате монгольского разгрома китайские монеты исчезли с Енисея почти на 400 лет. Лишь в XVII в. в небольшом числе они появляются вновь (найдено всего 12 экз., чеканки 1621 и 1628 гг.).³ В XVIII в. намечается оживление. В Минусинском музее имеется 49 монет этого времени.⁴

Заинтересованность кыргызов в обмене сказалась и на их западных связях. В отличие от многих центральноазиатских народов, кыргызы, по словам китайцев, находились в дружественных торговых сношениях с карлуками (Гэлолу), тибетцами (Туфанью), Тохаристаном (Дахя) и арабами (Даши). Туда кыргызы сбывали свои «произведения» и получали отсюда ценные товары. Об этой торговле хорошо были осведомлены китайцы. Им были известны даже такие детали, что «туфаньцы при сообщении с Хягсом боялись грабежей со стороны уйгуров, почему брали провожатых из Гэлолу». ⁵ Китайский хронист знал также о том, что к кыргызам «из Даши не более 20 верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на 24 верблюда. Такой караван отправляли один раз каждые три года». ⁶ В другом месте тот же источник сообщает, что ткани привозились на Енисей не только от арабов, но также из Кучи и Бейтина, т. е. из знаменитого Бешбалыка, принадлежавшего уйгурам. ⁷ Это показывает, что, несмотря на враждебность уйгурских ханов к кыргызам, они все же торговали с уйгурскими городами восточного Туркестана.

---

¹ Хранятся там же, инв. № 5610—5616 и 5619а.

² Хранится там же, инв. № 5619.

³ Хранятся в Минусинском музее, инв. № 5624, 5625, 5627—5636.

⁴ Хранятся в Минусинском музее, инв. № 5637—5651, 5655—5708.

⁵ И а к и н ф. Собр. свед. и т. д., ч. 1, стр. 449.

⁶ Там же, стр. 449.

⁷ Там же, стр. 445.

Н. Н. ВОРОНИН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДРЕВНЕЙШЕГО ЗОДЧЕСТВА
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Углубляющаяся за последние годы исследовательская работа по этногенезу восточного славянства и истории его культуры раскрывает все более глубокие корни тех явлений древнерусской жизни, которые предстают перед нами как в освещении письменных источников XI—XII вв., так и в виде непосредственно сохранившихся древнейших памятников русского искусства и материальной культуры. В частности, историю русского зодчества сейчас уже нельзя начинать, как это было раньше, с памятников эпохи Владимира и Ярослава, так как остается непонятной их сложность и своеобразие, которое как бы предполагают предшествующее им и не известное пока нам высокое развитие славянского самобытного (деревянного) зодчества языческой поры, о котором говорят хотя бы описания средневековыми писателями храмов западных славян.¹ Поэтому естественен интерес исследователей к проблеме истоков русского зодчества и попытки вывести его характерные черты из глубокой дописьменной древности.²

Одним из до сих пор не привлекавшихся источников для освещения этого вопроса является русская народная вышивка, сохранившая в числе своих образов чрезвычайно древние мотивы. В. А. Городцов обратил внимание на цикл изображений, связанных с древнейшим культом женского божества, языческой «царицы небесной», который находит свое объяснение из дако-сарматских археологических памятников начала нашей эры.³ Автор отметил, что этому женскому божеству «сооружались храмы, о форме которых отчасти можно судить по изображениям как дакийской, так и севернорусской иконографии шитья».⁴ Действительно, если севернорусская вышивка донесла до нас древнейшие циклы культовых изображений, то с не меньшим вероятием мы можем отнести к глубокой древности и сопровождающую их архитектуру. Она имеется и в приведенных В. А. Городцовым образцах вышивки, различаясь между собой как по степени стилизации, так и по большей или меньшей архитектурной сложности.

Впрочем, упрощенность мотива не обязательно должна пониматься как изображение более простого реального здания, так как данный мотив может являться своего рода «условным знаком», дающим часть вместо целого. Именно так, повидимому, следует понимать изображение двух

¹ И. Срезневский. Архитектура храмов языческих славян. ЧОИДР. № 3, 1846.

² Н. И. Брунов. К вопросу об истоках русского зодчества. Вестн. АН СССР, № 6, 1944.

³ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. 1, М., 1926.

⁴ Там же, стр. 35.

храмов по сторонам дерева с птицами, заменяющего изображение женского божества. Каждый из этих храмов представляет высокую башнеобразную постройку, расчлененную горизонтально на большую нижнюю часть и меньшую верхнюю, завершенную остроконечным верхом (рис. 26). Столп¹ очень напоминает изображение в копирующей оригинал XII—XIII вв.

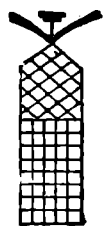

Рис. 26,

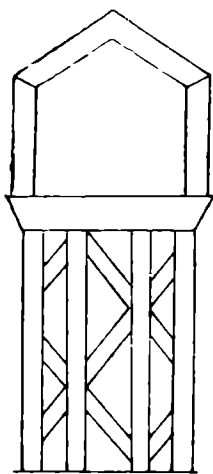

Рис. 27

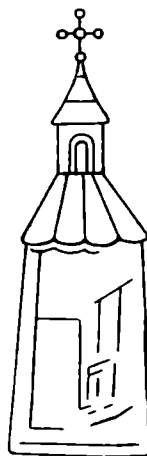

Рис. 28

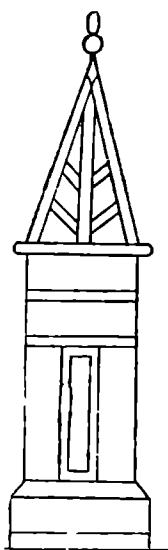

Рис. 29

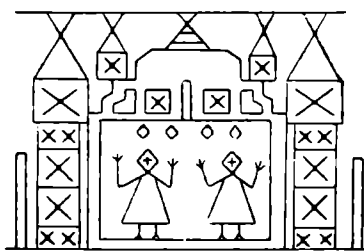

Рис. 30

миниатюре Радзивилловской летописи терема княгини Ольги, также столпообразного здания с высоким низом и низким верхом, где сидит княгиня (рис. 27). Здесь теремная башня олицетворяет собой весь теремной дворец Ольги, являясь, очевидно, наиболее выразительной, так сказать, символической его частью. Повидимому, и в данной вышивке башнеобразный «столп» наиболее ясно давал представление об идее храма. Древнерусское зодчество знало в XII в. также шатровые деревянные башнеобразные храмы, о чем свидетельствует рисунок на полях псковского пергаментного ус-

¹ Ср. также столпообразный храм в вотской вышивке. T. Vahter. Des figures humaines dans la broderie. ESA, XII, стр. 207, рис. 21.

тава XII в., изданный В. Е. Румянцевым (рис. 28).¹ Иллюстратор Хлудовской псалтыри XIII—XIV вв. изобразил «гроб господень» в виде столпообразного храма с высоким шатровым верхом (рис. 29).²

На другой вышивке, приведенной В. А. Городцовым (рис. 30), мы встречаемся с более сложным и более полным изображением храма, основной массив которого фланкируется двумя высокими башнями с более узким и вытянутым, как бы многоэтажным низом и широкой шатровой камерой наверху. Самый храм представлен как бы в разрезе, открывающем его интерьер с двумя фигурками молящихся. Интерьер отделен горизонтальной линией потолка от очень сложного верха, представляющего в общем ступенчатую конфигурацию с большим остроконечным покрытием средней части и двумя малыми шатровыми верхами, как бы сдвинутыми в стороны от центра. Композиция верха в целом кажется как бы сжатой и сокращенной линией верхнего бордюра, заканчивающего вышивку. Вынос же в стороны малых верхов был, вероятно, продиктован желанием показать их полностью, иначе они оказались бы полузакрытыми массивом средней части покрытия, которое должно было представлять, повидимому, подобный верхам боковых башен, но более крупный шатровый верх. Таким образом, центральный объем храма был, вероятнее всего, пятиверхим.

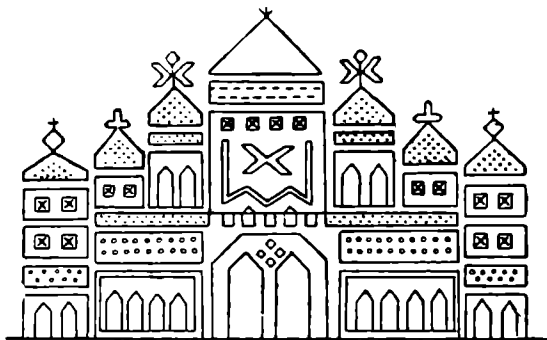

Рис. 31

Упомянем в этой связи о постройке в 1020—1026 гг. вышгородским городельцем Миронегом по заказу князя Ярослава пятиверхой деревянной церкви Бориса и Глеба в Вышгороде: «возгради церковь велику имеющую верхов пять и испьса всю и украси ю всею красотою». Как можно думать, Миронег был, в отличие от строителя следующего вышгородского храма 70-х годов XI в. — Ждана-Николы, еще не крещеным язычником и не имел христианского имени.³ Едва ли за 30 лет, истекших со времени официального принятия христианства, славянская деревянная архитектура в корне переродилась; повидимому, первый храм Бориса и Глеба имел много общего с дохристианским зодчеством Руси, и, может быть, украшение его «всею красотою» было также какой-то традиционной декоративной обработкой.

На рассматриваемой вышивке по сторонам храма изображены вертикальные стояки, представляющие, повидимому, ограду храмового участка, подобную тем, какие описывают западные авторы у языческих святилищ прибалтийских славян.⁴ В. А. Городцов считает, что эти стояки изображают шесты, предназначавшиеся для укрепления жертвенных конских черепов, как это изображено на оковке ритона из Кубанской области.⁵

Некоторым комментарием к данному архитектурному мотиву может служить изображение храма на подзоре простыни из б. Архангельской губ. (рис. 31).⁶ Храм изображен дважды, посередине вышито дерево

¹ В. Е. Румянцев. Почему с половины XVII в. воспрещалось строить церкви с высокими шатровыми покрытиями? «Древности» МАО, М., 1881, т. IX, вып. 1, стр. 87.

² Амфилохий. О славянской псалтыри XIII—XIV вв. библиотеки Хлудова. Там же, т. III, вып. 1.

³ Д. И. Абрамович. Жития св. мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916.

⁴ И. Срезневский. Указ. соч., стр. 47—48.

⁵ Указ. соч., рис. 19, стр. 24.

⁶ В. Воронов. Крестьянское искусство, рис. 85, М., 1924.

с поющими птицами: «постоянный символ», замещающий изображение великой богини — «царицы небесной». Таким образом принадлежность данной вышивки к тому же кругу культовых сюжетов, который послужил материалом исследования В. А. Городцова, совершенно очевидна. Следовательно, и его архитектурный стаффаж может быть привлечен к исследованию вопроса о древнейшей языческой архитектуре восточных славян.

Храм, представленный на этой вышивке, имеет гораздо более развитые и сложные формы, хотя его основная композиция остается прежней: многоверхий массив храма фланкируется двумя шатровыми башнями: они, как и на предшествующем изображении, состоят из нескольких этажей, переданных в виде продолговатых прямоугольников; два верхних — с окнами, в нижнем — две высокие «двери» с двускатным перекрытием пролета. Подобные же «двери» помещены и в нижней части основного массива храма — более низкие по бокам и две высокие в центре. Над боковыми «дверями» изображена, повидимому, кровля. Сопоставляя эту деталь изображения с реальными деревянными храмами, мы сможем довольно легко определить ее смысл: это могут быть идущие вокруг храма галереи типа северных «нищевников» или украинских «опасаний». «Нищевники» северных храмов, однако, в большинстве случаев представляют собой более или менее закрытые помещения со сравнительно небольшими световыми отверстиями и, как правило, расположены значительно выше уровня почвы — все эти их особенности связаны с суровыми климатическими условиями севера, обильными осадками и глубокими снегами.¹ На нашей вышивке мы видим нечто иное: проемы галереи очень велики, они идут, начинаясь от самой земли. Это, несомненно, галерея, более близкая к южным «опасаниям», или «ганкам», т. е. к открытой галерее в виде навеса на столбах с деревянными раскосинами, несущими горизонтальный лицевой брус кровли.² Повидимому, «опасание» связывало с храмом и его боковые башни и прерывалось лишь на месте главного входа, представленного в виде двух высоких дверей. Таким образом эта архитектурная деталь указывает на наличие в храме северной вышивки явно южных особенностей.

Над кровлями «опасаний», отделенные сравнительно узкой полоской, изображающей, повидимому, стенную плоскость, возвышаются пять верхов храма, симметрично повышающихся по направлению к центральному огромному «столпу». Мы называем так эти верхи потому, что они слагаются как бы из тех же элементов, что и боковые башни храма, т. е. «этажных членений», и завершаются подобно им остроконечными кровлями.

Факт существования в древней Руси обширных и сложных по построению многоверхих храмов устанавливается свидетельством летописи о сооруженной новгородскими плотниками в конце X в. (989 г.) тринадцативерхой церкви Софии.³ Н. И. Брунов высказал предположение, что дубовая церковь Софии «состояла вся из вертикальных башен, завершенных куполами на высоких световых барабанах...», и что храм уже обладал той пирамидальностью композиции, которая была характерна для киевского Софийского, также тринадцатиглавого собора.⁴

Поразительно, что изображение храма на разбираемой вышивке с первого же взгляда напоминает Софийский киевский собор именно своей пирамидальной композицией и соотношением масштаба «верхов»; но храм, изображенный на вышивке, — явно деревянный, о чем говорят формы «опасаний» — галерей. Как известно, своеобразными чертами киевского

¹ М. В. Крассовский. Курс истории русской архитектуры. Ч. I — Деревянное зодчество, стр. 203, рис. 248, 333, 327. Пг., 1916.

² Там же. рис. 511, 520 и др.

³ III Новгород. летоп., ПСРА, т. III, стр. 208.

⁴ Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв. Русск. архит., стр. 122, М., 1940.

храма, отличающимися его от памятников византийской архитектуры, кроме пирамидальности и сложности его объема, являются окружающие собор галереи и включенные в их состав башни, в которых помещались лестницы на хоры.¹ На вышивке храм имеет и то, и другое, причем башни отнесены в стороны, чтобы открыть полностью самый храм, или же они и находились у его углов, как юго-западная башня Софии.

Все эти совпадения едва ли случайны и позволяют думать, что монументальные деревянные храмы, подобные изображенному на архангельской вышивке, строились задолго до того, как их образ смог отложиться в каменных христианских храмах начала XI в.

Подобная изображению на архангельской вышивке схема храма очень прочно владела воображением народных художников. Так, безымянный резчик поместил изображение многоверхого храма с шатровыми башнями по бокам на известной пряничной доске из Владимирской области (рис. 32).² Любопытно, что, стесненным вертикальным полем доски, он не мог развернуть композицию вширь, поэтому он поместил в воздухе над трехверхим храмом еще шесть шатровых верхов, как бы символизирующих живописное многоглавие храма. Изображение в целом насыщено уже позднейшими архитектурными деталями каменных храмов XVI—XVII вв. — здесь мы видим характерные ширилки, кокошники, декоративные кувшины, стилизованный портал сложных форм. Любопытно, что число шатровых верхов (девять, кроме башен) совпадает с девятью верхами Василия Блаженного.

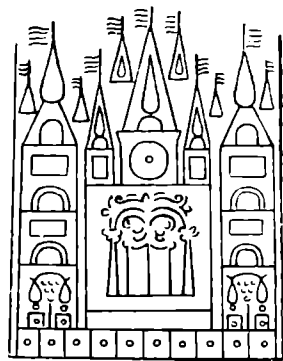

Рис. 32

В XVI в. в каменную архитектуру победно вторглись формы и художественные принципы древнейшей деревянной шатровой архитектуры, оттеснившие с необычайной быстротой крестовокупольную систему храма. Но и памятники этого последнего типа не могли сохранить замкнутости и статичности своего объема. Собор Авраамьевого монастыря под Ростовом осложнен примыкающими по углам приделами и столпом колокольни.³ Таким образом древний изобразительный мотив типа архангельской вышивки получил новые основания в реальной архитектуре XVI—XVII вв. и в новых формах продолжал бытовать в народном искусстве.

Неоднократно отмечавшаяся исследователями «органичность» художественного строя русского деревянного зодчества, «органический» характер нарастания форм здания, с особенной силой выразившийся в памятниках XVI в. — Василии Блаженном и церкви с. Дьякова, позволил говорить о наличии некоего «растительного начала» в художественной логике этих храмов. Это примечательное качество названных произведений, столь разительно противоположных типу русско-византийского крестовокупольного храма, повидимому, также может быть возведено к глубочайшим традициям славянского искусства.

Для иконографии языческой «царицы небесной» в шитье характерно, что ее образ «связывается как бы органически, неразрывно с фигурой древа, иногда она срастается с ним, а иногда заменяется как определенно

¹ См. реконструкцию К. Конанта, переиздана в моей книжке «Древнерусские города», рис. 1. М.—Л., 1945.

² В. Воронов. Указ. соч., рис. 21.

³ Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Архитектура СССР, вып. 5. Его же. Владимиро-суздальское наследие в русском зодчестве. Там же, № 2, стр. 68, 1940.

выраженным символом». ¹ Любопытно, что это «проращение» фигуры богини передается и ее храмам. Так, в простейшей схеме храма, представляющей шатровой «столп», мы видим на вершине шатра, как бы две ветки или листа, из которых вырастает цветок (рис. 26). То же можно сказать об изображении храма на рис. 33, в котором стоит, видимая, статуя богини с древесными ветвями вместо кистей рук. Храм представлен с предельной схематизацией: по сторонам статуи два орнаментированных вертикальных стояка с утолщениями посередине, стволы которых путем зигзагообразных ступенчато нарастающих изгибов смыкаются в вершине, заканчиваясь также намеками на растительные ответвления. ² Ступенчатость верха напоминает подобные же изломы верха храма на рис. 30. Если попытаться увидеть в этой орнаментализованной схеме храма ее древний живой оригинал, то его, повидимому, следует представлять в виде высокого столпообразного здания, завершающегося ступенчато сужающейся кровлей, увенчанной, может быть, резной растительной короной (ср. рис. 34). Повидимому, подобного же происхождения кресты на храме (рис. 31), представляющие собой как бы пышные цветы. Шатры храма на рис. 30 завершаются отро-стками в виде римской пятерки, которые поддерживают своими раздвинутыми концами верхний бордюр вышивки, изображающий небо и повторяющиеся на нем изображения богини с конями по сторонам. Может быть, из этих древнейших ассоциаций происходит древнерусская архитектурная терминология, в которой сочетаются названия частей человеческого тела и растительных форм: «глава», лоб», «чело», «плечи» — для сводов и закомар храма и в то же время «луковица» для определения храмового верха, и т. п. Также не только воздействием образов окружающей растительной природы, но, повидимому, и какими-то культовыми мотивами определя-

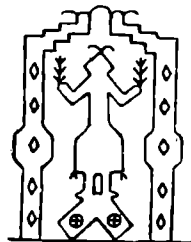

Рис. 33

Рис. 34

лось и отмеченное Г. Г. Павлуцким сходство силуэта украинских деревянных храмов с пирамидальными тополями, а северных — с хвойным деревом. ³

Таким образом и важнейшая стилистическая черта русского зодчества — его «органичность» — восходит, повидимому, к древнейшим принципам славянского строительного искусства, связанным еще с языческими культовыми представлениями.

¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 12.

² В. А. Городцов считает, что «храм покрыт драконами — символами небесной сферы», что едва ли можно принять. Указ. соч., стр. 12.

³ Г. Г. Павлуцкий. Древности Украины, т. I, стр. 12, Киев, 1905.

А. Л. МОНГАЙТ

К ВОПРОСУ О ТРЕХ ЦЕНТРАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вопрос о трех древнейших центрах Руси занимает историков в течение длительного времени. Неясные сообщения путешественников и географов-арабов стали предметом ожесточенных споров и породили бесконечный ряд толкований, большая часть которых осталась совершенно недоказанной. И сейчас еще наука не накопила достаточно сведений для окончательного мнения в этом вопросе, решение которого принадлежит будущему. Но некоторые данные выводят этот вопрос из загадочной неизвестности и требуют от исследователя пристального внимания.

О трех племенных группах Руси сообщают следующие писатели X в.: 1) арабский географ Аль-Балхи (850—934), автор «Книги видов земли», составленной около 920 г.; 2) арабский ученый Аль-Истархи, труд которого составляет второе, сильно дополненное издание труда Балхи, сделанное между 930—933 гг.;¹ 3) араб-путешественник из Багдада — Ибн-Хаукаль, автор «Книги путей и государств», работу над которой он закончил около 987—988 гг. Зависимость сообщений этих трех авторов одного от другого не вызывает сомнения. Позднее это показание о разделении Руси на три племени заимствуют у названных авторов Идриси (1154), Абульфедя (1273—1331), Шамседдин Димешки (ум. в 1327 г.) и др. Одним из наиболее близких по времени к первоисточнику этих сообщений является анонимный персидский географ, автор «Книги границ мира от востока к западу», составивший свой труд около 982—983 гг.²

Аль-Балхи сообщает следующее: «Русы состоят из трех племен, из коих одно ближе к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, [живущее] дальше первого, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу; что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтоб кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, путешествующего по их земле. Только они отправляются по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их и вступить в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец. Русы сожигают своих покойников, а с их богатыми сожигаются девушки по их доброй воле. Иные из Русов бреют бороду, другие же из них закручивают ее в виде

¹ De Goeje. Die Istakhrī-Balki Frage. Zeitschrift der Deutsch. Morgenl. Gesellschaft, т. XXV. Leipzig, 1871.

² А. Г. Туманский. Новоткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах. ЗВО, т. X, стр. 121—137, 1896; Худуд Ал-Алем. Рукопись Туманского, с введением В. Бартольда, Л., 1930. Hudud Al Alam. «The Region of the World», Translated and explained by V. Minorsky, London, 1937.

кудрей. Одежда их — короткие куртки; одежда же Хазар, Булгар и Баджнаков — целые [длинные] куртки. Русы эти ведут торг с Хазаром, Румом и Великим Булгаром.¹ Ибн-Хаукаль почти дословно повторяет это сообщение, только вместо слов «дальше первого» у него стоит «выше первого» и в списке товаров прибавлены «черные лисицы».² Кроме того, слова «они отправляются по воде» читаются: «они спускаются по воде».³ Текст, изданный Гаркави с именем Истархи, аналогичен Аль-Балхи и лишь в одном вносит пояснение: «Арта находится между Хазаром и великим Булгаром».⁴ В рукописи Туманского к списку товаров, вывозимых из Артании (Уртаба), прибавлены «очень ценные клинки и мечи, которые можно согнуть вдвое, и они вновь выпрямляются, если отнять руку». У Идриси про Артанию: «ее властелин пребывает в Артани, чудесном месте, построенном на обрывистой горе».⁵

Большинство ученых признало несомненным, что Куяба — это Киев и что Славия — это область новгородских славян. Но вопрос о местоположении третьего русского племени, вопрос о том, что следует разуметь под Артанией, вызвал многочисленные и противоречивые предположения.

Френ, Д'Оссон, П. С. Савельев считали, что Артания — это Эрдзянь (ветвь мордовского народа — эрзя), имя, сохранившееся в названии Арзамаса.⁶ Той же точки зрения придерживался и Щеглов, считавший Артанией финское племя, но Арту искавший не в Арзамасе, а в Рязани.⁷ С этой точкой зрения согласен Шахматов.⁸ Рено и Хвольсон считали, что Артания — это Пермь.⁹ Л. Нидерле, предположив, что в словес «Артания» «р» стоит ошибочно вместо «н», связывает Арта, Артания с именем «антов».¹⁰ Той же точки зрения придерживается Б. А. Рыбаков.¹¹ С именем антов связывал Артанию и Пархоменко, но он шел дальше, развивая задолго до того высказанное Иловайским предположение, что Артания — это Тмутаракань.¹² Этой теории в науке повезло больше других. Отстаивая южное происхождение Руси, защищая мнение о давности поселений славянства в Подонско-Азовской области, В. А. Пархоменко использовал сообщения арабов, чтобы локализовать спорное местонахождение Тмутаракани. Он сближал имя «анты» с «вантитами» арабских писателей и, далее, с «вятичами» русской летописи и, помещая «вятичей» в Причерноморье, находил, что под Артанией нужно разуметь Тмутаракань.¹³

Этой же точки зрения придерживается С. В. Юшков¹⁴ и др. А. И. Соколовский согласен поместить «третье» русское племя на Таманском полу-

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 276—277. СПб., 1870.

² А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 220, 221.

³ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 221.

⁴ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 193.

⁵ Jaubert. Géographie d'Edrisi, т. II, стр. 401.

⁶ Frähn. Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. A. C. Mouradja d'Ohsso n. Des peuples du Caucase et des pays au Nord de la Mer Noire dans le 10-me siècle.

П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика. СПб., 1846.

⁷ Д. Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, стр. 15, 1876, май.

⁸ А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 35—36. Пг. 1919.

⁹ Reinaud. Introd. générale à la géographie des Orientaux.

Ибн-Даства. Известия о хозарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и руссах. Пер. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869.

¹⁰ L. Niedergle. Slavanski Starozitnosti, т. II, стр. 269.

¹¹ Анты и Киевская Русь. ВДИ, т. I, стр. 337.

¹² Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси, 1876.

¹³ В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава, 1913. Три центра древнейшей Руси, Изв. Отд. русск. яз. и слов. АН, 1913, т. XVIII, кн. 2, стр. 72—87. У истоков русской государственности, ГИЗ, 1924.

¹⁴ К вопросу о происхождении русского государства. Учен. зап. Моск. гос. юрид. ин-та, стр. 37, 39, вып. IV, 1940.

острове, но город Арту ищет в Крыму, где-то вблизи Евпатории.¹ Большую работу известиям арабских писателей о русах посвятил П. Смирнов.² Доказывая, что уже в VIII в. на Волге существовал созданный норманнами «русский каганат», он известия о трех центрах относит ко времени распада каганата и все три центра ищет на Волге и ее притоках, помещая Куябу в устье Оки, Славю — севернее ее, а Артанию — посредине, между ними, в восточно-финских землях. Такой же фантастичностью отличается толкование другого сторонника норманнского происхождения Руси — Ф. Вестберга, который предлагал искать Артанию где-то в Скандинавии или в Дании.³

Самый перечень мнений в вопросе о трех центрах Руси, перечень далеко не полный, показывает, как мало материала для решения вопроса дают труды арабских географов, если они смогли породить такое разнообразие мнений. Если прибавить к тому же, что вопрос о трех центрах Руси осложняется другим вопросом — о происхождении Руси вообще, вопросом, представляющим предмет ожесточенного спора между норманистами и антинорманистами и имеющим громадную литературу, то вполне понятна множественность выводов. Всякие заключения в этом вопросе могут быть основаны только на определенном отношении к проблеме происхождения Руси. Считая доказанным в современной исторической науке, что русь — не норманны и не название какой-либо социальной группы, а название народа, и притом, очевидно, одно из названий, относящихся к восточным славянам в целом или к части их,⁴ я буду исходить из этих данных в дальнейшем.

Краткие сообщения арабов о третьем центре Руси так мало дают сведений о его местоположении, что это позволило передвигать его различными авторами произвольно из одного конца Восточной Европы в другой. В то же время руководящими для этого вопроса должны быть данные топонимики, из которых и исходит большинство авторов. На этом основании было высказано Френом, Савельевым и другими мнение, что Артания — это Эрзяния.

Академик Дорн, переводя отрывки из книги Аль-Балхи, принял написание Ерзания⁵ вместо Арсания, Артания и т. п. других переводчиков.

Если для лингвистов была несомненной близость в звучании Артании с Эрзей, Эрзянией, то необъяснимым являлось, почему арабы причислили мордовскую эрзю к русским племенам. По мнению Гаркави, арабы это делали просто по незнанию, а по Френу и Савельеву — потому, что эрзя была подчинена русам. Шахматов вслед за Щегловым указал, что Эрзянь — это позднейшая Рязань.⁶ Что название города Рязань появилось из мордовского племенного имени эрзя подтверждается как данными филологии, так и археологическими материалами. Раскопками установлено, что славянскому городу на территории Старой Рязани предшествовало мордовское поселение, оставившее следы на северном участке городища, и большой могильник рядом с ним. Упоминание Гардизи о том, что «в стране славян есть город Вантит», дает повод Шахматову сближать Вантит с

¹ А. И. Соболевский. «Третье» русское племя. Докл. АН, № 4, 1929.

² П. Смирнов. Волзький шлях і стародавній Руси. Київ, 1928.

³ Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908, февраль — март.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 250—257, 1944; там же сводка противоположных взглядов.

⁵ В. Догп. *Mélanges Asiatiques*, т. VIII, вып. 1, стр. 56—57, СПб., 1874.

⁶ «Рязань — это славянская, ослабленная форма этого имени (Арзания). Перестановка букв, согласной наперед, гласной назад — дело обыкновенное у славян в таких случаях». Д. Щеглов. Первые страницы русской истории. ЖМНП, стр. 15, 1876, май.

вятичами и объяснить Артанию как Рязань, важнейший город славянского племени вятичей.¹

Так трудно в Рязани, на всем протяжении летописного периода бывшей глухим захолустьем, видеть один из центров славянства, упоминаемый арабами наряду с Киевом и Новгородом, что это предположение Шахматова не привлекло внимания. Его причислили к тем из многочисленных гипотез великого исследователя летописей, которым суждено было остаться недоказанными. Это предположение, впрочем, Шахматов высказывает вскользь и не пытается его подробно аргументировать. Между тем, правильность этой гипотезы подтверждается не только созвучностью названий, но и географическим положением Рязани, совпадающим с указаниями арабов на местоположение Артании.

Арабские географы, несомненно, помещают каких-то русов на Волге. У Аль-Истархи и Ибн-Хаукаля сообщается о географическом положении русла реки Итиля (Волги): «Что же касается реки Итиль, то она вытекает вблизи Хархиза, течет между Каймакией и Гуззией, так что образует границу между Каймакией и Гуззией; затем она выходит к западу по верхнему Булгару² и обращается вспять к востоку, пока не пройдет по Русу, потом проходит по Булгару, затем — по Буртасу, пока не впадает в Хазарское море».³ В словаре Якута говорится: «Итиль есть имя великой реки, подобной Диджле, в стране Хазар и протекает мимо страны Русов и Булгар»,⁴ а Аль-Бекри пишет о Волге: «Это — река, которая к ним течет от Русов, впадает в море хозарское».⁵

В «Словаре тюркских языков» Махмуда Аль-Кашгари (1074 г.) имеется очень интересная карта.⁶ Карта представляет весь мир в круге, в центре которого помещены горные массивы Центральной Азии. Так как в то время еще неизвестны были масштабы, то все изображения на карте могут рассматриваться только одно относительно другого. На северо-запад от Каспийского моря, но ближе всего к Волге, помещены русы, славяне — на северо-запад от русов, а на север от славян — *wagan* — очевидно варяги, за землями которых лежат уже полярные области. Не могу согласиться с предположением Умнякова, что русы этой карты — Киев.⁷ Карта составлена по значительно более ранним источникам и передает представление о русах, относящееся к X в. Эта карта, очевидно, Киева не знает. Русов ее автор помещает на Волге. Славяне, живущие на северо-запад от русов, очевидно, как и у других географов, — все славянские племена от Новгорода до Киева и даже до Дуная. Севернее этих славян помещены варяги.

Таким образом свидетельства как ранних, так и позднейших географов несомненно указывают, что их русы проживают на Волге или ее притоках. Так как в русах, живших где-то вблизи течения Итиля, нельзя видеть ни жителей Куябы, ни жителей Славни, то остается предположить здесь только третью племенную группу — Артанию. Аль-Балхи и Истархи уточ-

¹ А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 35, примеч. С поисками третьего русского племени в стране вятичей согласен В. В. Бартольд (Арабские известия о русах. Сов. востоковед., т. I, стр. 27, 1940).

² Здесь он за Волгу принимает р. Каму.

³ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 192—193.

⁴ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 85, и о том же указание на стр. 92.

⁵ Известия Аль-Бекри о славянах и соседях, перев. В. Розена в Зап. АН, т. XXXII, прим. № 2, стр. 60, 1878.

⁶ Словарь издан в Константинополе в 1915 г. на арабском языке, карта переиздана Konrad Miller; *Maprae Arabicae (Arabische Welt- und Länderkarten)*, т. V, стр. 142—148, Stuttgart, 1931 (с латинской транскрипцией арабских названий).

⁷ И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира. Тр. Самарк. гос. пед. института, т. I, вып. 1, 1940. Ввиду отсутствия книги в московских библиотеках, пользуюсь только сообщением о ней Б. Д. Грекова (Киевская Русь, стр. 255, прим. 4).

няют местоположение Русов: «Рус есть народ в соседстве с Булгаром, между сим последним и Славонией»¹ и «Арта находится между Хазарами и великим Булгаром»,² причем, как убедительно указывает Хвольсон, Великие Булгаре в данном случае — Камские.³ Если соседями Артании на востоке были Булгары, то на юго-востоке она граничила с бургасами. Географическая номенклатура края показывает, что села с названием Бургас и т. д. расположены в области, заселенной мордвой — мокшей, вероятно, являющейся бургасами арабских источников.⁴ Вполне резонно возникает возражение. Арабские писатели говорят о Волге, как о реке, на которой живут русы, между тем Рязань и поселения вятичей расположены на Оке. Это противоречие легко объяснить смутными представлениями арабов о верхнем течении Волги, где они никогда не бывали.⁵ Если в одном случае они Каму принимают за верхнее течение Волги, то в другом случае они могли принять за верхнее течение Волги Оку. В одном из восточных источников мы имеем совершенно определенное указание на Оку, название которой ни у какого другого мусульманского писателя не упоминается.

В Худуд Аль-Алам⁶ говорится: «Эта река Рус проходит среди славян, направляясь к Востоку, до самой границы Русов. Она протекает, минуя Уртаб, Селябе, Куяне, города Русов и проходит через границы Хифржах. Она же меняет направление, поворачивает к югу, к пределам печенегов и впадает в реку Атель».⁷ Еще А. Г. Туманский высказал убеждение, что эта река, так определенно описанная, не может быть иной рекой, кроме Оки, так как в рукописи указано, что она течет с юго-запада в Волгу и впадает в нее севернее бургас. Издавший рукопись Туманского в английском переводе и снабдивший ее подробным комментарием В. Минорский считает, что не только географическое положение реки Рус, но и арабская транскрипция ее названия позволяют в ней видеть Оку. «Не будет чрезмерным предположение, что Ока известна осведомленному первоисточнику, которому мы обязаны описанием территории русов. Текст Истархи наводит на мысль, что наблюдательным пунктом для этого первоисточника был болгарский город на Волге».⁸ Таким образом мы имеем единственное в литературе мусульманских географов указание на Оку, и при этом указано, что русы живут по этой реке. Несомненной ошибкой является помещение всех трех центров Русов на Оке. Бартольд считал это плодом произвольной

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей, стр. 191, и о том же указание на стр. 198.

² А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 193.

³ Ибн-Даста. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах. Пер. Д. А. Хвольсона, СПб., 1869, комментарий, прим. 98, стр. 177—180.

Хотя очень трудно, даже с натяжкой, признать соседями Тмударакани дунайских болгар, но Пархоменко утверждает это, основываясь на неправильном комментарии Гаркави. Аль-Балхи говорит: «внутренние же булгаре христиане», что может относиться только к придунайским болгарам, которые в самом деле были христианами. Следовательно, если великие булгаре не одно и то же, что внутренние, то это и есть волжские булгары.

Возможно, однако, что вопрос об этом верно толкуется Мардтманном, который переводит это место так: «Арта находится между землей хозар и великих Булгар, которые граничат с Румом на севере последнего» (Хвольсон, стр. 179). При этом чтении становится ясной ошибка, допущенная Гаркави, и отпадает предположение Пархоменко, что Арта арабов граничила с севера с Румом и в то же время находилась между хазарами и дунайскими болгарями.

⁴ В. В. Гольмстен. Бургасы. Кр. сообщ. ИИМК, вып. XIII, 1946.

⁵ От Оки до Ярославля нет находок восточных монет. А. А. Ильин. Топография кладов восточных монет.

⁶ Рукопись А. Г. Туманского.

⁷ А. Г. Туманский. ЗВО, т. X, стр. 136—137.

⁸ Hudud Al Alam, стр. 217. London, 1937.

комбинации автора,¹ а Минорский объясняет это попыткой автора — Худуд Аль-Алем — осмыслить название Оки, неизвестное ему по другим источникам, в результате чего он смешал в одно сообщения разных авторов.²

Рукопись Туманского в сообщениях о русах зависит от Ибн-Роста и Гардизи, хотя название трех центров Руси заимствует у Балхи-Истархи. Но этот источник оригинален в определении направления реки Рус и в установлении границ русов. В рукописи указано, что к северу от земли Рус лежат северные пустыри, к западу находятся славяне, к востоку — печенеги (как думает Минорский, мадьяры на рр. Белой и Волге), а южную границу составляет р. Рута.

Таким образом, расположив каких-то русов, известных этому первоисточнику на Оке, мы получаем полное совпадение с данными других авторов — Аль-Балхи, помещающим русов между славянами и волжскими булгарами, и Истархи, помещающим их между волжскими булгарами и хазарами. Если принять во внимание, что, следуя в земли булгар по Волге, арабы через земли русов не проходили и в то же время земля русов не может лежать выше Булгара на Волге, если она находится между Хазаром и Булгаром, то остается искать эту землю к западу от Волги, на Оке.³

Источники позволяют не только установить наличие каких-то русов на Оке, но уточнить их племенную принадлежность. В письме хазарского кагана Иосифа к еврейскому сановнику Хасдаю-Ибн-Шафруту (X в.) перечислены народы, проживающие у реки Итиль (Волга): «Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-нн-тит, С-в-р, С-л-вион».⁴ В-нн-тит — несомненно вантит — вятичи. Помещение их на Волге доказывает, что не только арабские географы, но и лучше знавший народы Поволжья хазарский царь считал Оку верхним течением Волги. Каган Иосиф отличает вятичей от племени арису (вероятно эрзя). Арабские географы вследствие того, что главный город русского племени назывался Артанией, перенесли это название и на самое племя, чем создали неразрешимую путаницу для историков. Этой ошибки не делает Иосиф, отличающий эрзя — мордву от вятичей — славян. Очень точно на местоположение главного вятического города Рязани указывает Ибн-Роста, когда говорит: «В ближних краях земли Славянской находится город по имени Ва-и».⁵ По мнению Шахматова, Ва-и — описка вместо Вантит. Археологические данные доказывают, что вятическая Рязань была самым окраинным городом в славянских землях, ближе всего лежавшим к стране хазарских печенегов, т. е. городом, с арабской точки зрения, лежащим в начале границы страны славян. Вестберг видит в вышецитированном тексте ошибку позднейших компиляторов и считает, что в первоисточнике стояло не «город Вантит», а «страна Вантит», т. е. племени вятичей.⁶ В рукописи Туманского также говорится «Вантит — первый город с востока страны славян».⁷ Ибн-Хаукаль указывает «...Они [жители Артании.— А. М.] спускаются по воде и ведут торговлю...»⁸ Если справедливо предположение, что наблюдатель, передавший свои сведения Ибн-Хаукалю, находился в Булгаре, то именно таким должен был быть путь русов из Рязани. Они должны были «спуститься по воде», чтобы попасть в Булгар.

¹ Худуд Аль-Алам, Введение, стр. 29, Л., 1930.

² Hudud Al Alam, стр. 437.

³ Hudud Al Alam, MAP, XII, стр. 435.

⁴ П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в., стр. 98. Л., 1932.

⁵ Ибн-Даста. Известия... Пер. Д. А. Хвольсона, СПб., 1869, стр. 28.

⁶ Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, стр. 19—20, 1908, март.

⁷ ЗВО, т. X, стр. 135.

⁸ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 221.

Отожествление Арты с Рязанью противоречит указанию Истахри, что Куяба является ближайшей к Булгару, но, с другой стороны, Арта должна находиться восточнее Славии, которая считается (очевидно, с точки зрения того же наблюдателя, находившегося в Булгаре) наиболее отдаленной территорией русов. У Истахри очевидная ошибка, связанная с смещением волжских и дунайских болгар.

Если Вантит — город в стране славян, а Артания — в стране русов, то может ли речь идти об одном и том же городе? В связи с этим необходимо обратиться к вопросу о русах и славянах, являющемуся одним из «вечных» вопросов исторической литературы. С начала XVII в. происхождение имени русь является предметом дискуссии в западноевропейской и русской литературе, и до сих пор острота споров не притупилась. Выше я указал, что русь, по мнению большинства современных русских историков, не норманны, а одно из названий славянских племен. Как нельзя лучше это подтверждает постоянная путаница в вопросе о русах и славянах, наблюдающаяся у восточных авторов. Анализируя известия о русах и славянах у арабских географов, В. Минорский наметил четыре традиции.¹

Первая, представляющая старейший источник, содержится в труде Ибн-Хордадбега (середина IX в.), который смешивает русов со славянами. Русские купцы, принадлежащие к племени славян, торгуют в землях от Испании до Китая, для них не указывается никакого определенного района; что же касается славян, то им отводится весьма растяжимая территория, идущая далеко на Запад.

Вторая традиция восходит к общему источнику Ибн-Роста, Гардизи и Худуд Ал-Алам, и различает русов и славян.² Славяне в этой традиции занимают территорию, более ограниченную, чем по Ибн-Хордадбеху, но все же обычай и одежда славян, как и имена их правителей, названия городов оставляют так много сомнений, что при попытках установить местопребывание славян, упоминаемых у авторов этой традиции, комментаторы помещают их на громадной территории от Дуная до Оки, где в самом деле проживали славяне. Многие склонны видеть в них западных или южных славян. Русы же занимают остров в три дня пути в длину и в ширину. Их князь носит титул хакан-рус. Они имеют много городов (Худуд Ал-Алам), но не имеют ни деревень, ни пашей (Ибн-Роста).

Третья традиция восходит к общему источнику Истахри (Аль-Балхи), Ибн-Хаукаля и др. Сообщает мало сведений о славянах. Помещает русов между булгарами и славянами и дает описание трех племен и трех центров русов.

Четвертая традиция встречена в труде Масуди (середина X в.), который считает русов прибрежными жителями Черного моря и даже самое море называет морем русов.

Таким образом мы имеем четыре точки зрения, зависящие как от времени, так и от избранного пункта наблюдения. Но как авторы, различающие славян и русов, так и авторы, не могущие их различить, ясно указывают, что те и другие близки между собой и иногда сходны в обычаях, внешности и т. д. Арабские путешественники бывали в землях хазар и

¹ Enzyklopaedie des Islam, т. III, «Rus», Leiden, 1936. В новейшей литературе подробное сопоставление мусульманских известий о славянах и русах и исследование их принадлежит Б. Н. Заходеру (Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв. Изв. Всес. географ. об-ва, т. XXV, вып. 6, стр. 25—43, 1943).

² По мнению Вестберга и Маркварта, таким источником был труд Джейхани. F. Westberg. Beiträge zur Klärung Orientalischer Quellen über Osteuropa. Изв. АН, 5-я серия, т. XI, стр. 1—212. J. Marquart. Osteuropäische und Ortasiatische Streifzüge, стр. 25—160, 1903. По мнению Смирнова и Бартольда, Ибн-Роста заимствовал сведения из погибшего труда Ибн-Хордадбега (П. Смирнов. Вользкий шлях і стародавній Руси, стр. 106—110. Бартольд, введение к Худуд Ал-Алам, стр. 8).

булгар и знали эти народы; все же народы, жившие на запад от хазар и булгар, сливались в общем понятии славян и русов, которых путают, даже пытаясь различить. Если отбросить поиски разных народов, скрывающихся под названиями русь и славяне (норманны, финны, западные славяне, хорваты и т. д.), а считать, что речь идет о различных племенах славян, то многие запутанные положения значительно упростятся. Арабские источники знают славян и русов в VIII—X вв., когда еще существовали племенные союзы славян, а в некоторых случаях (у вятичей) они еще были очень сильны. В этот период различие в нравах, обычаях, внешнем облике славянских племен было так велико, что легко было различные племена отнести к различным народам. Археология ясно показывает резкую разницу в это время не только между северо-восточными племенами и южными, но и между славянскими племенами, проживающими в непосредственной близости друг к другу на правом и левом берегу Днепра.¹ Поэтому нет ничего удивительного в противоречивых сведениях арабских путешественников. Если Ибн-Хордадбех плохо знает и славян и русов и смешивает их с тех и других, то Ибн-Руста, Гардизи и Масуди, говоря о русах, имеют в виду Русь Тмутараканскую, единственно известную их источнику.

В самом деле, и описание болотистого острова с нездоровым климатом, и указание на проживание у Черного моря, и название князя каганом, и весь облик воинственного народа, не имеющего ни пашен, ни деревень, как нельзя больше совпадает с нашими сведениями о Тмутаракани — военном форпосте славян на юго-востоке Европы.² В то время как Аль-Балхи утверждает, что «Русы сжигают своих покойников»,³ Ибн-Даста (источники которого, так же как и Аль-Балхи, восходят к началу X в.) говорит о русах: «Когда умирает у них кто-либо из знатных, то выкапывают ему могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу как одежду его, так и браслеты золотые, которые он носил»,⁴ и считает, что обряд трупосожжения был у славян.⁵

Ибн-Русте и другие, говоря о славянах и отличая их от тмутараканских русов, имеют в виду все остальные славянские племена, от вятичей на Оке до далеких дунайских славян, смешивая воедино сведения о тех и других.

Источником третьей традиции (Аль-Балхи — Истахри) был какой-то путешественник, побывавший в Булгаре и там узнавший о трех племенах

¹ Доклад П. Третьякова «Археологические работы на Украине в 1938—1940 гг.» на пленуме ИИМК 3 марта 1945 г.

² К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. Крымский также искал остров русских, о котором говорят арабы, в Тмутаракани (А. Е. Крымский. Декотрі русько-слав'янські слова та ймення в арабських історіків та географів IX—X в.» в книге: Ол. Шахматов и А. Кримський. Наоси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників староукраїнщини XI—XVIII вв., стр. 131—134, Київ, вид. «Друкар», 1922. Этой же точки зрения придерживается Вернадский (History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich, т. I: Ancient Russia by George Vernadsky, research associate in history in Yale University; New Haven Yale University Press, 1943). Противоположной точки зрения придерживался Шахматов, искавший остров русов в районе оз. Ильмень. С ним согласен В. В. Бартольд (Арабские известия о Русах. Сов. востоковед., т. I, стр. 15—50, 1940).

³ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 276.

⁴ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 270.

⁵ Вообще в X в. у славян общераспространенным было еще трупосожжение, но уже распространялось трупоположение. В 1870 г. на Лысой Горе, близ Тамани, директором Керченского музея Люценко был раскопан могильник. Вскрыто 9 каменных гробниц, заключающих в себе 12 остонов. Найденные при покойниках бронзовые серьги, височные кольца, бубенчики не позволяют окончательно решить вопрос об этническом облике их носителей (Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII столетий на Дону и Тамани. Матер. по археол. СССР, т. VI, стр. 239), но совершенно не противоречат предположению, что это были славяне — русы. Нужно думать, что обряд трупоположения в Тмутараканской Руси распространился раньше, чем среди других славян, под влиянием боспорской античной традиции на Тамани.

русов, под которыми, очевидно, подразумеваются все восточные славяне. Он знает очень мало о славянах, но помещает их где-то на восток от внутренних болгар (дунайских). Русы являются восточными соседями славян. Из трех славянских племен он лучше всего знает ближайшую к Булгару Артанию и поэтому о ней говорит подробней, чем о других. И все же даже об этом племени он знает очень мало, и его сведения не точны. Арабские купцы там не бывали, не рискуя отправляться в этот опасный и загадочный край. Аль-Балхи (Истахри) пишет: «Что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтоб кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, путешествующего по их земле». ¹ Самая эта легенда показывает, что автор ее никогда в землях русов не бывал. Возникновение этой легенды неясно. Может быть, прав Савельев, который предполагал, что слухи об убийстве чужестранцев нарочно распускались булгарами, чтобы не допустить арабских купцов в русские земли и сохранить в своих руках все выгоды транзитной торговли. ² Возможно также, что легенда об убийстве жителями Артании чужестранцев связана с соседством с мордвой (передавшей Артании свое племенное имя). По предположению Томашека, слово «мордва» является иранским эквивалентом геродотовых андрофагов. ³ Маркварт точно так же объясняет «буртас» от древнеиранского корня «mrtasa» — «людоед». ⁴

Если арабы в землях русов не бывали, то русские купцы могли встречаться с ними у болгар или хазар. Что вятичи (как и другие племена) вели оживленную торговлю с арабами, показывает топография кладов восточных монет. В то время как по Волге от Оки до Ярославля нет находок восточных монет и почти нет восточных монет на территории восточно-финских племен, на территории вятичей имеется много находок диргемов. Правда, не вся земля вятичей богата этими находками: на Дону их нет, они сосредоточены по главной реке вятичей — Оке. «Из 35 находок данного района две трети (24) связаны ближайшим образом с Окою». ⁵

Одним из оснований для возражения против локализации Артании в Рязани было указание на отсутствие в самой Рязани «Черных лис» и свинца, которые названы арабами как предметы вывоза из Арты. Это возражение можно снять, так как охота на «черных лис» производилась в Рязани еще в XV в., а недавно вблизи Старой Рязани, в районе с. Бестужево, найдены выходы оловянной руды, в древности разрабатывавшейся. Оловянные изделия известны из Маклаковских курганов этого района XII в. (раскопки Милонова, анализ Мансурова, архив Рязанского краеведческого музея, № 437). Олово и свинец по-арабски пишутся одинаково, поэтому перевод Гаркави «свинец» допускает замену его словом «олово».

Археологические данные позволяют считать, что Старая Рязань в IX—X вв. уже существовала как славянский город и, следовательно, могла быть принята за один из центров Руси.

Если арабы приходили в соприкосновение с вятичами, то вполне естественно, что они считали вятичей одним из трех главных племен русов, независимо от того, каков был истинный вес и значение этого племени

¹ А. Я. Гаркави, стр. 276.

² П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, стр. СХVIII, СПб., 1846.

³ И. Н. Смирнов. Мордва, стр. 40, Казань, 1895. Со ссылкой на Thomaschek. Kritik d. ältesten Nachrichten über d. Skitischen Norden, Wien, 1889.

⁴ J. Marquart. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem X Jahrhundert, «Ungarische Jahrbücher», т. IV, № 3/4, стр. 277, 1924.

⁵ П. Г. Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. Учен. зап. Гос. сарат. ун-в., т. I, вып. III, стр. 31, 1923.

среди славян. Но и значение этого племени в истории славянства, в самом деле, не так мало, как считали до сих пор.

Откуда взялась арабская легенда о трех племенах и о трех центрах Древней Руси? Имеет она какую-либо историческую почву или относится к досужим выдумкам древнего путешественника? В. А. Пархоменко заметил совпадение данных антропологии, археологии и филологии, как бы подтверждающих триединство восточного славянства.¹ Замечательно также, что подобно тому как арабские писатели признают вятичей одним из главных славянских племен, данные языка и антропологии позволяют выделить это племя из других восточнославянских племен. Это позволяет говорить о том, что вследствие каких-то сложных исторических процессов в период разложения родового общества восточнославянские племена составляли три большие группы, давшие общность языковых явлений, общность антропологического типа и общность исторических связей. Сообщения арабских географов — не выдумка, а могли быть связаны с реальной действительностью.

---

¹ В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности. Л., 1924. Не соглашаясь ни с его схемой расселения племен из Каспийско-Донской области, ни с преувеличением роли Тмутаракани, нельзя не отметить умелое привлечение им данных смежных наук для обоснования исторического факта распада славянства на три племени.

вес — 97,5 г, т. е. и по форме и по весу представляют собой половину гривны весом 195 г. Клейменные хорошо изданы и описаны Булычевым и Орешниковым.¹

Клейма на слитках совпадают с изображениями на монетах различных русских княжеств и городов, причем наиболее ранние принадлежат к ранним русским чеканным монетам (Ивана Михайловича Тверского, 1399, 1425), а наиболее поздние — ко времени Василия Васильевича Темного и Бориса Александровича Тверского. Это позволяет отнести появление клейменных слитков к началу чеканки удельных монет и датировать их хождение концом XIV — серединой XV в. Все клейма на слитках относятся только к низовским княжествам, ни на одном из них нет печати новгородской. Средний (нормальный) вес клейменных слитков ниже, чем неклеяемых, и равняется 92 г, т. е. они уже не являются точной половиной гривны в 195 г. Вопрос о происхождении, значении и названии этих слитков является неотделимым от вопроса о термине «рубль», его происхождении и значении. В начале XIV в. появляется в письменных источниках, в применении к денежным единицам серебра, новый специфический «низовский» вес, отличный от веса новгородского, — впервые в 1317 г., в договорной грамоте Михаила Ярославича Тверского с новгородцами:²

«А срок 3-м тысячам и двема томя взятый князю на собор в низовский вес, а други 3 тысячи взяти князю на Средокрестье в низовской же вес...»

За год перед этим, впервые в 1316 г., по поводу заключения мира между Михаилом Ярославичем Тверским и новгородцами в Тверской летописи появляется новый термин «рубль» для обозначения единиц серебра «того же л та приха владыка Давыдъ в Тверь просити Новгородцевъ на окупъ; и кончаша съ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ пятью тысячъ рублевъ».³

Слово «рубль» постоянно встречается во всех летописях, договорных грамотах и других письменных источниках и служит с XIV в. единственным обозначением основной денежной единицы, сначала выраженной в слитках серебра, а с появлением во второй половине XIV в. русской чеканной монеты, и как счетная единица для определенного количества монет. Происхождение рубля, его вес, количество входящих в него денег, отношение его к русской денежной системе — все эти вопросы являются важнейшими для русской нумизматики удельного периода. За разрешением этих проблем необходимо обратиться к источникам, письменным и вещественным, и, прежде всего, к неизвестным прежним исследователям, обобщенным данным о топографии и весе серебряных слитков, обращавшихся в Древней Руси.

Как уже было выше установлено, в конце XIII или начале XIV в. в низовских землях появляются новые серебряные слитки. Эти серебряные слитки представляют собой по весу одну вторую часть гривны и являются самостоятельной денежной единицей, которая с появлением монет немного уменьшается в весе и клеймится теми же печатями, что и монеты. По весу, по ареалу, по клеймам новая денежная единица является специфической принадлежностью низовских земель. Одновременно, в начале XIV в., появляется в летописях специфический «низовский» вес, отличный от новгородского, и впервые же в низовских землях появляется новый термин «рубль», распространившийся затем по всей Руси и заменивший собой

¹ Н. И. Булычев. Заметка о клейменных слитках. ИАК, вып. 18, СПб., 1906.

А. В. Орешников. Описание серебряным монетным слиткам. Тр. Моск. нумиз. об-ва, т. II.

² Собр. гос. грам. и договоров, т. I, № 12, стр. 15, 16.

³ ПСРЛ, т. XV, стр. 409.

прежний термин «гривна серебра». Вполне естественно связать между собой эти два явления. В новгородских землях слитки в 97,5 г почти совершенно не встречаются. Однако термин «рубль» получает и там, правда несколько позже, чем в низовских землях, всеобщее распространение. Но находимые в новгородских землях слитки в подавляющем большинстве сохраняют прежний размер и вес.

Татарское нашествие всей своей тяжестью обрушилось на Киев, Москву и прочие низовские земли. Это нашествие сопровождалось колоссальным уничтожением и изъятием всех видов ценностей и, конечно, прежде всего наиболее распространенного на Руси драгоценного металла — серебра. Результатом этого был огромный отлив и недостаток серебра в низовских землях. Действительно, ни в одной из московских летописей с половины XIII до начала XIV в. нет упоминания о гривне серебра. Новгород же и новгородские земли непосредственно не подвергались татарскому нашествию и связанному с ним такому большому изъятию серебра. Вывоз серебра из новгородских земель, конечно, происходил, но имел совершенно иной, чем в низовских землях, ограниченный, упорядоченный характер и производился путем взимания податей «ордынского выхода».

Совершенно ясно, что колоссальный отлив серебра из низовских земель привел к тому, что денежная единица — серебряная гривна в 195 г — стала неприемлемой и была уменьшена вдвое. Появились сначала разрубленные пополам, а потом и литые слитки. Они укрепились в низовских землях и получили значение новой денежной единицы, сначала в виде простого слитка, а с появлением монет — клейменого слитка. Этой новой основной денежной единице соответствовал и новый термин «низовский вес» — «рубль», первое упоминание о котором находится именно в низовской — Тверской летописи под 1316 г. Старая гривна в 195 г совершенно исчезает из употребления в низовских землях. Ни одного клада со второй половины XIV в. не найдено в сопровождении гривны в 195 г или хотя бы приближенного к ним веса.

Что касается Новгорода, то в нем, не пострадавшем, как низовские земли, от татарского нашествия и еще экономически и политически обособленном от Москвы, сохранилась прежняя основная денежная единица — слиток в 195 г серебра. Однако термин «гривна» исчезает и из новгородских летописей и заменяется термином «рубль». Других слитков в Новгороде, кроме слитков в 195 г, не было. Поэтому возможно сделать только один вывод: термин «рубль», появившись впервые в низовских землях для обозначения новой денежной единицы — слитков в 97,5 г, распространился и на новгородскую основную денежную единицу — слиток в 195 г, заменив ее прежнее наименование гривна. Замена в Новгороде термина «гривна» термином «рубль» произошла не сразу и пришла именно из низовской земли. В первом же упоминании о рубле, в 1316 г., Тверская (т. е. низовская) летопись пользуется для обозначения одной и той же суммы термином «рубль», а все новгородские летописи — термином «гривна». Однако после этого, с середины XIV в., и все новгородские летописи для обозначения денежной единицы пользуются только термином «рубль». В московских и вообще низовских летописях и грамотах рубль всегда так и именуется — «рубль» или «рублевая гривенка», т. е. рублевый слиток, но в новгородских памятниках несколько раз устанавливается тождественность слова «рубль» и слова «гривна». В рукописной Минее от 1494 г., в «Памяти, как торговали доселе новгородцы», есть прямое указание «а гривна серебра рубль».¹ Таким образом перенесение на новгородскую гривну серебра термина «рубль» является несомненным. Это было высказано,

¹ Издана П. М. Строевым в отзыве на «Описание древних русских монет А. Д. Черткова». Северная пчела, стр. 235, 1834.

правда, без всякого объяснения, и крупнейшим русским историком Соловьевым: «Старая гривна серебра и новый рубль одно и то же».¹

Почему же этот новый термин «рубль», появившийся в низовских землях, получил такое быстрое признание и стал единственным наименованием для двух различных денежных единиц? Во-первых, потому, что политико-экономическое влияние Москвы и низовских земель было в XIV в. уже довольно значительным, и применяемая ими терминология, естественно, должна была распространиться на все русские земли. Во-вторых, и это, вероятно, было основным,—денежная гривна уже давно отделилась от весовой, расхождение между ними в XIV в. достигло уже 9 г, и употребление одного и того же термина «гривна» и для денежной, и для весовой единицы было неудобным. Оно вносило неизбежную путаницу, а потому новый термин «рубль», отличающий денежную единицу от весовой, был особенно удобен и быстро привился.

В XIV и начале XV в. экономические связи между Новгородом и Москвой были еще в значительной степени ограничены, и двум денежным системам не приходилось часто сталкиваться друг с другом. Однако такие связи существовали, а потому раз обе — и новгородская, и низовская денежные единицы — имели одно и то же наименование «рубль», в источниках должна была упоминаться разница между новгородским и низовским рублем. Эта разница, действительно, существовала. Упоминание о различии московского (низовского) веса от новгородского появляется еще в начале XIV в., а с середины XIV в., т. е. именно со времени распространения термина «рубль», встречается постоянно.

В 1317 г. в цитированной выше договорной грамоте Михаила Ярославича с новгородцами упоминается «низовский вес».

Следующее упоминание о различии между московским и новгородским рублем, где говорится не о низовском весе, а прямо о рубле,—кабальная грамота митрополита Киприана от 1389 г.: «Мы, Митрополит Киевский и всея Руссия Киприан... исповедуем настоящую нашу товуларскую грамотою... яко должны есмы тебе... рублей старых новгородских тысячу...»²

С начала XV в., по мере развития экономических связей Москвы и Новгорода, эти упоминания становятся все более и более частыми.

1428 г.— «...добыше челомъ Витовту, а даша съ себе окупу полъ девяти тысячи рублейъ Новгородцкихъ»...³

1432 г.— жалованная грамота Никольскому монастырю на Шексне: «А что нам давати Александру старцу Русану 30 рублей, 20 рублей новгородских, а 10 рублей ходячих».⁴

1431 г.— «И дал есьми на ней два рубля наугородского серебра».⁵

1440 г.— Купчая князя Дмитрия Юрьевича: «Дал есьми на них 300 рублей московским серебром их».⁶

¹ С. В. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 4, стр. 258.

² Акты исторические, доп. I. № 253, стр. 273, 1841.

³ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 170.

⁴ Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси, т. I, стр. 444, № 63.

⁵ А. Дебальский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. Вестн. археол. и истории, № XIII, стр. 133, № XXXIX, 1900 и вр. грамоты. Такое же упоминание см. стр. 157, № CXI; стр. 170—171, № CX, № VI; стр. 133, № XXXV, XXXVI. Те же белозерские грамоты во всей первой половине XV в. постоянно отличают рубль новгородский от рубля московского. А. Дебальский. Указ. соч., № XLII, XLIV, LXXXIX, XC, CIII, CXI, CXIVII, VIII, XIII, LXIII, CXV, CXIX. То же и в «Дополнениях к актам историческим», т. I, № 187, 1846 и т. д. Всего в одних только белозерских грамотах особый новгородский рубль упоминается в первой половине XV в. 14 раз.

⁶ Мейчик. Грамоты и другие акты XIV и XV в. московского архива, Мининдел, 1884.

1441 г.—Новгородцы «добыше челомъ великому князю Василию Васильевичу осмью тысячи рублевъ Новгородцкихъ». ⁷

1456 г.—«...За свою истому взять у нихъ князь великіи десять тысячъ рублевъ Новгородцкимъ серебромъ ихъ»... ¹

1449 г.—Тарханная грамота Троицко-Сергиевскому монастырю: «А даст в мою казну Великому князю Игумен с тех 3 году на год по полтора рубля московских на Рождество Христово». ²

Таким образом ясно, что различие между московским и новгородским рублем, возникшее еще в начале XIV в., с середины XV в. постоянно упоминается в источниках. Во второй половине XV в. эти упоминания продолжаются, и, кроме того, часто упоминается различие между московской и новгородской деньгой, что связано с катастрофическим падением веса московских денег при Василии Васильевиче.

Характерным является тот факт, что при описании внутримосковских или внутриновгородских событий различие между московским и новгородским рублем почти никогда не упоминается, но зато, как явствует из приведенных выше свидетельств, в пограничных областях, например в Белозерском крае, или при сношениях между Москвой и Новгородом (откуп новгородцев от московского великого князя и т. д.) это различие упоминается постоянно. Таким образом, письменные источники полностью подтверждают показания вещественных памятников о времени, месте и весе московского рубля, значение термина «рубль» и распространении его и на московский слиток в 97.5 г и на новгородский слиток в 195 г. Удельные русские монеты начали чеканить во второй половине XIV в. при великом князе Дмитрии Ивановиче Донском. Каково происхождение этих монет? Какая весовая или денежная система лежала в их основе?

Доказано выше, что перед началом чеканки удельных монет основной денежной единицей в низовских землях, где эти монеты и появились, был московский рубль, слиток серебра в 97.5 г веса.

Вес первых русских монет был абсолютно точно выверен Чижовым. ³ Для 26 экземпляров монет Дмитрия Донского он равняется 0.92 г. Этот же вес в 0.92 г как средний (нормальный) вес для древнейших русских монет подтверждается при взвешивании всех древнейших удельных монет, находящихся в собрании Московского исторического музея (в изд. 1896 г.) и государственного Эрмитажа.

Относительно количества денег, входящих в московский рубль, имеются совпадающие показания летописи и иностранцев — путешественников по Древней Руси.

Гваньини писал: «Рубль из московских денег имеет сто». ⁴

Тот же Заблоцкий говорит об известном указе Елены Глинской от 1535 г. о денежной реформе: «...По указу правительницы Елены ровно сто денег составляют рубль; в рубль Василия Темного, Иоанна III и Василия Иоанновича, также по положительному известию летописи, входило сто денег...» ⁵

Если считать упоминание Гваньини и летописи о стоденежном московском рубле правильным, а в правильности его нет никаких оснований сомневаться, то получается, что сто московских денег весили 92 г., а московский неклеяемый рубль, который и был их основой, весил 97.5 г. Расхождение в 5.5 г, принимая во внимание, что в обоих случаях берутся средние веса, не является допустимым. За разрешением этого противоречия

¹ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 192 и 211.

² Веселовский и Яковлев. Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII веков, т. I, 1929.

³ С. И. Чижов. Дроздовский клад русских денег, Л., 1921.

⁴ М. Заблоцкий. О ценностях в Древней Руси, стр. 58, СПб., 1854.

⁵ Там же, стр. 56.

необходимо обратиться к письменным источникам. Герберштейн¹ писал: «В Московии почти все золотых дел мастера чеканят монету, и если кто-нибудь приносит слитки чистого серебра и желает обменять на монету, и тогда они кладут на одну чашку весов серебро, а на другую — монету и уравнивают их весовую тяжесть. Установлена небольшая плата, которую, сверх равной тяжести, должно давать золотых дел мастерам, дешево продавшим свою работу».

Таким образом человек, получавший от мастера монету, должен был «сверх равной тяжести», т. е. не из подлежавшего чеканке серебра, оплатить мастеру его работу. Но Герберштейн писал о технике чеканки в первой половине XVI в. (1517—1526), когда давно уже (с середины XV в.) прекратили свое существование денежные слитки — рубли с определенным весом. Во второй половине XIV в., когда началась чеканка монет, денежные слитки — рубли имели самое широкое хождение и из них, конечно, чеканилась монета.

Естественно предположить, что тогда отрезалась часть слитка (что было особенно удобно, так как слиток имел определенный вес) на вознаграждение денежнику.

Кауфман² приводит извлечение из духовной грамоты Андрея Владимировича Серпуховского от 1410 г.: «А жене своей княжне Олене дал есмь свою треть тамги московские и восьминичье и пересуд и серебряное литье и все пошлыны московские». Кауфман делает из этой грамоты вполне обоснованный вывод о том, что серебряное литье надо связывать с налогами на чеканку монет и что «некоторый доход от чеканки монет князь получал, надо думать, уже с самого начала чеканки деньги».

В нескольких грамотах XIV и начала XV в. встречается особая княжеская пошлина — «резанка».

«А си вси пласты с землями с бортными и с поземь и с озеры и с бобры и с перевесы с резанками и с помочными и все пошлынами».³

1402 г. — «Бортными ужожаи и бобровыми ловы... и с поземь и с резанкою...»⁴

1389—1404 г. — «А белки, ни резанки, не имати князю Василию, но Митрополиту».⁵

Вполне вероятно, что резанка значила именно доход с чеканки монет — ту часть слитка, которая отрезывалась в вознаграждение денежнику. Если это так, то какова же была эта часть? Герберштейн о княжеских пошлинах говорит: «Со всякой вещи ценою в один рубль платится 7 денег».⁶

Вполне вероятно, что если со всякой вещи, подлежащей княжеской санкции стоимостью в один рубль, брался княжеский налог в семь денег, то он брался с самого рубля — за превращение его из безымянного серебряного слитка в монету с княжеской печатью. Но может быть это упоминание Герберштейна случайно, или неверно, или просто относится к XVI в.? Обратимся к отечественным письменным источникам. С конца XIV и по начало XVI в. существовала единая пошлина «тамга княжеская» («а тамги и всех пошлын от рубля алтын»).

1398 г. — договорная грамота Москвы с Тверью.⁷

1443 г. — договорная грамота Москвы с Рязанью.⁸

¹ С. Герберштейн. Записки о Московии, стр. 88, СПб., 1866.

² И. И. Кауфман. Русский рубль, стр. 31.

³ Жалованная грамота великого князя Олега Рязанского Богородицкому монастырю Срезневский. Древние памятники языка и письма, 1-е изд., стр. 262, 263.

⁴ Акты исторические, т. I, № 23, 1841.

⁵ Уставная грамота о церковных судах. Акты археограф. экспед., т. I, стр. 5, № 9, 1836.

⁶ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 93.

⁷ Акты археограф. экспед., т. I, стр. 10, № 14.

⁸ Собр. гос. грамот и договор., т. I, стр. 99, № 48.

1447 г.— договорная грамота Москвы с Рязанью.¹

1451 г.— договорная грамота Москвы с Тверью.²

1462 г.— договорная грамота Москвы с Тверью.³

1483 г.— договорная грамота Москвы с Рязанью.⁴

1484 г.— то же.⁵

1497 г.— Белозерская таможенная грамота.⁶

1521 г.— Дмитровская таможенная грамота.⁷

Таким образом письменные источники на протяжении всего существования удельных монет подтверждают свидетельства Герберштейна, несколько уточняя его, уменьшив на одну деньгу. Итак, с XIV по начало XVI в. пошлина за тамгу княжескую была «алтын с рубля».

Как доказано Орешниковым,⁸ на основании духовной грамоты Ивана III и других письменных источников, серебряных дел мастера, «весцы и ливцы», брали у московского князя на откуп право чеканки монеты. Они, разумеется, брали на откуп не самый процесс чеканки, так как лично князь монет не чеканил, а право чеканки на монете печати «тамги княжеской» — имени князя, которое есть на всех удельных монетах, и право получения вознаграждения за это. Это вознаграждение, по приведенным выше письменным источникам, было «алтын с рубля». Алтын, как известно из свидетельства Герберштейна («шесть денег составляют алтын»)⁹ и по другим показаниям, равнялся шести деньгам.

Средний (нормальный) вес серебряного московского неклеяменого рубля середины XIV в.— времени начала чеканки русских монет — равнялся 97,5 г. Средний (нормальный) вес первых русских удельных монет равен 0,92 г., а ста монет (денег) — 92 г.

В алтыне шесть денег по 0,92 г каждая, или 5,52 г. Прибавим к весу ста денег московского монетного рубля вес вознаграждения за его чеканку и получим $92 \text{ г} + 5,52 \text{ г} = 97,52 \text{ г}$, или точный вес московского рубля — слитка. Таким образом можно считать доказанным, что московская монетная система произошла из московского рубля — слитка, и основная единица этой системы — счетный монетный рубль — состояла из ста денег. Если доказательство это верно, то московский клейменный рубль — слиток, синхронный монетному счетному, должен был понизиться в весе и весить 92 г. И действительно, средний вес клейменных рублей, вычисленный еще Булычевым и проверенный на всех изданных Ильиным клейменных рублях, равен 92 г.

Кроме того, еще Булычев отметил, что «на всех наших экземплярах плоскость отруба... не перпендикулярна оси слитка, а несколько отклонена к его концу; поэтому, если соединить вместе два слитка, то получается между ними клинообразная пустота, т. е. не хватает куска серебра. Так как подобный факт не случайный, а постоянный, то является вопрос, не взималась ли известная пошлина натурою за клеймение слитка».¹⁰

Правильно поставленный Булычевым, этот вопрос можно считать разрешенным, а размер пошлины определенным. Если это понижение в весе при превращении в клейменный рубль стало закономерным в московских землях, то оно, естественно, для паритета, должно было вызвать и соответ-

¹ То же, стр. 45, 46, № 65.

² То же, стр. 173, № 76, стр. 176, № 77.

³ То же, стр. 211, № 88, стр. 214, № 89.

⁴ То же, стр. 283, № 115.

⁵ То же, стр. 298, № 120.

⁶ Акты археограф. экспед., т. I, стр. 138 и 139, № 134.

⁷ То же, стр. 138, 139, № 170.

⁸ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896.

⁹ Указ. соч., стр. 98.

¹⁰ Н. И. Булычев. Указ. соч., стр. 150.

ствующее понижение веса новгородского рубля в 195 г. Московский монетный рубль (и слиток, и счетный) весил 92 г. Новгородский рубль был равен двум московским, и следовательно, в конце XIV и начале XV вв. его вес должен был понизиться с 195 до 184 г.

Жильбер де Ланнуа, посетивший Новгород в 1409 г., писал: «Монета новгородская состоит из слитка серебра, весом около 6 унций, без штемпеля».¹

В старинной французской унции, на которую считал де Ланнуа, было 30.594 г. Умножив 6 унций на 30.594 г., получаем вес новгородского рубля начала XV в. равным 183.564 г, т. е. почти абсолютно точно, с точностью до 4.5 дг, вес 184 г, т. е. тот вес, который он и должен был иметь фактически.

Таким образом анализ метрологических данных и письменных источников приводит к выводу о том, что московская монетная система произошла из московского рубля — слитка и московский счетный рубль состоял из ста денег.

Основная денежная единица Древней Руси с XII в. до начала чеканки удельных русских монет

Дата	Название денежной единицы	Вид денежной единицы	Средний (нормальный) вес	Ареал
IX—начало XIV в.	Гривна	Денежная гривна—слиток серебра	Постепенное падение веса с 204.756 г (48 зол.) до 195 г в XIV в.	Вся территория Древней Руси
XIV в.	— Рубль	Неклейменный слиток серебра	97.5 г	Москва, Тверь и другие «низовские» земли
XIV в.	Рубль (гривна)	Неклейменный слиток серебра	195 г (с конца XIV в. 184 г)	Новгород и новгородские земли
Вторая половина XIV — начало XV в.	Начало чеканки русских удельных монет в Московском великом княжестве			
	Рубль	Клейменный слиток серебра и счетный рубль из 100 денег весом по 0.92 г каждая	92 г (97.5 г минус 5.5 г «резанки» — вознаграждения денежнику за чеканку и клеймение)	Москва и другие «низовские» земли

¹ И. И. Кауфман. Русский рубль, стр. 18.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. С. АКИМОВА

БАЛАНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

(Предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.)

Раскопки Балановского могильника в 1940 г. (рис. 35) явились прямым продолжением раскопок предыдущих лет в Чувашской АССР, проводившихся Институтом антропологии Московского университета под руководством О. Н. Бадера.¹

Раскопками 1940 г. была вскрыта площадь в 420 кв. м и обнаружено 20 погребений в 15 могилах.² За 5 лет археологических исследований была изучена площадь в 2200 кв. м; на ней открыто 106 погребений в 67 могилах.

Непосредственно под почвенным слоем или несколько глубже могильные пятна выделялись на светлом фоне более темной окраской и имели неправильные расплывчатые очертания (рис. 36). Только в одном случае (могила № 67) пятно по форме приближалось к овалу. При дальнейших раскопках вокруг могильного пятна вырисовывался контур могильной ямы, обычно четырехугольный, с закругленными углами. Этот контур обозначался темной полоской шириной в 1—2 см и, вероятно, представлял собой остатки могильного сооружения. Пятно, по отношению к выявленному контуру могилы, занимало среднюю часть или находилось ближе к одной из его сторон. Внутри контура могила заполнена мелко перемешанной, пестрой темносерой породой. При постепенном углублении темное пятно обычно уменьшалось в своих размерах и, наконец, совсем исчезало. Наоборот, контуры могилы, как правило, сохраняли свои очертания на всю ее глубину.

Возникает вопрос, что представляют собой эти темные пятна. Вряд ли можно считать их провалом могилы, как полагает О. Н. Бадер.³ Если бы это было так, они обнаруживались бы на одном уровне с контурами могил и продолжались бы до самого дна. Здесь же только в двух случаях пятно было обнаружено вместе с контурами могилы, в остальных оно, как правило, вырисовывалось раньше. Особенно ясно появление и исчезновение пятна прослеживается в могиле № 65, где оно отмечено на глубине 0.35 м, а

¹ О. Н. Бадер. Археологические исследования Центрального Чувашского музея. Сов. музей, № 5, 1937. Его же. Древнейший могильник в Чувашской АССР. Наука и жизнь, № 4, 1935. Его же. Могильник в урочище «Карабай» близ д. Баланово в Чувашии. СА, т. VI, 1940.

² Материал хранится в Музее антропологии Московского университета.

³ О. Н. Бадер. Балановский могильник по раскопкам 1936 и 1937 гг. (рукопись).

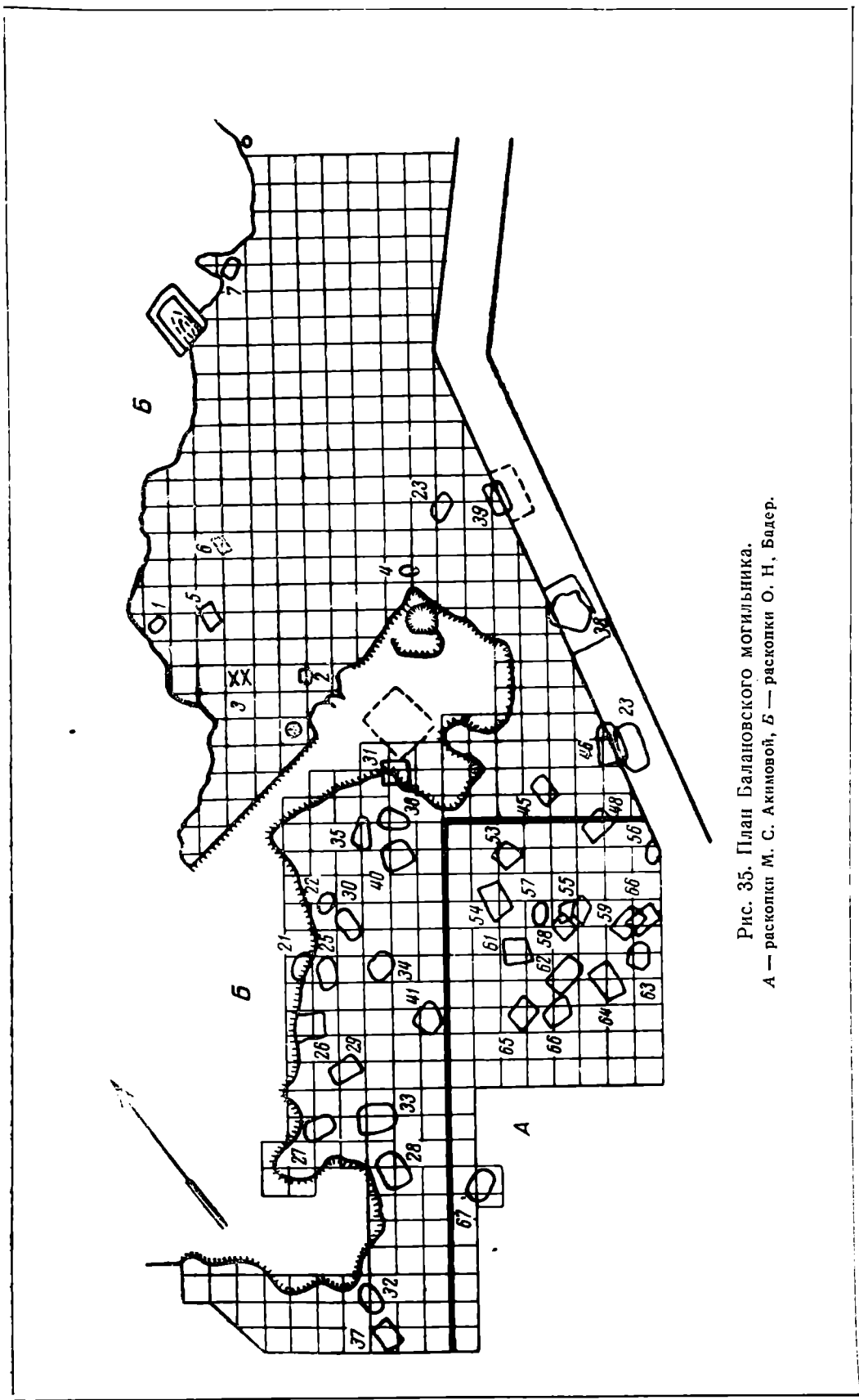

Рис. 35. План Балазовского могильника.
 А — раскопки М. С. Акимовой, Б — раскопки О. Н. Вадер.

контур могилы обрисовался на глубине 0.55 м, причем в дальнейшем пятно исчезло на глубине около 1 м, тогда как общая глубина могилы равнялась 1.40 м. Сходная картина наблюдалась в могиле № 58, где пятно наблюдалось на глубине от 0.35 м до 0.80 м, а контуры обрисовались на 0.80 м, при общей глубине могилы 1.10 м. Только в могиле № 53 темное пятно доходило почти до самого дна. Возможно, что эти пятна представляли собой тлен какого-то предмета, который клался в могилу таким образом, что верхний край выступал над ее уровнем. Об этом свидетельствует уже отмеченный факт более раннего появления темного пятна по сравнению с контурами могилы.

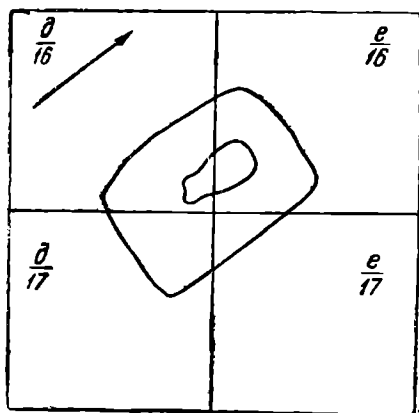

Рис. 36. Балановский могильник, могила № 54.

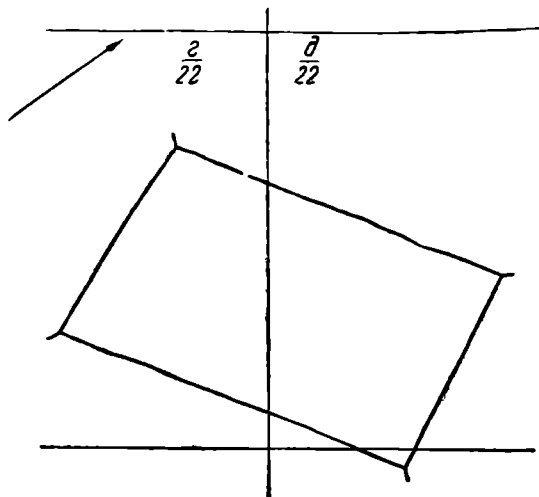

Рис. 37. Балановский могильник, могила № 60.

Любопытным является и то, что в неглубоких могилах (менее 1 м), которые по найденному инвентарю можно считать детскими, пятен ни в одном случае не обнаружено. Здесь при снятии земли сразу же появлялись расплывчатые очертания всей могилы. Наоборот, в неглубокой могиле (0.95 м), в которой оказался скелет женщины, темное пятно наблюдалось, хотя оно не имело четких границ. Повидимому, в детские могилы ритуальный предмет не клался. Что представлял собою этот предмет, сказать сейчас трудно.

Могильные сооружения, как уже указывалось выше, вырисовывались в виде тонкой темной полоски, очерчивающей контуры прямоугольной ямы с округлыми углами. Контуры могилы № 60 (рис. 37) приближались по форме почти к правильному прямоугольнику, от углов которого отходили темные полоски такой же толщины, как и контуры могильного сооружения, причем эти полоски не являлись продолжением какой-нибудь из сторон могильного сооружения. Возможно предположить, что это были ручки. Это тем более вероятно, что полоски тянутся не по всей высоте могильного сооружения, а появляются только у дна.

Что представляло собой могильное сооружение? О. Н. Бадер относит его к «плетенкам». ¹ Такая мысль возникает в связи с округлыми очертаниями могильных контуров. Однако ей противоречит значительная толщина темных полосок, остающихся от этих сооружений. Плетенка из прутьев вряд ли оставила бы подобный след. Кроме того, в могиле № 54 удалось собрать несколько кусочков еще не совсем истлевшего дерева, что позволяет предположить, что сруб могильного сооружения делался из досок.

¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник по раскопкам 1936 и 1937 гг. (рукопись).

Кости скелетов сохранились не во всех могилах. В четырех могилах из пятнадцати, раскопанных в 1940 г., от костей не осталось никаких следов, в пяти могилах скелеты представлены или в виде отдельных фрагментов, костей, или в виде тлена; в остальных погребения оказались хорошей сохранности. Все скелеты лежали в скорченном положении. Наблюдается определенная закономерность в положении скелетов: мужские лежат на спине, несколько повернуты направо, головой ориентированы на юго-запад; женские скелеты лежат на левом боку, головой обращены в одном случае на восток, в другом — на запад.¹ Из двух детских

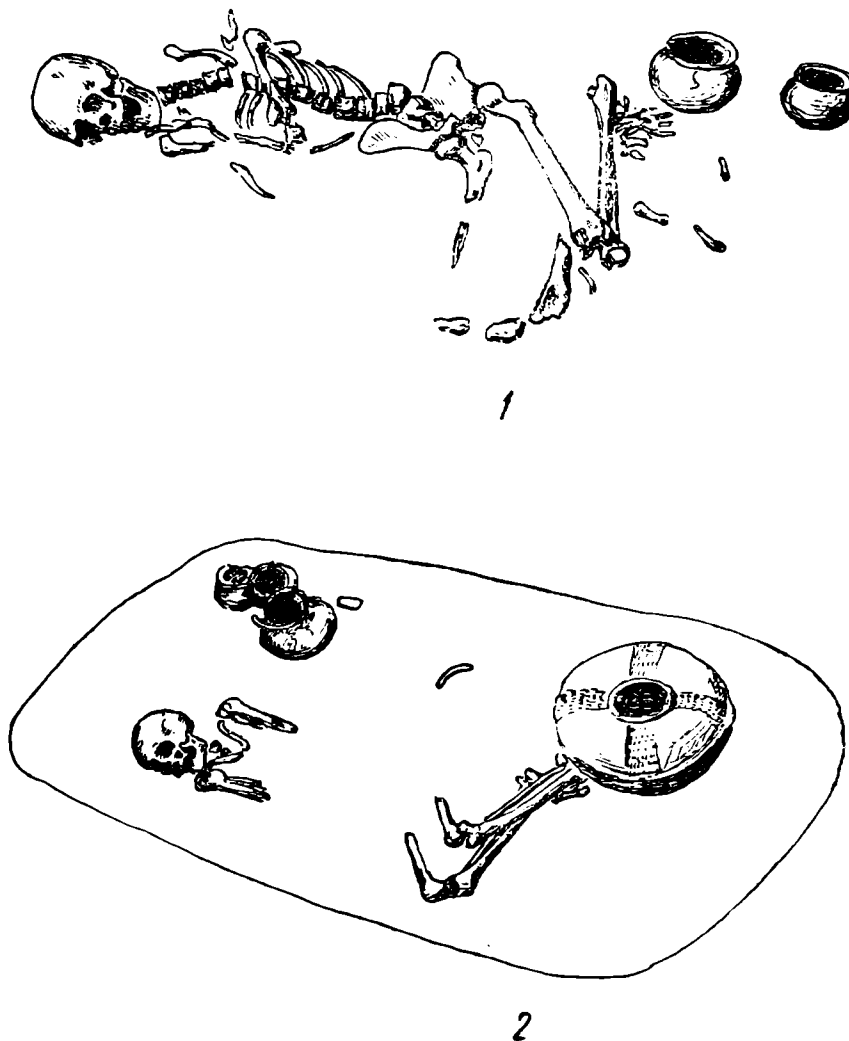

Рис. 38. Балановский могильник.
1 — могила № 66; 2 — могила № 62.

погребений одно было в скорченном положении, на левом боку, с головой на юго-запад. Сохранившийся череп от другого детского погребения лежал на правой стороне.

Кроме одиночных погребений, в могиле № 61 было обнаружено коллективное захоронение, что не является редкостью в Балановском могильнике. На дне могилы лежали четыре скелета: один — женщины, другой —

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. Наст. выпуск Кр. сообщ., стр. 22—33.

ребенка 8—9 лет, третий и четвертый также детей 2—3 лет. Положение скелетов нельзя было определить, так как все кости находились в беспорядке, повидимому вследствие работы грызунов.

Погребальный инвентарь довольно однообразен. Наиболее многочисленную группу его составляет керамика. В двадцати погребениях найдено 47 сосудов. Как правило, сосуды ставились у ног и головы. Только в могиле № 62, при женском погребении, сосуды были за спиной (рис. 38, 2). Расстановка сосудов у ног и головы отмечена и Д. А. Крайновым в Вауловском могильнике.¹

Все сосуды сделаны из хорошо отмученной глины с незначительной примесью мелкого песка. Наружная поверхность — лощеная или хорошо сглажена, имеет светлосерый или коричневый цвет, внутренняя — обычно темного цвета. На большинстве сосудов она также хорошо сглажена, но на некоторых видны следы спаев. На больших сосудах заметны следы заглаживания травой, в виде тонких бороздок, идущих по окружности сосуда. В разломе сосуды имеют два слоя: наружный — желтый или красный, внутренний — черный. Большая часть сосудов отличается правильностью форм, но некоторые, в особенности небольших размеров, выполнены очень небрежно, с бугорчатой поверхностью и неровным краем шейки.

Чаще сосуды по своей величине относятся к малым и средним. Высота их варьирует от 2 до 12 см, внутренний диаметр туловища — от 2 до 15 см, диаметр шейки — от 3 до 13 см. Четыре сосуда — большой величины, диаметр одного из них составляет 40 см. Толщина стенок варьирует между 3 и 10 мм и почти не зависит от величины сосуда. Обычно у дна и горла стенка толще, посередине — тоньше.

По форме сосуды можно подразделить на три группы, характерные для фатьяновской культуры. К первой группе относится 10 сосудов, не имеющих вовсе шейки или с очень слабо выраженной шейкой (рис. 39, 10). Последняя обычно очень массивна. Сосуды этой группы различны по величине, имеют узкое горло, шаровидную форму тела, несколько уплощены сверху. Ко второй группе относятся 34 сосуда с хорошо выраженной шейкой и шаровидным телом (рис. 39, 1, 3, 9). Шейка или прямая, или расширяется кверху с отогнутым наружу венчиком. Высота шейки колеблется в пределах 10—36 мм. На большинстве сосудов шейка резко отделена от плечика, причем на границе между ними имеется довольно глубоко прочерченная бороздка. На некоторых же сосудах шейка плавно переходит в плечико. К третьей группе относится одна круглодонная чашка, найденная в детском погребении.

Особняком стоит небольшой сосуд, найденный при детском погребении в могиле № 61 (рис. 39, 6). Он отличается от других плоским дном и баночной формой, несколько расширяющейся кверху. Сосуд сделан очень небрежно, имеет неровную поверхность. Обжиг — низкого качества. Внутренняя поверхность до половины имеет серовато-красный цвет, нижняя же часть и дно окрашены в черный цвет. Орнамента нет. Размеры сосуда: высота — 5.1 см, диаметр верхней части — 7.4 см, диаметр дна — 5.2. Дно отделено от стенки прочерченной бороздой. Большая часть сосудов орнаментирована. Из 47 сосудов не имеют орнамента 9. Из них 4 сосуда относятся к первой группе, 3 — ко второй. Неорнаментированным оказался единственный чашевидный сосуд, относящийся к третьей группе, а также сосуд баночной формы. Орнаментом покрыты шейка и верхняя часть тела, иногда он имеется и вокруг ямки дна. На некоторых сосудах узор спускается ниже середины, покрывая две трети высоты сосуда.

Основные элементы орнамента: зубчатый штамп, штриховой и линейный нарез. Зубчатый штамп — различной величины, преобладает прямо-

¹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, М., 1941.

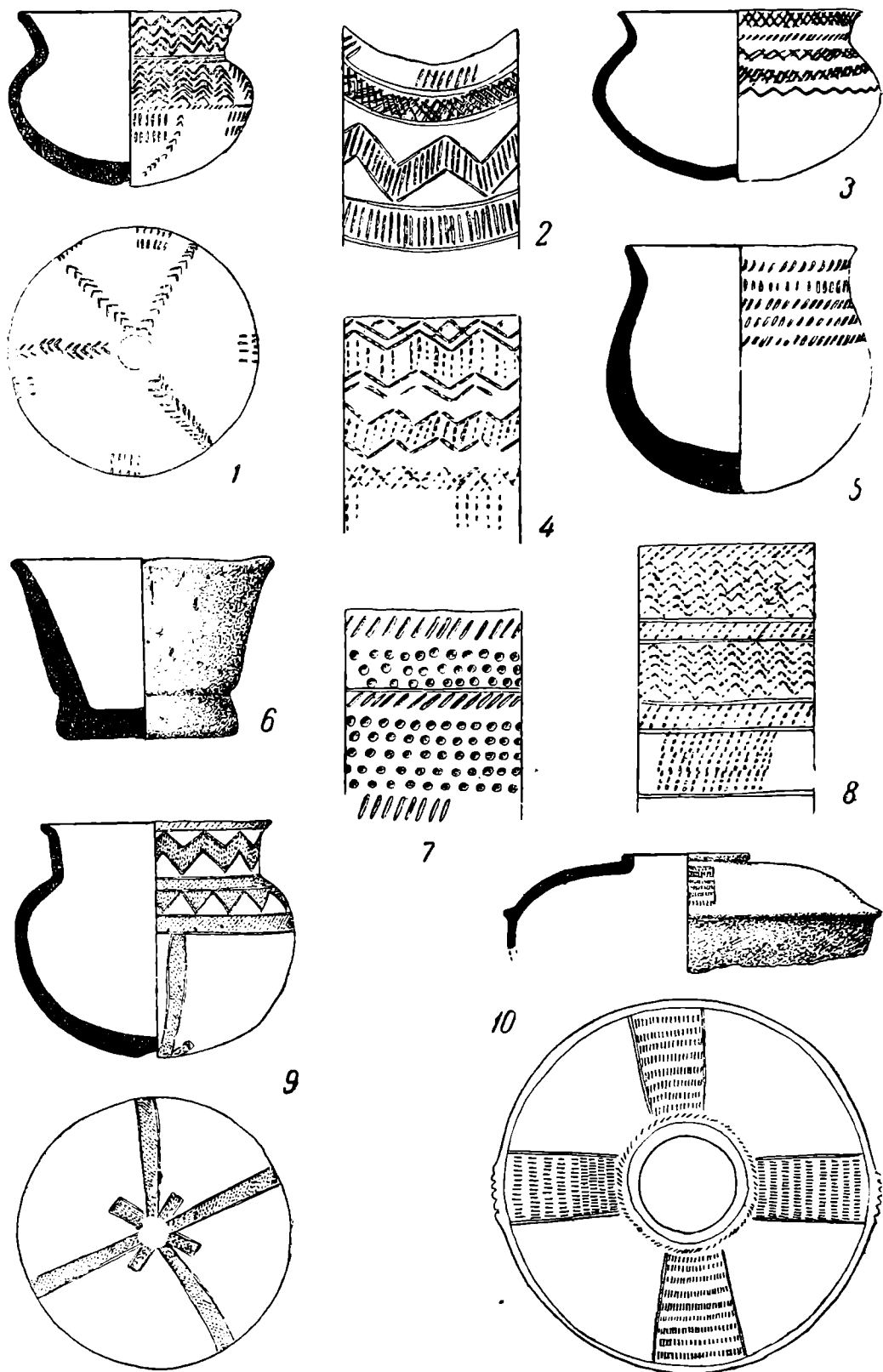

Рис. 39. Балановский могильник.

форма сосудов и образцы орнамента, 1 — из могилы 67; 2, 6, 9 — из могилы 61; 3 — из могилы 56; 4 — из могилы 58; 5 — из могилы 57; 7 — из могилы 62; 8 — из могилы 64; 10 — из могилы 60.

угольная форма. Штриховый нарез встречается тонкий и широкий. На одном сосуде (рис. 39, 7) орнамент — в виде ямок, нанесенных круглым чеканом. На сосуде из могилы № 60 посредством сдвига зубчатого штампа образованы ромбовидные ямки.

На большинство сосудов орнамент нанесен с большой тщательностью и отличается изяществом, но на некоторых он выполнен очень небрежно. Чаще всего это наблюдается на маленьких сосудах, которые и сами сделаны плохо.

В орнаментальных мотивах преобладают зигзаг и полосы из прямых или косых штрихов и линий. Довольно часто встречается узор из перекрещивающихся линий (рис. 39, 3), образующих небольшие ромбики. На сосуде из могилы № 65 узор состоит из прочерченных коротких линий, расположенных в виде елочки. На двух сосудах в узоре преобладает ромб, нанесенный зубчатым штампом. Треугольник встречается только на одном сосуде (рис. 39, 9). На всех сосудах орнамент расположен по окружности опоясывающими полосами, причем в большинстве случаев полосы имеют различный узор.

Особый интерес представляет сосуд из могилы № 61 (рис. 39, 9). Весь орнамент нанесен мелким зубчатым штампом и образует сложный узор из следующих полос: по венчику идет ряд косых мелкозубчатых штампов, по шейке — зигзагообразная полоса шириной в 1,1 см, зашплененная зубчатыми нарезками. Сверху и снизу она ограничена прочерченной бороздкой. По плечу идет полоса из косых же, но более длинных, чем на венчике, мелкозубчатых штампов. Затем снова прочерченная бороздка, в которую упираются основаниями треугольнички, следующей полосы. Вершины этих треугольничков соприкасаются внизу с полосой, аналогичной предыдущей.

Ниже основного пояса орнамента, примерно на одинаковом расстоянии, спускаются к ямке дна четыре полосы шириной в 1 см, состоящие из косых зубчатых нарезок, идущих в направлении, противоположном основному орнаментальному поясу. Подобные же полосы, спускающиеся от основного пояса орнамента к ямке дна, имеются на сосуде из могилы № 65 (рис. 39, 7). Здесь эти полосы состоят из нарезных штрихов, расположенных в виде елочки. На сосуде из могилы № 61 полосы состоят из различных орнаментальных элементов. Здесь имеет место чередование полос из прочерченных линий, расположенных в виде зигзага, с полосами, состоящими из перекрещивающихся и косо направленных зубчатых нарезок.

На многих сосудах ниже от сновного пояса орнамента, покрывающего шейку и плечико, идут фигуры, спускающиеся лопастями (рис. 39, 8). Обычно одна и та же фигура повторяется по окружности сосуда несколько раз через равные промежутки. Фигуры образованы нарезными линиями или несколькими рядами зубчатого штампа.

На некоторых сосудах имеется орнамент вокруг ямки дна (рис. 40, 5).

Несколько своеобразно расположение орнамента на двух больших сосудах. На каждом из них узор в виде четырех полос спускается от горла до середины тела. Каждая полоса на сосуде из могилы № 60 (рис. 39, 10) состоит из 9 рядов зубчатых нарезок, нанесенных крупнозубчатым штампом. При нанесении узора штамп сильно надавливался на стенку сосуда, вследствие чего границы между зубчиками получались нечеткими. По середине тела, на уровне, где кончаются орнаментальные полосы, вокруг сосуда идет наклепной валик, на котором в двух местах на противоположных сторонах имеется по пяти углублений овальной формы. На сосуде из могилы № 62 орнаментальные полосы состоят из нескольких рядов нарезных коротких линий. Посередине сосуда также имеется наклепной валик.

Из глиняных изделий, кроме сосудов, в могилах № 53 и 63 при детских погребениях найдены глиняные ложечки (рис. 40, 1—2, 7—8), обнаружен-

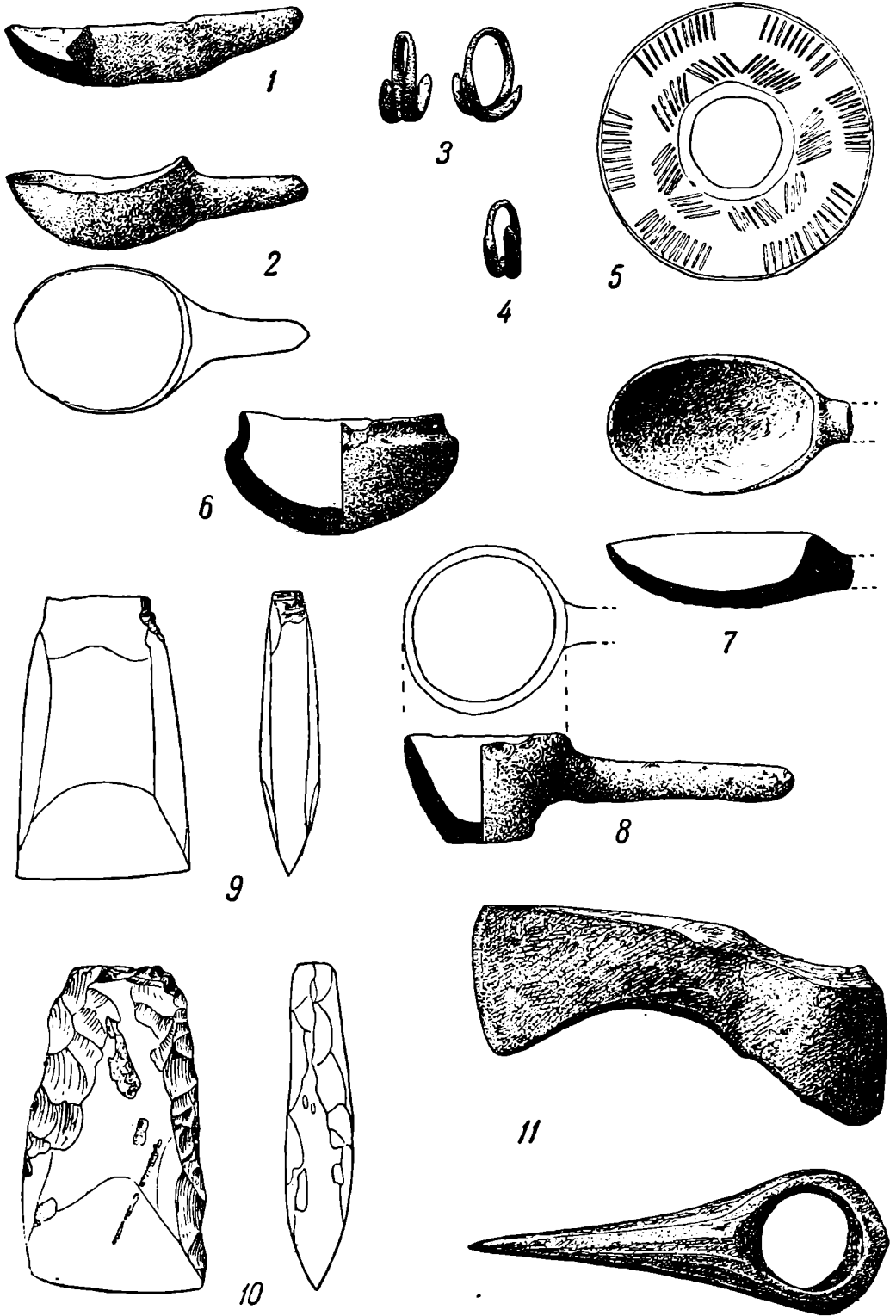

Рис. 40. Балановский могильник.

1-2 — ложки из могилы 53; 3-4 — подвески из могилы 63 и 64; 5 — дно сосуда из могилы 60; 6 — сосуд из могилы 53; 7-8 — ложки из могилы 63; 9 — клиновидный топорик из могилы 54; 10 — клиновидный топорик из могилы 62; 11 — бронзовый топор из могилы 62.

ные в Балановском могильнике впервые. В могиле № 53 обе ложки лежали в сосуде. Одна из них целая, другая — в виде фрагментов. Обе ложки сделаны довольно небрежно, имеют неровную поверхность. Снаружи глина, из которой вылеплена одна из ложек, серая, а у другой — серовато-черная. Размеры ложек: длина — 9.6 и 6.5 см, ширина, соответственно, 4.5 и 2.8 см. В могиле № 63 также найдено 2 ложки (рис. 40, 7—8). Эти ложки сделаны более тщательно и имеют лучший обжиг. Одна — овальной формы, другая по форме напоминает вышеописанный плоскодонный сосуд, только меньших размеров и несколько более расширяющийся кверху. Аналогичные ложки известны по Горкинскому могильнику из раскопок О. А. Граковой.¹ Размеры первой ложки: длина без ручки (ручка утеряна) — 6.2 см, ширина — 3.9 см. Размеры второй: длина с ручкой — 11 см, длина без ручки — 4.6 см, ширина — 4.8 см, высота — 3.0 см.

Кремень представлен двумя клиновидными топориками, одной ножевидной пластинкой и несколькими отщепами. Оба топорика (рис. 40, 9—10) обнаружены при мужских погребениях в могилах № 54 и 62, причем в первой — у ног, около сосуда, во второй — тоже около сосудов, но у головы. Топорик из могилы № 54 сделан из темнокрасного кремня, тщательно отшлифован по всей поверхности. Боковые поверхности имеют по три грани, сходящиеся у лезвия. На обухе, на боковых гранях, имеются шерстинки, повидимому для закрепления в рукоятку. Размеры: длина — 5.4 см, ширина лезвия — 3.4 см, толщина в середине — 2.1 см. Вторым клиновидный топорик (рис. 40, 10) сделан из красного кремня, имеет несколько большие размеры, обработан довольно грубо. Шлифовку имеет только рабочий край, на остальной поверхности заметны следы первоначальных сколов. Размеры: длина — 6.2 см, ширина — лезвия — 3.4 см, толщина в середине — 1.3 см. Рабочий край на обоих топориках не имеет следов работы.

Немногочисленную группу предметов составляют изделия из бронзы. Найдены следующие предметы: вислобушный топор, височные подвески и 2 четырехгранных шила. Топор с вислым обухом (рис. 40, 11) обычного для фатьяновской культуры типа. На передней и задней поверхности имеются по три слабо выраженных грани, сходящиеся к лезвию на-нет. Лезвие книзу расширено. По вершине обуха идет ребро. На лезвиях следов работы нет. Размеры топора: длина — 12.2 см, ширина лезвия — 4.2 см.

Бронзовые подвески найдены в 5 могилах: в трех из них при детских погребениях, в одной — при женском и в одной — при неизвестном погребении.

Привески (рис. 40, 3—4) представляют собой спирально завитые кольца в полтора оборота. Сделаны они из узких бронзовых пластиночек, расширяющихся к концам.

Бронзовые четырехгранные шилья найдены в могилах: № 60 при женском погребении и № 62 — при мужском. Одно из них имеет длину 1.8 см, обломано; первоначальная длина была несколько больше.

В целом, инвентарь, обнаруженный в Балановском могильнике в 1940 г., мало отличается от материала из раскопок предыдущих лет. Новым являются впервые найденные в погребениях глиняные ложки и плоскодонный сосуд баночной формы. Из ложек, как уже указывалось, особого внимания заслуживает одна — из могилы № 63 (рис. 40, 8). Она по форме очень близка к упомянутому сосуду, только меньших размеров. И сосуд, и ложка находят себе аналогию в сосудах баночной формы срубной культуры.² Это обстоятельство позволяет предполагать наличие связи между населением, оставившим Балановский могильник, и населением срубной культуры.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. Тр. ГИМ, вып. VIII, М., 1938.

² В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, т. 7.

Весь остальной инвентарь несомненно относится к фатьяновской культуре, характеризуя, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, ее более поздний этап, с чем можно согласиться. Следует отметить, что в Баланове наряду с сосудами, относящимися к позднему этапу фатьяновской культуры, встречаются сосуды (рис. 39, 5) архаической формы. Они имеют небольшие размеры, несколько вытянуты, шейка плавно переходит в плечико. Орнамент в виде штрихов нанесен довольно небрежно. Эта форма сосудов характерна, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, для более раннего этапа фатьяновской культуры, к которому относятся могильники московской группы.

Размер и ориентировка могил Балановского могильника по раскопкам 1940 г.

№ могил	Длина	Ширина	Глубина	Ориентировка
53	1.70	1.30	1.10	ССЗ — ЮЮВ
54	2.00	1.40	1.70	С — Ю
55	1.50	1.10	0.75	ВСВ — ЗЮЗ
56	—	—	0.95	—
57	—	—	0.75	—
58	—	—	1.10	В — З
59	—	—	0.80	З — В
60	1.80	1.10	1.65	ВСВ — ЗЮЗ
61	2.10	2.00	1.10	ЗСЗ — ВЮВ
62	3.00	2.20	2.00	З — В
63	—	1.10	0.90	ВСВ — ЗЮЗ
64	2.50	1.60	1.39	С — Ю
65	2.00	1.40	1.40	З — В
66	2.60	2.00	1.80	З — В
67	2.00	1.40	0.95	ВСВ — ЗЮЗ

Т. М. МИНАЕВА

МОГИЛА БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ В г. ВОРОШИЛОВСКЕ

(Раскопки 1940 г.)

В 1940 г. в г. Ворошиловске, на ул. Молотова, при постройке Химико-бактериологического института, в обрезах оврага был найден каменный шлифованный молоток и возле него кости.

Овраг, молодой по возрасту, глубиной метров 10—12, идет от ул. Молотова перпендикулярно к небольшой речке Мутнянке. По дну его течет грязный ручеек. Стенки оврага очень крутые, а в том участке, где располагается могила, — почти отвесные. По ту и другую стороны оврага сползают значительные участки берега, то сдвигаясь с поверхности вниз крупными кусками и сохраняясь внизу в виде площадок, то при сдвиге распадаясь на мелкие части. Над могилой не отмечается не только насыпи, но даже сколько-нибудь заметного возвышения почвы: край оврага шел совершенно ровной линией. Не обнаружено признаков насыпи и по поверхности берега оврага, и не заметно было, что насыпь эта разрушилась от времени.

Могила расположена в 30—40 метрах от устья оврага, по левую его сторону. Берег оврага в этом месте дал уже большую трещину, так что в ближайшее время могила должна была бы целиком обрушиться.

Благодаря содействию руководителей постройки могила была тогда же раскопана.

В сохранившейся своей части могила имела длину 3 м, ширину 1.1 м и глубину 1.15 м. В насыпи могилы, в центре ее, на глубине 0.95 м, найден бараний альчик. На дне лежал костяк головою на запад в скорченном положении (рис. 41). Правая рука была сильно согнута в локте, так что кисть ее приходилась у нижней челюсти, левая лежала кистью на локтевом сочленении правой. Ноги были согнуты в коленях. Левое плечо под давлением земли было отодвинуто; нижняя челюсть — на правом плече. Кости в нескольких местах треснули поперек. Череп раздавлен, и часть его упала в овраг.

Возле черепа, с левой стороны, лежал молоток (рис. 42, 5), а немного ниже — точильный брусок (рис. 42, 4). Близ пальцев левой руки, под нижней челюстью, — кремневое орудие (рис. 42). На грудных позвонках — медный ножичек (рис. 42, 1). У головки правого бедра — костяной наконечник стрелы (рис. 42, 3). Судя по положению стрелы, можно предположить, что погребенный был убит этим орудием.

Даем описание отдельных вещей.

1. Каменный (из диорита) шлифованный молоток цилиндрической формы. Длина — 10.5 см; диаметр — 4.5 см. В центре молотка сверлина с одной стороны, 2.1 см диаметром, с противоположной — 1.5 см. С этой

стороны контур орудия дает еле уловимый глазом изгиб — выпуклость линии, что, без сомнения, предназначалось для того, чтобы при ударе орудие, надетое на рукоять той стороной, где сверлина большего диаметра, производило наибольший эффект. На стенках сверлины заметны круговые параллельные краю рубчики, имеющие вид винтовой нарезки, которые чувствуются и наощупь. Концы молотка носят следы некоторой изношенности; по краям их имеются даже небольшие отколы камня (рис. 42, 4).

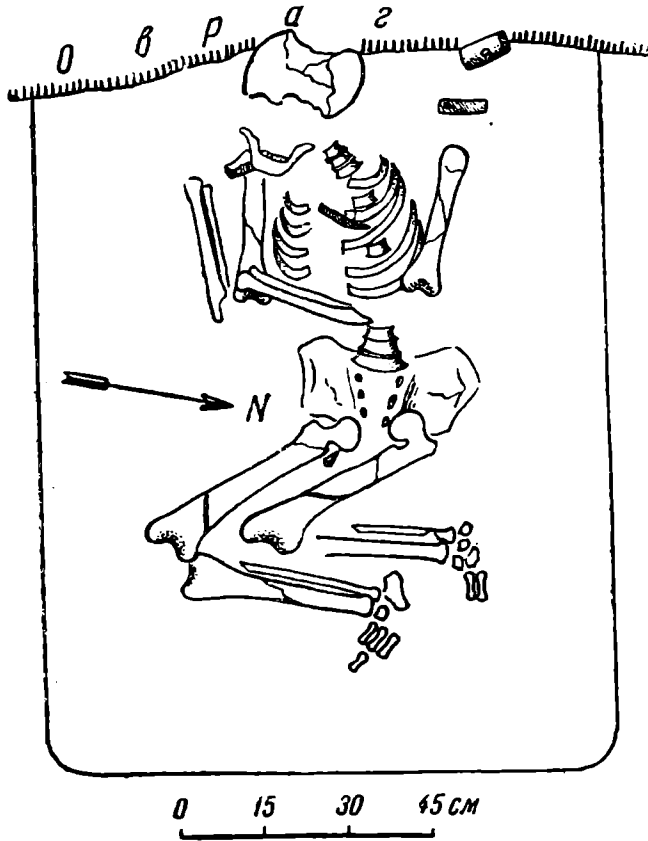

Рис. 41. Погребение эпохи бронзы, открытое в г. Ворошиловске.

2. Точильный брусок из песчаника в виде лопаточки с утоньшенными концами. Длина его — 13 см, ширина — 3.3 см, толщина — 1.2 см, толщина концов — 0.4 см. В одном из концов — воронкообразная сверлина диаметром 1.3 см по верхнему краю. Поверхности точила в некоторых местах отслоились. Края сверлины сильно отшлифованы, видимо в результате ношения орудия (рис. 42, 4).

3. Кремневое орудие. Изготовлено из куска блестящего кремня желтого цвета. С одной стороны орудие имеет грани, с противоположной — гладкую вогнутую поверхность. На ограненной лицевой стороне сохранилась кремневая корка, тоже желтого цвета, но более густой окраски. Тонкий конец орудия имеет ретушь (рис. 42, 1).

4. Медный однолезвийный ножичек. Лезвие слегка изогнуто (рис. 42, 2).

5. Костяной наконечник стрелы в форме четырехгранной пирамидки. Самое острие не совсем правильно заточено или же сломано впоследствии.

Глубина втулки достигает до половины длины наконечника. С одной стороны кость частично разрушилась (рис. 42. 3).

В составе инвентаря этого погребения несколько непонятным является наличие точильного бруска как предмета, необходимого прежде всего для

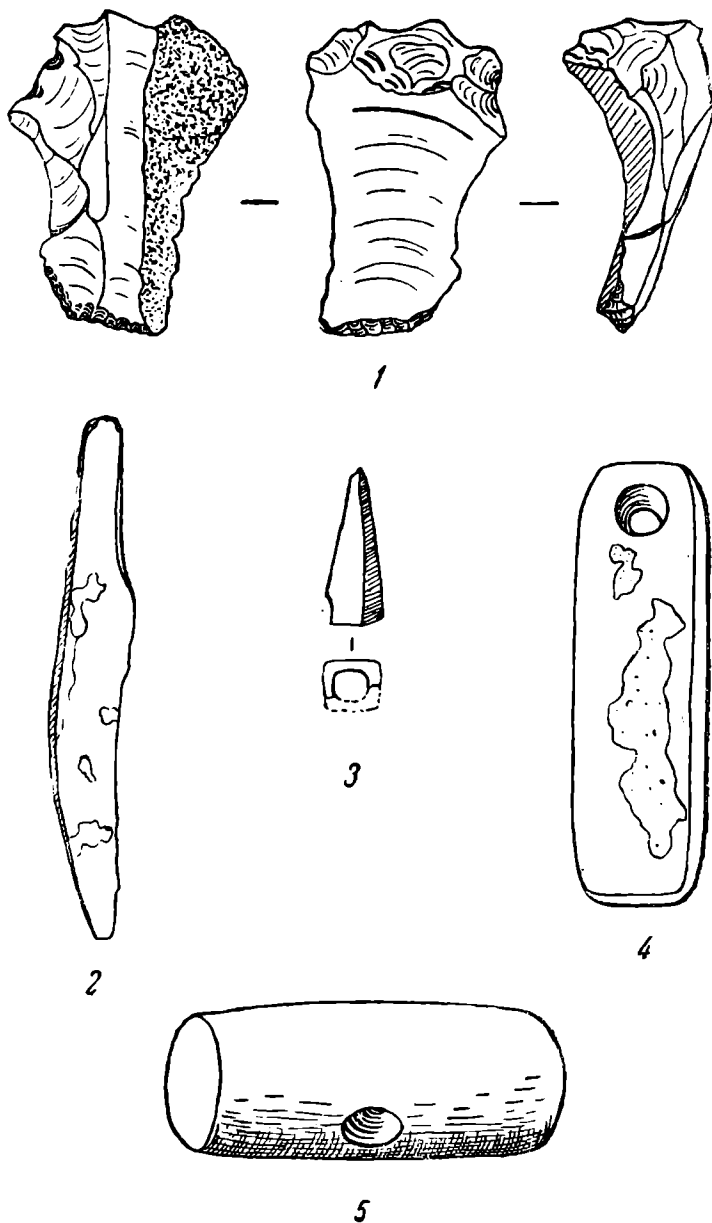

Рис. 42. Инвентарь погребения эпохи бронзы, открытого в г. Ворошиловске.

1 — кремневое орудие; 2 — медный ножичек; 3 — костяной наконечник стрелы; 4 — точильный брусок; 5 — молоток.

металлических орудий. В данном погребении подобные орудия представлены только медным ножичком, и, казалось бы, точильный брусок не был предметом уж столь необходимым для погребенного. Быть может, он указывает на широкое бытование металлических орудий, которые, однако, не положили в могилу, предпочитая положить точильный брусок как символ этих орудий и предмет более дешевый.

Значение и ценность описанной могилы усугубляется тем, что на территории предкавказских степей мало, вернее почти не исследованы, памятники эпохи бронзы. Производившиеся здесь раскопки были невелики по своим размерам. Раскопки проф. Н. И. Веселовского в 1910 г. в с. Александрии Благодарненского уезда Ставропольской губ., в сс. Орехове, Высоцком и близ с. Старо-Марьевского дали несколько могил, в которых костяки лежали на спине головою на восток и при них «темнобурая» краска. Из вещей в могиле в с. Александрии оказался медный наконечник копья, в с. Высоцком, во втором кургане, на груди костяка — костяная игла, а в ногах — два глиняных горшка.¹

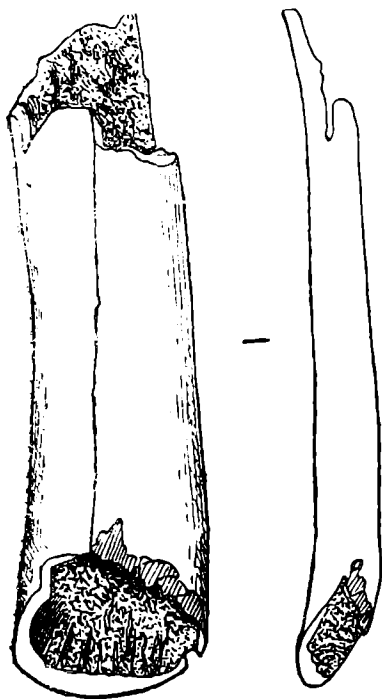

Рис. 44. Костяное ложило, найденное при строительстве Невинномысского канала.

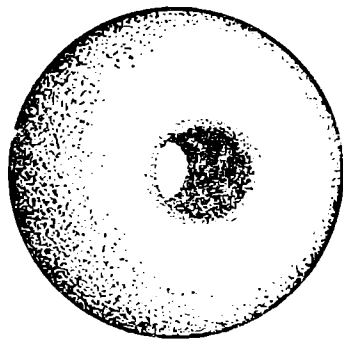

Рис. 43. Каменная булава, найденная в г. Ворошиловске.

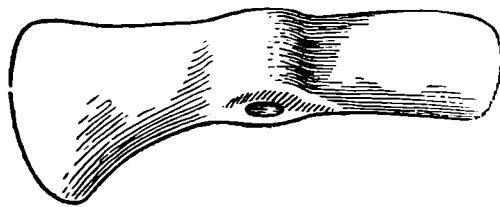

Рис. 45. Каменный топор, найденный близ с. Золотаревки Ипатьевского района Ворошиловской обл.

В 1898 г. С. А. Соловьев в с. Летницком Медвеженского округа раскопал могилу, обложенную деревянными брусками. В ней при костяке оказался «каменный пестик, глиняный горшок, три медные поврежденные вещицы, каменный молот-топор... Около головы две электрические серьги».²

Из случайных находок как опубликованных,³ так и не опубликованных, хранящихся в Ворошиловском музее, нет пока аналогий инвентарю рассматриваемой могилы. Наиболее оригинальным в нем является медный изогнутый однолезвийный ножичек. Такая форма ножа не совсем обычна для подобного комплекса вещей, но, ввиду слабой исследованности памятников данной территории, преждевременно делать из этого какие-либо выводы.

Датировка погребения до более обстоятельного исследования местных однородных памятников, разумеется, затруднительна. В качестве предварительного вывода считаю возможным отнести его ко второй стадии бронзы-

¹ ОАК, стр. 156 сл., 1909—1910.

² ОАК, стр. 53—54, 1898.

³ ОАК, стр. 42, 1894.

вой эпохи в том ее определении, как это дано А. А. Иессеном¹, т. е. ко II тысячелетию до н. э. В дополнение приведу известные мне по этому району случайные находки той же эпохи, сделанные в течение 1940 и 1941 гг. и еще не опубликованные. На территории г. Ворошиловска (против мельницы), местным жителем, при рытье огорода на склоне к р. Ташле, была найдена каменная булава шаровидной формы, изготовленная из диорита. Общий диаметр ее — 7.6 см, диаметр сверлины — 2.2 см (рис. 43).

Во время строительства Невинномысского канала рабочими 4-го участка была срезана могила. От нее сохранились только череп погребенного и медный ножичек листовидной формы. Последний был найден уже отброшенным на некоторое расстояние от черепа.

При строительстве того же канала, на 10-м участке, найдено костяное ложило. Оно находилось вместе с черепом грызуна; каких-либо данных об условиях находки добыть не удалось. Ложило изготовлено из ребра крупного животного. Вся поверхность его отполирована. Рабочий конец имеет косой срез. Нижний его край ровный и отполированный, верхний — слегка выщерблен и от длительного употребления тоже отполировался (рис. 44).

В сентябре 1940 г. агрономом г. Ворошиловска Н. П. Капустиним в 0.5 км от с. Золотаревки Ипатовского района, по направлению к с. Софиевка, найден каменный топор (рис. 45). Длина его — 14.5 см, диаметр обушковой части — 3 см. Диаметр сверлины у наружного конца — 1.8 см, у внутреннего — 1.4 см. В месте сверлины, как обычно, стенки утолщены. Обушковая часть заметно опускается. По словам находчика, топорик лежал на правом склоне горы, на поверхности, наполовину открытым. Поблизости ни курганов, ни древних поселений не замечено.

В конце с. Сотниковского Бурлацкого района, при рытье котлована для обжига извести в 1940 г., на глубине 3 м, была найдена глиняная жаровня на пяти ножках — четыре по сторонам и одна в центре, причем крайние соединены с центральной так, что дно имеет фигуру креста. Корпус — обычный для этого рода сосудов с небольшим отделением внутри. Диаметр верхнего края — 16.5 см. Общая высота — 9 см. Вся наружная часть покрыта орнаментом из шнуровых линий в три ряда и вдавленных концентрических кружков между ними. Такой же орнамент покрывает и дно ножек. Жаровня аналогична таковой из катакомбного погребения № 49 в кургане № II близ хутора Веселого, по западному течению р. Маныча² (хранится в Ворошиловском музее).

В 1941 г. в районе того же села Сотниковского, в 4 км к востоку от села, при рытье горна для кирпично-черепичного завода, был разрушен небольшой курган. В нем открыто погребение с тремя жаровнями, две из них разбились на месте, одна доставлена в Ворошиловский краевой музей. Возле них были найдены кости скелета, которые были выброшены. Жаровня отличается от предыдущей своим более мелким корпусом. По краю идет орнамент елочкой из четырех или пяти параллельных ломаных линий. Между ними в уголках врезанный кружок. С двух сторон орнамент ограничен поясками из таких же елочных линий (рис. 46). Дно четырех ножек, соединенных между собой крестом, покрывает такой же орнамент, но смазанный в некоторых местах еще до обжига сосуда. Горизонтально срезанный край жаровни и небольшого отделения внутри украшен тем же узором. Внутри жаровня довольно сильно окрашена охрой, очевидно, в значительном количестве находившейся при погребении.

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 20.

² М. И. Артамонов. Раскопка курганов в долине р. Маныча. СА, т. IV, стр. 111, рис. 32.

Третья находка жаровни сделана в 1941 г. при строительстве Невинномысского канала, в нескольких километрах к востоку от с. Барсуков Невинномысского района. Она еще мельче, чем предыдущая, и подобна плоскому блюду с поднятым краем. Наружная поверхность сплошь покрыта узором из веревочных линий, идущих зубцами, и вдавленных концентрических кружков между ними. Ножки отбиты. Вместе с жаровней в Ворошиловский музей переданы крупные куски углей, небольшой камень-голыш с охрой на нем и мелко разбитые кости человеческого костяка. И эта жаровня, подобно предыдущей, несомненно происходит из разрушенного погребения.

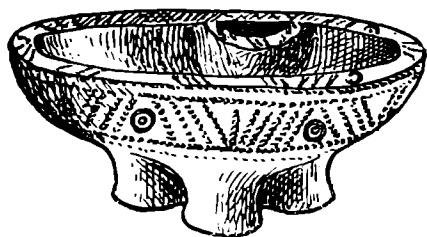

Рис. 46. Жаровня из погребения, открытого близ с. Сотниковского Бурлацкого района Ворошиловской обл.

Подобные жаровни имеются еще в пяти экземплярах в Ворошиловском музее. К сожалению, только о двух сохранились указания о месте их находки.

Одна взята из кургана в с. Спасском, другая найдена в с. Преградном. Места остальных находок музею неизвестны.

Являясь специфическим для Северного Кавказа видом керамики, жаровни эти распространены были, видимо, далеко за пределами северокавказских степей. В 1928 г. на небольшой речке Грязнушке, впадающей с левой стороны в р. Иловлю, близ с. Грязнухи (правобережная часть Нижнего Поволжья), мной было вскрыто погребение с такой жаровней. Погребение находилось в кургане с незначительной насыпью, в глубокой подбойной могиле. Костяк в слабоскорченном положении сопровождался крупными кусками охры. С правой стороны черепа стояла жаровня; в ней были угольки от мелких веточек дерева или кустарника. Непосредственно у черепа находились три половинки раковины *Ulio*. Одна из них имела по краю зубчатые нарезки.

В Карачаевской области, которая, при далеко не достаточной еще изученности ее в археологическом отношении, все же обследована больше, чем степная часть края, до сих пор обнаружено немного находок эпохи бронзы. Это находки на левом берегу Кубани около Индыша и в урочище Агур, близ Верхне-Тебердинского аула. В первом пункте найден бронзовый серп, во втором, в глиняном сосуде, — бронзовые же серп и топор.

В связи с этим важно отметить находку бронзового топора рабочим «Севказзолото» в декабре 1938 г. на р. Кюль-Тюбе (Гиляч) в 2300 м от впадения ее в р. Кубань. Топор обнаружен в центре русла реки. Залегал он в речных отложениях на коренных породах. В отверстии топора были остатки деревянной ручки, очевидно дубовой, так как дерево было довольно хорошей сохранности.¹ Топор литой. В обушковой части сохра-

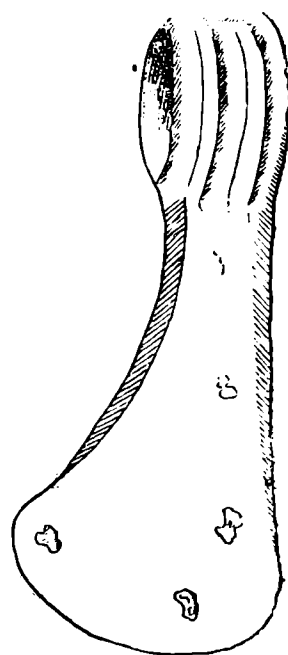

рис. 47. Бронзовый топор, найденный в р. Кюль-Тюбе.

¹ Архив Карачаевского областного музея. отношение за подписью геолога «Севказзолото» Бочкарева.

нился несглаженным небольшой гребешок — остаток шва от двух половинок литейной формы; на проухе три сильно выпуклых продольных валика. Расширенный конец лезвия носит следы некоторой затупленности. Сохранность орудия хорошая. Только в нескольких местах с поверхности металл начал разъедаться окисью (рис. 47).¹

В отношении геолога Бочкарева не указан второй экземпляр точно такого же орудия, переданный музею вместе с описанным топором. Лезвие второго экземпляра было отбито рабочими, испытывавшими, как обычно практикуется в подобных случаях, металл. Сходство сохранившейся части обоих топоров так велико, что можно с определенностью утверждать, что они отлиты в одной форме.

По словам рабочего, доставившего находку, кроме топора, там же было найдено тридцать бронзовых серпов, но серпы хранятся у одного из жителей аула Учкулана. Сведения относительно серпов были настолько еще свежи и отчетливы, что не доверять им не было оснований. Таким образом, в находке на р. Кюль-Тюбе-(Гиляч) мы, очевидно, имеем дело с кладом.

Относительно этой находки важно отметить два обстоятельства. Во-первых, то, что сделана она далеко от места, где обнаружены следы плавки медной руды, — на левом берегу Кубани, на склоне к р. Дауту.² Во-вторых, близость этой находки к аналогичной ей в урочище Агур.³ Топор из урочища Агур весьма близок по типу, только что описанному. Разнится он от него обушком в виде молоточка, чего нет в топоре гилячской находки.

На прииске Кизильчук при промывке золота в 1940 г. обнаружен бронзовый топор. По указанию геолога «Севказзолото» Барабашина, препроводившего находку в Карачаевский музей, топор «найден в толще речных отложений, при промывке золота старателями на прииске Кизильчук, вероятно, на р. Кяфар, ниже слияния рр. Кизильчук и Чилик».⁴

Острие орудия обломано. Проух имеет утолщения по краям. В нем сохранился кусок деревянной рукоятки (рис. 48).⁵

Весною 1940 г. на правой стороне р. Теберды, недалеко от впадения ее в р. Кубань, на территории г. Микоян-Шахара, по Пушкинской улице, случайно было обнаружено некоторое количество бронзовых предметов. Место находки было обследовано директором Карачаевского музея М. С. Эркеновым, но собрать все открытые вещи не удалось. Сохранился только медный наконечник копья (рис. 49). Копье листовидной правильной формы

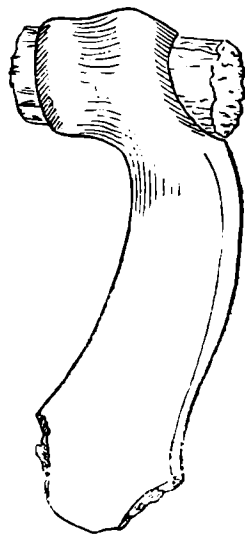

Рис. 48. Бронзовый топор, найденный на р. Кяфар..

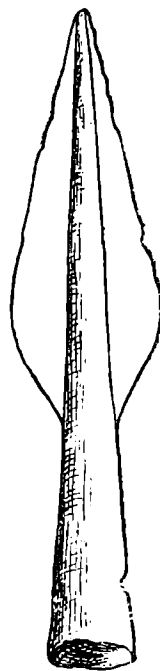

Рис. 49. Медный наконечник копья, найденный на р. Теберда.

¹ Топор хранился в Карачаевском областном музее (№ 198).

² МАК, IX, стр. 153; А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 38.

³ А. Н. Дьячков-Тарасов. Археологические разведки в Карачае в 1927 г. Бюлл. Сев.-Кав. краев. горск. научн.-иссл. ин-та. Ростов-на-Дону, 1927

А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 83, рис. 20.

⁴ Отношение геолога Барабашина в делах Карачаевского обл. музея.

⁵ Топор хранился в Карачаевском музее (№ 209).

с округлым, ярко выпуклым стержнем. На конце втулки две дырочки для прикрепления его к древку. По словам рабочих, разрывших это место, такие копья и другие, тоже медные, были здесь, а также и другие вещи, но все они разобраны по рукам и поломаны. С вещами находились и кости. В июле 1940 г. место находки было осмотрено мною. Находка сделана в слое крупной гальки, слагающей здесь долину р. Теберды, на незначительной глубине. Никаких признаков могилы в этом месте заметно не было. Не удалось найти ни костей, ни вещей. Таким образом, характер памятника остался невыясненным.

Все эти отрывочные данные говорят о том, что территория Владикавказского края весьма богата памятниками бронзовой эпохи, обстоятельное исследование которых обещает яркий и обильный материал.

ника может похвалиться редкой датой: первые его раскопки были произведены ровно сто лет тому назад, в 1845 г., крепостным тагильских заводчиков Демидовых — Д. П. Шориным, человеком исключительной любознательности и широты интересов. Вторые раскопки Чудских Бугров произведены тагильскими краеведами в 1924 г. От обеих раскопок до нас не дошли отчетные материалы, да и собранные ими коллекции сохранились далеко не полностью. Сопоставление всех более или менее случайных сведений и материалов позволяет считать, что целью обеих раскопок являлись курганы. Известно, что «внутренность кургана», раскопанного Д. П. Шориным, «была выложена горизонтально сложенными бревнами». Вероятно, из погребений происходят позднейшие вещи коллекции, находившиеся в Тагильском музее и в настоящее время утраченные: железный нож и перекрестье сабли. Но на Чудских Буграх была сделана еще одна интересная находка: медный наконечник ножен римского меча, находившийся в коллекции Д. П. Шорина, определенный в 1914 г. В. Я. Толмачевым и затем также утраченный. Эта находка делает вероятным предположение, что раскопанные курганы принадлежали к числу позднесарматских, т. е. к первым векам н. э. Ближайшие к Тагилу погребения сарматского типа были обнаружены на стоянке Калмацкий Брод, близ Свердловска.¹

И первые, и вторые местные раскопки обнаружили в насыпях курганов каменные орудия, осколки и большое количество глиняных черепков со сложным орнаментом, что говорит о наличии на месте курганов более древнего поселения, которое и послужило объектом наших раскопок.

Стоянка находится в 12 км к западу от Тагила, на дне широкой долины, окруженной горами, покрытыми сплошными, мало тронутыми лесами. Она расположена на правом берегу небольшой речки Полуденки, на пологом, не заливаемом в половодье мыске высотой около 2 км, подходящем почти вплотную к реке. С юго-запада над долиной господствует высокая гора Елевая, на склоне которой берет начало Полуденка; с противоположных склонов Елевой воды стекают в Межевую Утку. Последняя, являясь притоком Чусовой, принадлежит к Камскому бассейну, тогда как Полуденка, впадая неподалеку в р. Выю (приток Тагила), относится к бассейну Оби.

Поверхность стоянки испорчена старыми золотоискательскими шахтами и тремя неглубокими карьерами, вырытыми при постройке дороги в 1935 г. Эти карьеры вместе с пробными участками, вырытыми нами в первый день работ, позволили определить размеры площади поселения приблизительно в 4000 кв. м.

Нашими раскопками вскрыта площадь всего около 150 кв. м, в виде сплошной территории, прилегающей к одному из карьеров в наиболее близкой к реке части поселения. Кроме того, с целью установить соотношение культурного слоя с отложениями поймы, с площади поселения вниз к реке была спущена небольшая траншея шириною в 1 м.

Культурный слой залегает непосредственно под песчано-глинистым, темнокоричневым дерновым слоем толщиной в среднем 10—15 см. Он делится на два горизонта, повсеместно содержащие культурные остатки. Верхний горизонт представляет собою песчано-глинистый, каменистый слой коричневого цвета. Нижний — также песчано-глинистый, но черный, еще более каменистый, в особенности внизу, где он контактируется с подстилающим желтым золотоносным песком с мелкой и крупной галькой. Верхний, коричневый культурный слой наблюдался буквально во всех вскрытых участках; мощность его колеблется между 10 и 30 см. Нижний, черный, наблюдается везде, где мощность культурных отложений наиболее

¹ А. А. Берс. Прошлое Урала, стр. 79 и 81, М., 1930.

П. А. Дмитриев. Раскопки стоянки Калмацкий Брод на р. Исети. Изв. Свердлов. музея, № 1, 1934.

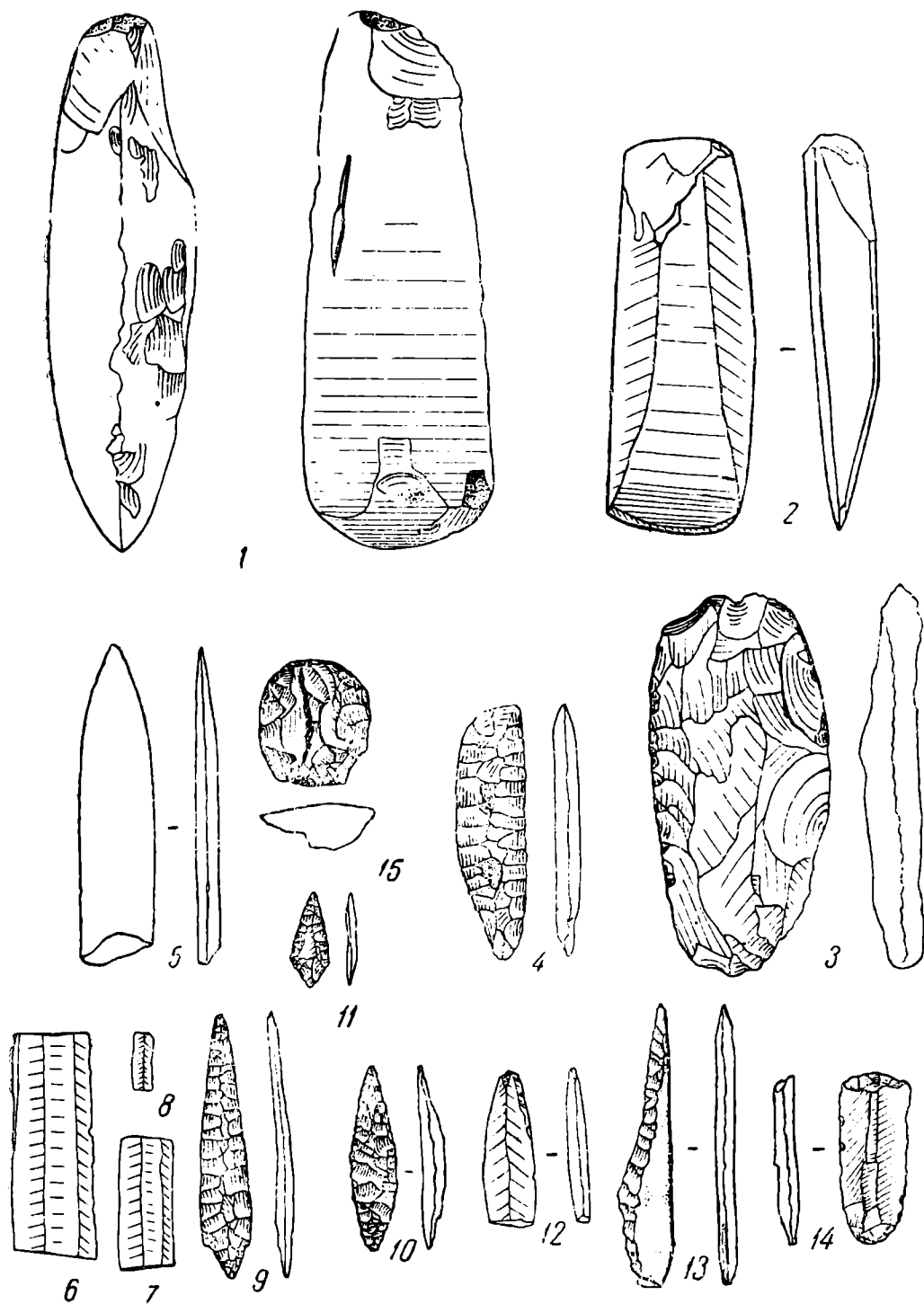

Рис. 50. Полуденка близ Тагила.

1 — каменный полированный топор; 2 — нефритовый полированный топор, или тесло; 3 — нож из белого кварца; 4 — нож с черешком из кварцита; 5 — кремневый полированный кинжал; 6—7—8 — кремневые ножевидные пластинки; 9—10—11 — кремневые наконечники стрел; 12 — каменный отшлифованный наконечник стрелы; 13 — кремневое шило-проколка; 14 — кремневый скребок на конце ножевидной пластинки; 15 — кремневый скребок.

значительна; он достигает в таких местах толщины 50 и более сантиметров. Но во многих местах, где культурный слой тонок, он выглядит слабо различимой прослойкой или даже совсем отсутствует. В процессе раскопок заметных различий между культурными остатками из обоих горизонтов культурного слоя не наблюдалось, лабораторная же обработка материала еще не закончена. Поэтому мы склонны считать всю толщу культурных отложений единым слоем, а разницу в окраске двух его горизонтов объяснять воздействием на культурный слой со стороны позднейших почвообразовательных процессов. Надо думать, что первоначально вся толща культурных отложений имела однообразный черный цвет в верхнем горизонте, густо пронизанном древесными корнями и ими переработанный в течение многих веков, протекших с момента ухода населения стоянки, и постепенно превратившегося из черного, сильно гумусированного, в коричневый.

Жилищ на вскрытой площади не обнаружено. Встречены лишь две незначительные ямы, из них исследована целиком только одна, так как другая уходит под насыпь проезжей дороги, которую нельзя было трогать.

Насыщенность слоя культурными остатками сравнительно слаба. Наибольшей мощности и насыщенности он достигает, как обычно, на склоне к реке.

При первом взгляде на инвентарь каменных орудий Полуденской стоянки бросается в глаза пестрота, разнообразие материала, из которого они изготовлены, и относительное обилие шлифованных орудий. Кроме темного, почти черного, серого и желтоватого кремня, который вообще здесь редок, использовались кварцит, молочно-белый кварц, зеленоватый нефрит и другие породы.

Наконечники стрел представлены четырьмя различными типами, а именно: архаичной ланцетовидной формой, длинной стрелой, с коротким черешком, маленькой, подтреугольной формой с черешком же и шлифованной на четыре грани экземпляром из зеленовато-серого нефрита (рис. 50, 9, 10, 11, 12).

Ножи разнообразны по величине и форме и грубы. Наряду с черешковой формой (рис. 50, 4) встречен грубый, но очень эффективный в работе нож-пила из молочно-белого кварца (рис. 50, 3). Среди ножей обращает внимание крупный обломок шлифованного на четыре грани ножа или, скорее, кинжала из серого нефрита, очень острого (рис. 50, 5).

Ножевидные пластинки представлены великолепными экземплярами, начиная с очень крупных и кончая мельчайшими (рис. 50, 6, 7, 8), с несомненностью указывающими на наличие вкладышевых орудий. Отличные, правильно огащенные, преимущественно миниатюрные, кремневые нуклеусы соответствуют ножевидным пластинкам.

В коллекции имеются также тонкие длинные проколки (рис. 50, 13).

Скрепки довольно многочисленны и разнообразны. Преобладают округлые, массивные скребки с крутой ретушью (рис. 50, 15). Представлены и скребки на концах ножевидных пластинок (рис. 50, 14).

Найден также каменный отжимник со шлифованным кончиком, имеющим следы работы.

Представлены и крупные полированные орудия. Среди них — совершенно целый топор из зеленоватого нефрита (рис. 50, 2), очень острый, несколько асимметричного профиля, что делает вероятным поперечный насад его на рукоятку — в виде тесла. Имеется обломок крупных шлифованных долотовидных орудий и большой, очень массивный клин с тыльным концом, поврежденным сильными ударами во время работы (рис. 50, 1).

Найдена большая шлифовальная плита с широкой, вогнутой плоскостью шлифовки, на которой производилась обработка только что описанных орудий.

Никаких следов металла на стоянке не обнаружено.

В связи с относительно малой мощностью культурного слоя и условностью подразделения его на два горизонта — коричневый и черный, мы рассматриваем сейчас весь собранный на поселении материал в качестве единого комплекса материальной культуры, бытовавшего здесь в течение нескольких сот лет. Однако в керамике Полуденской стоянки можно усмотреть элементы, совпавшие здесь лишь на короткое время, в основном же являющиеся разновременными.

Подавляющая часть глиняных сосудов имеет полуяйцевидную форму с хорошо выраженными округло-коническими днищами, слегка утолщенными шейками и как бы срезанными, утоншенными изнутри краями. Сосуды отличаются большим, обычным для неолита диаметром, и лишь немногие невелики размером. Имеется обломок большой, низкой чашки или блюда. Ямочный орнамент отсутствует почти полностью. Преобладает гребенчатый, зубчатый орнамент, образующий разнообразные по положению штампа пояса на теле сосуда, нанесенные колесиком зигзаги и т. д. (рис. 51). Однако многие сосуды несут совершенно иной, волнистый орнамент, относительно грубый, обычно резко вдавленный, сделанный простым и сложным (в несколько рядов) штампом или штриховой. Сосуды с волнистым орнаментом происходят преимущественно из нижних горизонтов слоя. Имеется также немало сосудов, где волнистый и зубчатый орнаменты чередуются в различных комбинациях.

К этой керамике, которая по своему происхождению является неолитической, примешиваются в небольшом числе сосуды с более тонкими стенками и отогнутыми наружу шейками, образующими хорошо выраженный перехват и плечи. Орнамент таких сосудов преимущественно зубчатый, дает уже иной, нередко очень сложный узор, в состав которого, помимо преобладающего зигзага, входит также ромб. Весьма характерно, что орнамент на этих сосудах располагали лишь в верхней части, оставляя весь низ сосуда свободным. Подобная керамика характерна уже для более позднего времени, эпохи бронзы; близкие аналогии ей мы находим в сейминской культуре. Вероятно, именно к этим сосудам относятся представленные в нашей коллекции единичные фрагменты уплощенных и плоских днищ.

Наконец, в керамическом комплексе Полуденской стоянки имеются единичные обломки сосудов андроновского типа, с орнаментом в виде треугольников и ромбов (рис. 51).

Анализ всей суммы добытых раскопками фактов позволяет заключить, что экономическим базисом населения стоянки служили охота и рыболовство. Разнообразие наконечников стрел указывает на развитые формы охоты. Очень слабая сохранность костных остатков не дает возможности привести полный список тогдашней охотничьей фауны; нам удалось определить только кости лося, служившего здесь, как и на ряде других близких по времени поселений Урала, основным объектом охоты. О наличии рыболовства свидетельствует расположение населения на берегу речки, у самой воды. Однако незначительность водоема говорит об относительно скромных размерах рыболовства и о второстепенном значении последнего по сравнению с охотой. Никаких следов земледелия и скотоводства не обнаружено. Нет и прямых указаний на использование и обработку металлов.

С целью установления типичных особенностей Полуденской стоянки и ее даты, необходимо сопоставить ее прежде всего с хронологически близкими памятниками соседних территорий. Совершенно недостаточные публикации материалов о древних поселениях Урала крайне затрудняют эту работу и заставляют прибегнуть к просмотру фондов уральских музеев, что мы еще не имели возможности сделать. Поэтому мы ограничимся сопоставлением нашей стоянки со стоянкой на берегу Горбуновского болота, а также

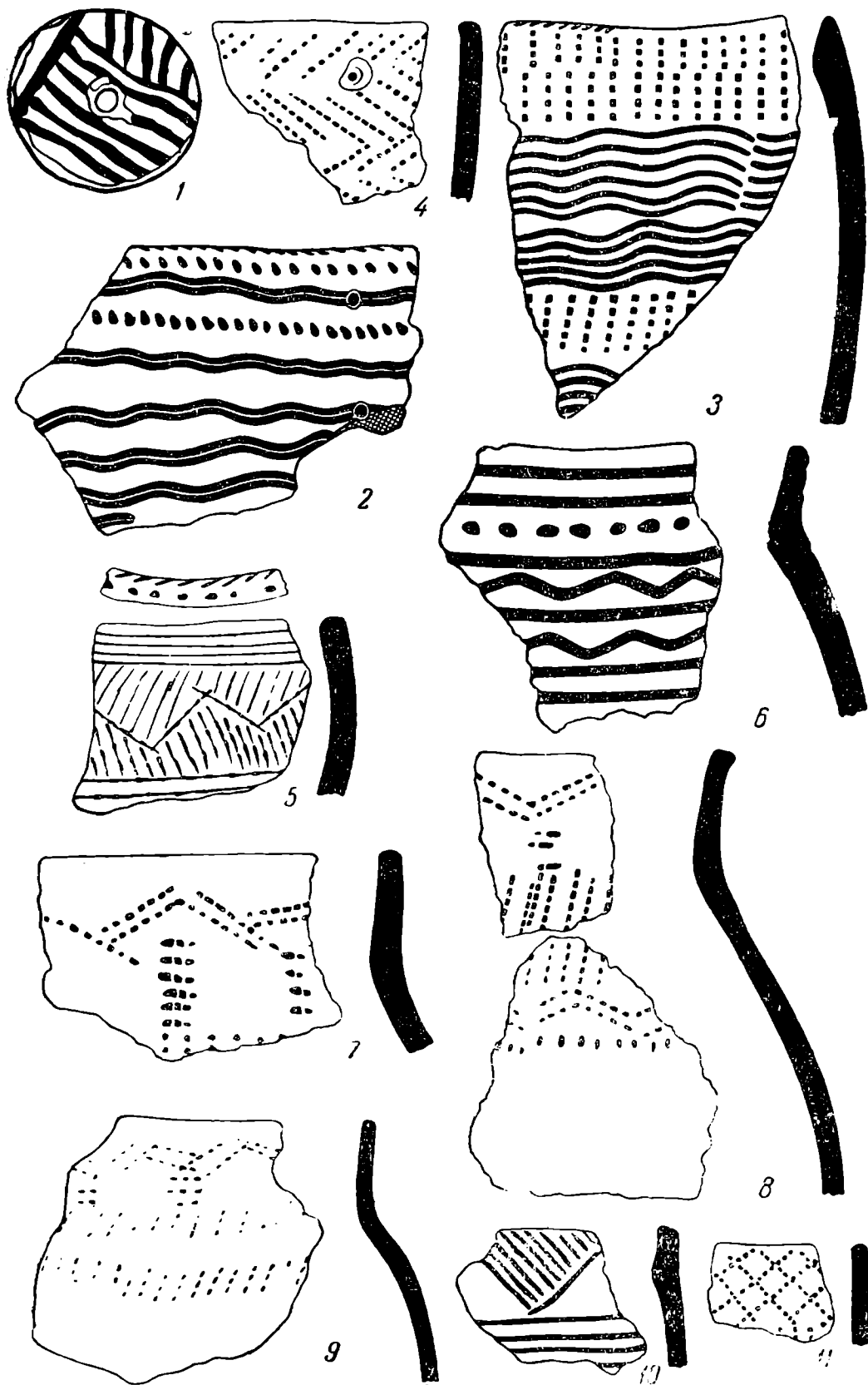

Рис. 51. Полуденка близ Тагила.

1 — глиняная бляха со сквозным отверстием в центре; 2—11 — фрагменты керамики.

с жертвенным местом на самом болоте по раскопкам Д. Н. Эдинга. Сопоставление это облегчается территориальной близостью этих памятников к Полуденке (не более 15 км), но затрудняется все тем же недостаточным их изданием. П. А. Дмитриев относит горбуновские памятники к шигирской культуре, объединяющей в своем понятии известную общность культурных черт археологических памятников восточных склонов Среднего Урала в период между серединой II тысячелетия и VIII в. до н. э. Правда памятники шигирской культуры, как и самые основания для их объединения, настоятельно требуют дальнейших исследований, но на современном этапе изучения древней истории Урала понятие шигирской культуры существует, и мы должны с ним считаться. Общая дата древних памятников Горбуновского болота целиком совпадает с крайними хронологическими рамками всей шигирской культуры, что также очень удобно для наших сопоставлений.

Итак, сравнивая Полуденскую стоянку с Горбуновской, которая в общем является памятником несколько более древним, чем жертвенное место на торфянике, лишь частично с ним совпадая,¹ мы приходим к выводу о более раннем возрасте Полуденской стоянки. Основанием для этого служит следующее:

1. Местная яйцевидная керамика представляется более примитивной в Полуденке.

2. Керамика различного рода волнистым орнаментом, которую можно считать наиболее архаичной, на Полуденской стоянке, видимо, более многочисленна, особенно в нижнем горизонте.

3. Андроновские черты в керамике Горбуновской стоянки заметно развиты, успев войти также в местную орнаментальную схему, на что, без сомнения, понадобилось немало времени с момента первого соприкосновения с андроновской культурой. На Полуденке же эти черты развиты еще слабо.

4. Каменные наконечники стрел Горбуновской стоянки дают более поздние типы, например, треугольные с широким основанием, шлифованные с длинными шипами, на Полуденке отсутствующие.

5. На Полуденке относительно многочисленные каменные шлифованные топоры, тесла, клинья отличаются очень высоким качеством, их еще не заменили металлические ударные орудия. На Горбунове уже иная картина: судя по изданию,² там хороших каменных топоров нет, зато есть литейная форма для кельтов. А на торфянике найден медный вислообушный топор, по времени соответствующий береговой стоянке, и медный же кованый двулезвийный нож с широким черешком.

6. На Полуденке кремневые скребки представлены характерными формами и отличаются высокой техникой; каменные ножи разнообразны; имеются каменные проколки. В Горбунове скребки представлены плохо, каменные ножи тоже; проколки, видимо, отсутствуют совершенно, будучи заменены металлическими шильями.

7. На Горбуновской стоянке найдены остатки металлических вещей в виде небольшой медной пластинки, обломки глиняных льячек и часть литейной формы кельта. На Полуденке ничего этого нет, что говорит, в лучшем случае, лишь о первых шагах металлургии.

Поздним пределом существования Полуденской стоянки во времени служит распространение скотоводческих племен андроновской культуры на север вслед за смещением ландшафтных зон в ксеротермический период, подобно тому, как в Восточной Европе это имело место с соседней, срубной культурой. Эту позднюю дату Полуденки можно определить как 1400 лет до н. э. Исходя из мощности культурного слоя на основной части поселения,

¹ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала, М., 1940.

² Там же. Указ. соч.

нет оснований говорить об очень длительном его существовании. Общую дату Полуденской стоянки можно определить временем от 1700 до 1400 лет до н. э.

Подтверждением этой датировки служат также данные, полученные при проведении спущенной со стоянки на пойму траншеи: на пойме культурный слой отсутствует, хотя непосредственная близость воды во многих отношениях удобна, если не для постоянного, то хоть для временного пребывания. Из этого вытекает, что Полуденское поселение было основано и существовало до наступления климатического оптимума, еще в то время, когда пойма и, в частности, узкая ее полоска между поселением и речкой продолжали оставаться, как и сейчас, сырыми и непригодными для пребывания на ней человека.

Покинуто поселение было во время появления в этих районах, вероятно по соседству, скотоводов-андроновцев, т. е. в момент наивысшего развития явлений засушливости, связанных с наступлением ксеротермического периода. Однако в данном случае не имело места вытеснение аборигенов пришельцами в другие районы, что доказывает в основном местный характер, который продолжают сохранять несколько более поздние памятники соседнего Горбуновского болота. Надо думать, что р. Полуденка, и без того небольшая, в условиях ксеротермического климата стала настолько ничтожной, что рыболовство в ней стало нерациональным, и перед жителями стоянки встала необходимость переселения на берег более значительного водоема. Не на берег ли Горбуновского озера переселились полуденцы?

Таким образом Полуденская стоянка является несколько более древней, чем Горбуновская, смыкаясь с последней по времени и, быть может, недолго сосуществуя с ней.

Вместе с торфяниковыми древностями оба эти поселения образуют непрерывную цепь памятников на протяжении целого тысячелетия. Позднейшие находки на торфянике смыкаются с остатками, открытыми нами в 1944 г. на соседнем Голом Камне, что позволяет протянуть эту непрерывную хронологическую цепь едва ли не до пьяноборского времени, когда на той же территории протекали исторические процессы, непосредственно связанные с этногенезом современных вогул-манси.

В материальной культуре Полуденской стоянки полностью господствуют еще неолитические элементы. Поселение является наиболее древним из всех исторических памятников Тагильского края и наиболее ярко характеризует нам своеобразный неолитический субстрат, на котором вырастает шигирская культура восточных склонов Среднего Урала. На материке Полуденки можно видеть, что эта неолитическая культура лесного Урала отличалась от неолитической культуры Камского бассейна, и наоборот, некоторые черты сходства она имеет с неолитическими памятниками Приобья. Впрочем, эти последние связи еще нуждаются в уточнении.

Материал, добытый раскопками под Тагилом, позволяет поставить еще один интересный вопрос: проблему происхождения сейминской культуры, значение которой выходит далеко за пределы Урала, затрагивая все Среднее и, отчасти, Верхнее Поволжье. Картографирование памятников и находок отдельных предметов сейминской культуры показывает, что последняя занимала огромное пространство, вытянутое с запада на восток между Окой и Уралом, причем характерные сейминские изделия из бронзы распространялись и далеко к востоку от Урала. Эта территория соответствует полосе древних лесостепей ксеротермического периода и южным пределам леса. Мы не сомневаемся, что сейминская культура, в отличие от срубной и андроновской культур смежных районов, не является пришлой, и корни ее следует искать в памятниках местного энеолита. Такие памятники, как известная Левшинская стоянка или стоянка Бор на Чусовой, обнаружива-

ют очень древнее знакомство первобытных племен Приуралья с металлом и металлургией. Экспансия к северу степных скотоводческих племен, уже хорошо знакомых с металлургией и вооруженных бронзовым оружием, привела к относительно быстрым переменам в экономике и общественном устройстве южных лесных племен, и прежде всего вдоль всей линии соприкосновения со степняками, от Волги до Урала. Эти изменения, которым в сильнейшей мере способствовал быстро развивавшийся межплеменной обмен, выразились прежде всего в переходе к скотоводству как господствующей форме хозяйства, быстром расцвете металлургии, а затем и в переходе к патриархальным формам семьи. Следствием этих коренных перемен должно было явиться и переоформление старых племенных объединений, образование новых племен. Последние известны нам по остаткам новой, так называемой сейминской культуры.

Производство металлических орудий и использование их для обмена являлось одной из характернейших черт сейминской культуры. Развитию металлургии в сильнейшей мере способствовали соответствующие сырьевые богатства Прикамья и смежной части Урала. Поэтому понятно, что Средний Урал имел для сейминских племен большое значение, сделавшись одним из основных центров развивавшейся металлургии и принадлежа, видимо, к числу основных районов сейминской племенной территории, вернее, сейминского племенного союза. Доказательством могут служить находки на тагильских стоянках, отстоящих всего на три сотни километров к востоку от одного из основных памятников сейминской культуры — Турбинского могильника.

Таковы сейминские элементы керамики на Полуденке, близкие сейминским типы кремневых стрел на Полуденке и в Горбунове, медный вислобушный топор с торфяника, форма и отливки кельтов сейминского типа с Горбуновской стоянки, наконец, несомненная близость сейминского художественного литья с замечательными образцами деревянной и костяной скульптуры из Горбунова и прочими памятниками шигирской культуры.

Н. В. АНФИМОВ

ЗЕМЛЯНЫЕ СКЛЕПЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ГРУНТОВЫХ
МОГИЛЬНИКАХ ПРИКУБАНЬЯ

Изучение грунтовых могильников скифо-сарматского периода на Кубани началось сравнительно недавно. В дореволюционное время на Кубани раскапывались почти исключительно курганы. Только в советское время началось изучение рядовых могильников. В 1925 г. ГАИМК были произведены небольшие раскопки на станции Усть-Лабинской (могильник № 1).¹ С 1927 по 1935 г. автором настоящей статьи и М. В. Покровским был обнаружен целый ряд могильников по среднему течению р. Кубани и по р. Кирпили.² В 1929 г. в г. Краснодаре при строительстве жилого дома был обнаружен могильник, на котором было вскрыто до 150 погребений.³ В 1934—1935 гг. проф. В. А. Городцовым раскапывался грунтовый могильник на станции Елизаветинской,⁴ а с 1936 по 1938 г. производились систематические раскопки экспедицией краснодарского краевого музея⁵ могильника № 2 на станции Усть-Лабинской, причем было исследовано более 200 могил.⁶

Несмотря на большое количество раскопанных погребений, форму могилы, как правило, установить не удавалось. Только в двух случаях при исследовании погребения в могильнике № 4 на станции Пашковской и раскопках могильника на станции Елизаветинской удалось проследить границы могильной ямы, представлявшей собой простую могилу прямоугольной формы.

Судя по характеру исследований погребений, для грунтовых могильников Прикубанья основной формой могилы надо считать простую прямоугольную яму.

¹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924—1925 гг. Сообщ. ГАИМК, вып. 1, стр. 86 сл. Л., 1926.

² М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних городищ и могильников Прикубанья. СА, № 4, стр. 265 сл., 1937.

³ Материал хранится в Краснодарском краевом музее.

⁴ В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. Сов. этногр., № 3, стр. 71 сл., 1935. В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, № 1, стр. 171 сл., 1936.

⁵ В 1937 г. раскопки производились совместно с государственным Эрмитажем.

⁶ М. В. Покровский. Отчет о раскопках могильника № 2 станции Усть-Лабинской в 1936 г. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 220, М.—Л., 1941. Н. В. Анфимов. Отчет о раскопках могильника № 2 станции Усть-Лабинской в 1937—1938 гг. (рукопись).

В 1938 г. при добыче гравия на станции Владимирской (находящейся на правой террасе р. Лабы) впервые на Кубани были обнаружены земляные склепы.

Обследование показало, что карьер затронул окраину могильника, расположенного на северном склоне террасы правого берега р. Куксы. При добыче гравия на территории могильника было обнаружено три земляных склепа. Два склепа сохранились частично, третий был совершенно уничтожен. От первого склепа сохранились только две ниши. По словам рабочих, камера склепа представляла собой комнату «в рост человека». Никаких предметов и человеческих костяков якобы найдено не было. При расчистке ниш, кроме отдельных фрагментов сероглиняных сосудов, также ничего не было обнаружено. Северо-восточная ниша имела в длину 2.90 м, в ширину — 1.75 м, в высоту — 1.80 м; кверху она сужалась до 0.60 м. Северо-западная ниша имела куполообразный свод, длина ее равнялась 1.80 м, ширина — 1.20 м.

Второй склеп сохранился лучше. По словам рабочих, в нем также ничего не было найдено. Он представлял небольшую камеру, высеченную в материке с входом с южной стороны. В склепе имелись три небольшие ниши. Первая ниша была вырублена в западной стене и имела в длину 1.10 м, в ширину — 0.65 м. Вторая, северо-западная, имела в длину 1.65 м, в ширину — 0.85 м и в высоту достигала 1.40 м. Третья, северо-восточная, имела в длину 1.90 м, в ширину — 1.15 м, в высоту — 0.90 м. В третьем склепе, который был совершенно разрушен, по словам рабочих, был обнаружен человеческий скелет и при нем сарматский кувшин с ручкой и носиком серой глины (I—II вв. н. э.). Кроме склепов, здесь же была обнаружена подбойная могила с нишами в западной и северо-восточной стенах. В могиле, по словам рабочих, были обнаружены костяки. От местных жителей было получено несколько сосудов, найденных, по их словам, в подбойной могиле. Среди этих сосудов были две миски и кувшин из серой глины, с зигзагообразным резным орнаментом на плечиках, маленький сероглиняный сосудик и небольшая лепная чашечка с отделением внутри и орнаментом в виде насечек по краю черной глины. Судя по найденной керамике, могила относится к I—II в. н. э.

Новые данные о земляных склепах дали раскопки могильника № 2 в станции Усть-Лабинской, производившиеся в течение трех лет (с 1936 г.). При раскопках 1938 г. наблюдались случаи, когда более поздние погребения находились непосредственно под более ранними. Так, например, погребения I в. н. э. находились непосредственно под раннескифскими погребениями VI—V вв. до н. э.; над могилой I в. н. э. находилось погребение IV—III вв. до н. э.

Это приводит к мысли, что формой могилы была не простая прямоугольная яма, а земляной склеп. Иначе нельзя объяснить нахождение более ранних погребений над более поздними.

При раскопках было установлено, что погребения в склепах находятся всегда на глубине свыше 2 м и, как правило, сопровождаются скелетами коровы или лошади, расположенных несколько выше человеческого скелета и лежащих параллельно ему. Это дало возможность выделить из общей массы исследованных могил группу погребений в количестве девяти, которые надо рассматривать как погребения в склепах. Их объединяет также одновременность и характер инвентаря.

Эти погребения находятся на глубине от 2.10 до 2.75 м; костяки лежат на спине с вытянутыми конечностями, ориентировка их неустойчива. В восьми случаях они сопровождались скелетами коровы или лошади, которые находились на расстоянии 0.20—0.60 м от человеческого костяка и на 0.40—0.60 м выше него. В пяти случаях скелеты животных лежали с южной стороны, в двух случаях — с восточной (когда человеческий

скелет был ориентирован на юг или север), и только однажды — с северной стороны.

В состав инвентаря входят керамика, оружие и украшения.

Найденные кувшины — средних размеров, с одной ручкой, отходящей ниже венчика, и с носиком, образованным изгибом венчика, с сильно выпуклыми боками. На горле одного из кувшинов сохранились следы росписи акварельными красками — розовые и белые кружки и полоски, на плечиках другого кувшина имеется зигзагообразный резной орнамент. Найденны кувшины, по форме аналогичные вышеописанным, но горло у них без носика. Ручки у трех кувшинов стилизованы. У одного на ручке имеется рельефное схематическое изображение головки птицы; на другом у основания ручки имеются два выступа в виде глаз и на изгибе — два продольных, напоминающих уши животного; у третьего кувшина ручка витая, с изображением в верхней части рогов барана. Миски чаще всего больших размеров, с прямым или слегка загнутым внутрь краем, имеющим желобки, переходящие под острым углом в стенки миски. Дно плоское. Горшочки — маленькие, с округлым корпусом, с невысоким, слегка расширяющимся горлом на плоском дне. Кроме вышеописанных типичных форм сосудов серой и серо-коричневой глины, изготовленных на гончарном круге, найдены вазочка на трех ножках серой глины и чашечка с отогнутым наружу венчиком. Лепная посуда представлена грубыми горшками средних размеров с прямым или слегка отогнутым наружу краем и закопченной наружной поверхностью.

Кроме глиняной посуды, найдены стеклянные чаши. Одна — из прозрачного стекла слегка голубоватого оттенка, с двумя ручками; другая — темногожелтого цвета, с закругленным дном и прямыми стенками.

В шести погребениях было встречено оружие, представленное двумя типами мечей: а) мечами с узким длинным лезвием, переходящим в черенок для рукоятки без крестовины и с круглым костяным навершием, так называемого боспорского типа, и б) короткими, более массивными мечами с прямой крестовиной и кольцеобразным навершием на рукоятке, железными наконечником копья и железными трехлопастными наконечниками стрел. Кроме того, в могилу клали железные удила с псалиями в виде колесиков, или простые, с ксьцами на концах. В большей части погребений найдены бусы; они или составляли ожерелье, или ими отделялась одежда. Встречены стеклянные, пастовые, лигнитовые, сердоликовые, халцедоновые, из опала, горного хрусталя, коралла и др. Среди бус в составе ожерелий были найдены подвески из голубой и желтой египетской смальты в виде башенок, львов, скарабеев. Как в мужских, так и в женских погребениях были найдены бронзовые проволочные браслеты с заходящими друг на друга концами и бронзовые фибулы с подвижным приемником. В двух погребениях встречены бронзовые проволочные височные кольца. Найденны глиняные прясла, оселки, круглые поясные пряжки, железные ножички. В большинстве погребений в мисках или около них находились кости овцы.

На основании раскопок вырисовывается следующий обряд погребения. Вырывалась могильная яма (колодец), глубиной 1.65 м. В одной из ее продольных стен (большей частью в северной) делалась путем подбоя камера, длиной 1.60—2 м, шириною 0.90—1.20 м и высотой приблизительно несколько более 1 м. Дно камеры углублялось по сравнению с дном колодца на 0.40—0.60 м, образуя своего рода ступеньку. В камеру помещался покойник вместе с инвентарем. После погребения покойника в яму помещали тушу убитого животного и могилу засыпали. Все вышеописанные погребения датируются I—II вв. н. э.

Близкие к этим могилам на Кубани были известны только по курганным погребениям, исследованным Н. И. Веселовским (от станции Казан-

ской на запад, за станицу Усть-Лабинскую к Воронежской).¹ Исследованный Н. И. Веселовским некрополь относится к сарматской эпохе и по типам предметов, найденных в могилах, аналогичен погребениям грунтовых могильников, но значительно превосходит последние своим богатством, что дало основание Н. И. Веселовскому назвать его «золотым кладбищем».²

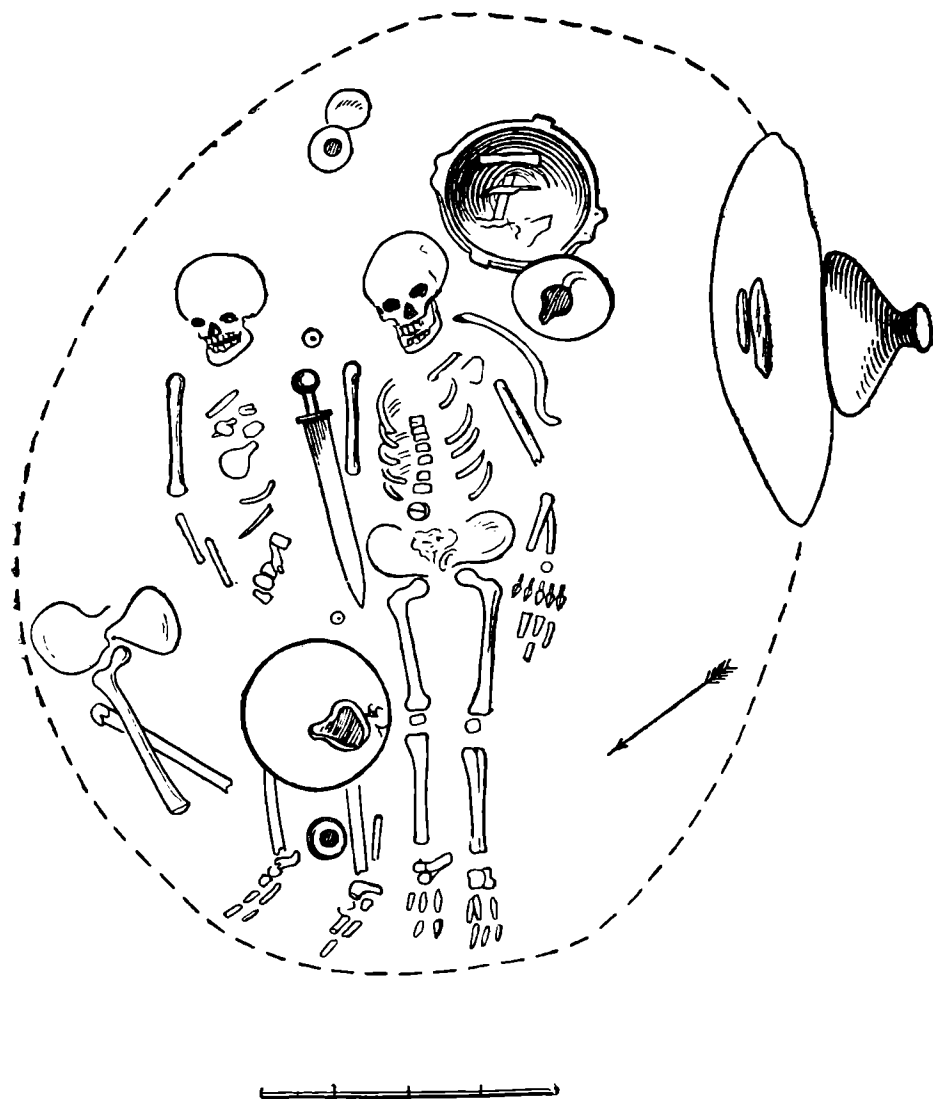

Рис. 52. Могильник станицы Тбилисской. Северная камера склепа.

Во время разведочных работ 1944 г., проводимых по среднему течению р. Кубани,³ были обнаружены два новых грунтовых могильника, на которых

¹ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII Археол. съезда в Харькове 1902 г., т. I, стр. 342, М., 1905.

² Там же, стр. 342.

³ В 1944 г. Краснодарским краевым историко-краеведческим музеем была организована экспедиция под руководством автора настоящей статьи, производившая обследование правой террасы р. Кубани между станицей Ладожской и станицей Тбилисской и правого берега р. Зеленчука в Тбилисском районе.

было произведено дополнительное исследование нескольких погребений, значительно расширивших наши сведения о земляных склепах.

Первый из открытых могильников находится на южной окраине ст. Тбилисской у городища № 1. Произведенными раскопками был обнаружен двухкамерный земляной склеп. Его колодец, имевший в ширину 0.95—1.00 м, был ориентирован с востоко-юго-востока на западо-северо-запад и достигал глубины 2.2 м. Камеры, примыкавшие к его продольным сторонам, расположены были с юга и севера. Дромосы отсутствовали, и входные отверстия, закладывавшиеся каменными плитами, вели непосредственно в камеры, расположенные так, что южная была выше северной. В северной камере обнаружено два костяка (рис. 52). Оба они были ориентированы на юго-восток, лежали параллельно друг другу на спине с вытянутыми конечностями. Первый скелет, по

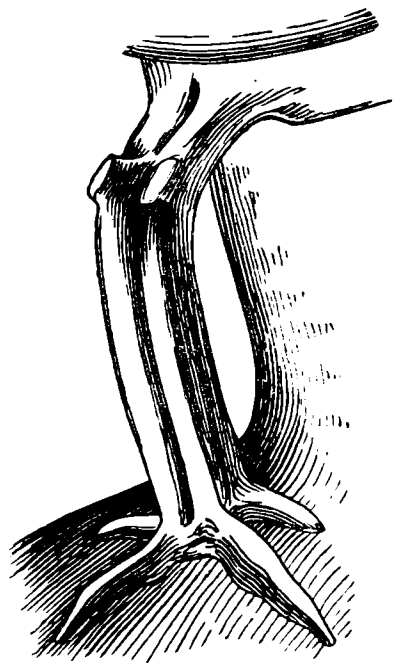

Рис. 53. Могильник станицы Тбилисской. Стилизованная ручка кувшина.

видимому женский, лежал у северо-восточной стены и был потревожен при последующем захоронении. При нем было обнаружено близ черепа глиняное прясло, бронзовое небольшое зеркальце с ручкой, находившееся на груди, и в области нижней трети голени — мелкие пастовые бусы в виде трубочек и бисер из пасты белого цвета, украшавший, повидимому, подол одежды в виде вышивки. На юго-восток от черепа стоял маленький горшочек с узким горлом темносерой глины, рядом с ним — лепная чашечка. Второй скелет принадлежал мужчине и лежал ближе ко входу в камеру, с левой стороны от первого скелета. При нем были обнаружены близ черепа (с левой стороны) большая чаша на поддоне в виде вазы с двумя горизонтальными, несколько изогнутыми ручками и двумя выступами у края, имитирующими ручки серо-коричневой глины, и, рядом с ней, одноручный кувшин с носиком такой же глины. В чаше лежали кости задней конечности с частью таза барана и вместе с ними железный ножичек. Второй кувшин (рис. 53), серо-коричневой глины довольно крупных разме-

ров, со сферическим корпусом, узким горлом, имеющим носик, и с сильно схематизированной и стилизованной ручкой, находился с наружной стороны правой ноги и стоял на костях голени первого скелета. Около кувшина стоял горшочек с низким горлышком темносерой глины. Вдоль правой руки лежал короткий железный меч с массивным широким лезвием, прямой крестовиной и кольцеобразным навершием. На рукоятке сохранились следы деревянной обкладки. На тыльной стороне левой кости лежали шесть железных трехлопастных черенковых наконечников стрел. Близ левого плеча находился железный серп, слабо изогнутый. В области запястий рук обнаружены по одной крупной бусе: слева — сердоликовая, а справа — белая пастовая с синим ободком, служившие, повидимому, застежками на рукавах. На поясничных позвонках находилась бронзовая круглая пряжка. В колодце на глубине 2 м (на 0.20 м выше дна колодца), вплотную прилегая к закладной плите, находилась большая сероглиняная чаша на поддоне, лежавшая вверх дном.

Вторая камера была расположена с южной стороны и несколько выше дна колодца. В ней был обнаружен костяк, ориентированный головою на восток (с некоторым отклонением к югу), лежащий на левом боку с согнутыми ногами и лицом, обращенным к югу.

Весь комплекс инвентаря северной камеры склепа типичен для сарматских погребений Прикубанья первых веков нашей эры и вполне аналогичен инвентарю усть-лабинских погребений. Керамика Тбилисского склепа представлена характерными для Прикубанья формами местной сероглиня-

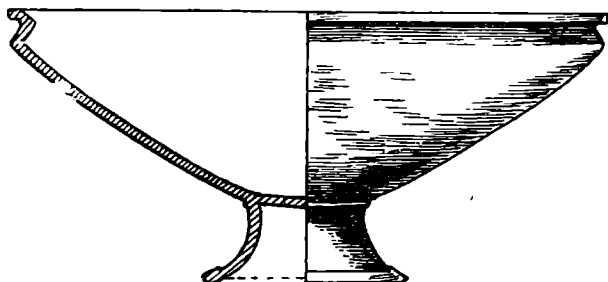

Рис. 54. Могильник станицы Тбилисской. Чаша из колодца склепа.

ной посуды. Некоторым исключением являются только чаши на поддоне в форме больших ваз, представляющие собой обычные большие миски, поставленные на довольно высокую подставку (рис. 54). Встречаются они довольно редко. В настоящее время подобные чаши известны по раскопкам из могильника хутора Кубанского (Усть-Лабинского района) и с Краснодарского городища. Кроме того, поддоны найдены на некоторых кубан-

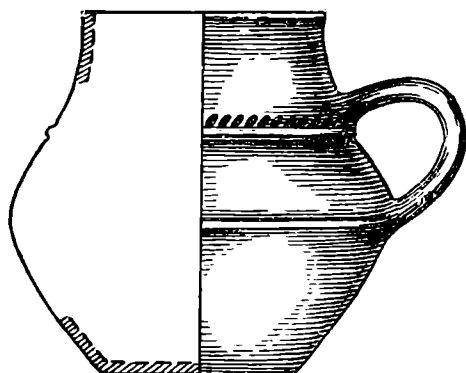

Рис. 55. Могильник станицы Ладжской. Кувшин коричневой глины.

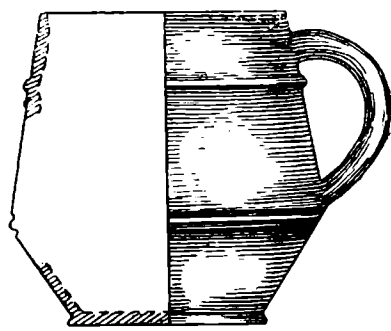

Рис. 56. Могильник станицы Ладжской. Кружка серой глины.

ских городищах (на Краснодарском городище КГЭС и др.). Заслуживает также внимания находка железного серпа. Серп небольших размеров, слабо изогнут, конец черенка для насадки деревянной рукоятки загнут (длина серпа — 0.30 м). Подобные серпы найдены на Семибратнем городище, в могильнике с. Ивановского (Тшикское водохранилище), Елизаветинском могильнике и в Краснодарском могильнике на Почтовой улице (раскопки 1929 г.). Оружие, находившееся при втором скелете, совершенно тождественно найденному в усть-лабинских склепах. Очень типичной для сарматских погребений I—II вв. является также круглая пряжка, находимая всегда на поясничных позвонках.

На основании найденного материала могила датируется I в. н. э.

Четвертый могильник, на котором были обнаружены земляные склепы, — могильник на станции Ладожской. Он расположен на Колодезной улице и начинается сейчас же у рва городища № 5 станции Ладожской. Раскопками была вскрыта большая могила, дно которой находилось на глубине 3 м. В могиле обнаружены остатки пяти костяков, причем три из них лежали на спине с вытянутыми конечностями, а кости средних были сдвинуты со своего первоначального положения и лежали в беспорядке в юго-восточной части могилы. Костяки сопровождалась большим количеством инвентаря.

Распределить инвентарь по отдельным костякам не представляется возможным, но в общем склеп, несомненно, надо отнести к богатым погребениям. Об этом говорят находки золотых украшений, бронзовых предметов, импортных сосудов и довольно большое количество местной керамики.

Местные сосуды представлены кувшинами, горшками, мисками и чашечками. В своем большинстве они представляют обычные для Прикубанья типы сероглиняной керамики. Кувшины —

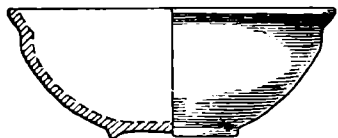

Рис. 57. Могильник станции Ладожской. Миска коричневой глины.

одноручные, изготовлены на гончарном круге, серой и коричневой глины, два из них имеют носики. По типу они совершенно аналогичны встреченным кувшинам в синхронных погребениях Усть-Лабинского могильника № 2. Некоторое своеобразие представляют два кувшинчика с довольно широким горлом и приземистым, расширяющимся книзу корпусом, с кольцеобразной ручкой, серо-коричневой глины со следами лощения. Горло отделяется от туловища рельефным пояском, украшенным вдавленным орнаментом; по корпусу идут две горизонтальные линии (рис. 55).

Фрагменты аналогичных сосудов были встречены в довольно большом количестве на городище № 2 станции Ново-Лабинской. Один из сосудов, изготовленных на гончарном круге, имеет форму горшка (рис. 56), но с ручкой, что придает ему вид широкогорлой большой кружки. Кроме того, найдены небольшие плоские чашечки коричневой глины с широким отогнутым наружу краем (рис. 57) и обычной формы сероглиняная миска. Лепные сосуды представлены двумя горшками баночной формы, с отогнутым наружу венчиком грубой работы, черно-коричневой глины, маленьким узкогорлым горшочком и двумя кувшинами с низким и сравнительно узким горлом черной глины, один из которых тщательной выработки и хорошо лощеный. Последний по типу и характеру лощения напоминает ранние образцы скифской керамики. Из импортных сосудов, как выше было отмечено, в склепе были найдены: миска II в. до н. э. с несколько загнутым внутрь краем, светлой глины, покрытая внутри и наполовину снаружи (в верхней части) бурым лаком, и родосская амфора с клеймами на ручках (рис. 58). Амфора красновато-желтого цвета, корпус — яйцевидной формы на низкой цилиндрической ножке, с высоким горлом, угол при изгибе ручек острый, клейма прямоугольной формы, левое клеймо — трехстрочное, наложено небрежно и сильно стерто, так что прочтению почти не поддается, на втором клейме надпись однострочная и также сильно стертая (различимы только первая и последние буквы $\Upsilon . . . . \lambda$). Размеры амфоры: высота — 0.81 м, высота горла — 0.086 м, диаметр горла — 0.11 м, диаметр корпуса — 0.33 м, емкость ее — 26 л. Находки цельных родосских клейменных амфор на юге СССР сравнительно редки.

Е. М. Придик насчитывал их для СССР всего только две.¹ За последние годы число их, конечно, должно было увеличиться. Из находок на Кубани к настоящему времени известно не менее семи клейменных родосских амфор (кроме вышеописанной) и одна без клейма.

Две амфоры найдены при раскопках могильника на станции Елизаветинской в 1934 г. (В. А. Городцов), не менее двух амфор (в погребениях № 2 и 28) найдены в том же могильнике в 1935 г., две амфоры — в могильнике № 2 на станции Усть-Лабинской (из погребений № 28—1937 г., хранится в государственном Эрмитаже, и из находок 1938 г. — в Краснодарском краевом музее). Одна амфора — из станции Елизаветинской, хранится в Краснодарском музее, и, наконец, амфора без клейма найдена близ станции Старо-Корсунской в 1938 г. (хранится в Краснодарском музее). На Ладожском могильнике, в обрыве оврага, рядом с исследованным склепом, имеется отпечаток родосской амфоры, извлеченной из земли в 1943 г. жителем хутора Безлесного.

Из украшений, найденных в склепе, необходимо отметить пару золотых серег, браслеты, большое количество разнообразных бус, зеркала.

Серьги состоят из небольших (диаметр 0.015 м) витых колец, с прикрепленной к ним фигуркой барана. Фигурка полая, совершенно гладкая, глаза выполнены зернью. Аналогичная серьга, судя по описанию, была найдена местными жителями весной 1944 г. в могильнике станции Тбилисской, при обвале глины, а затем потеряна.

Браслетов найдено четыре: два золотых и два бронзовых. И те, и другие — простые проволочные, с заходящими друг на друга концами, причем у бронзовых концы только слегка заходят (диаметр 0.05 м). Зеркала, которых в склепе обнаружено три, совершенно однотипны. Они средних размеров (диаметр у двух — 0.15 м, у одного — 0.12 м), с небольшой плоской ручкой, имеющей на конце маленькое отверстие, служившее, по видимому, для закрепления деревянной рукоятки. На оборотной стороне имеется орнамент, прочерченный тонкими линиями и состоящий из двух concentрических кругов в центре, от которых отходят завитки; внутреннее поле последних заполнено точечным орнаментом. На одном из зеркал завитки идут в два ряда, по окружности — зигзагообразная линия. На зеркалах местами сохранились следы позолоты. Зеркала находились в деревянных футлярах, обтянутых кожей. Подобные футляры были отмечены и при раскопках могильника в станции Елизаветинской в 1935 г., (погребение № 44). Аналогичные зеркала были найдены и в могильнике № 2 на станции Усть-Лабинской и в могильнике в станции Елизаветинской в погребениях эллинистического времени.

Бусы в большинстве — мелкие сердоликовые, пастовые, гиширозовые, стеклянные, одна из горного хрусталя и одна из кварца, пять мелких глазчатых, одна (более крупная) из голубой египетской смальты. Кроме того, найдены две крупные глазчатые бусы из синей стеклообразной массы,

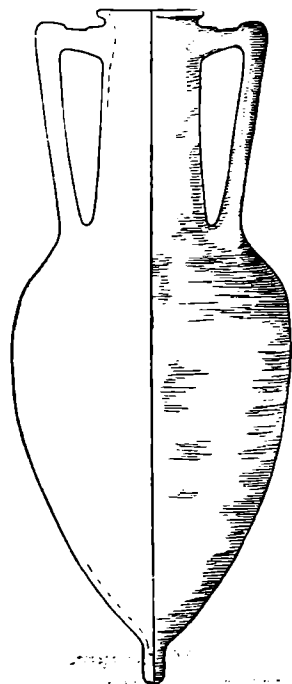

Рис. 58. Могильник станции Ладожской. Родосская амфора.

¹ Е. М. Придик. Керамические находки из раскопок Тиритак и Мирмекия в 1932—1934 гг. Материалы и исследования по археологии СССР, № 4, стр. 117 и стр. 190, М.—Л., 1941.

одна крупная круглая из опала и две таких же меньшей величины. Вместе с бусами встретилась овальной формы вставка из синего стекла. Украшениями пояса или одежды являлись мелкие бронзовые бляшки с выпуклой серединой и узким ободком. Найдено их около 40. Аналогичные бляшки довольно часто встречались в погребениях могильника № 2 на станции Усть-Лабинской.

Предметов вооружения в склепе найдено мало. Оружие представлено только железным наконечником копья листовидной формы с продольным ребром (рис. 59), длина — 0.24 м, ширина — 0.05 м; небольшим наконечником дротика (длина около 0.25 м), которое лежало под наконечником копья и совершенно разложилось, и мелкими железными трехгранными втульчатými наконечниками стрел, около 40 штук (длина — 0.25—0.03 м). Последние довольно типичны для погребений эллинистического времени в могильниках Прикубанья.

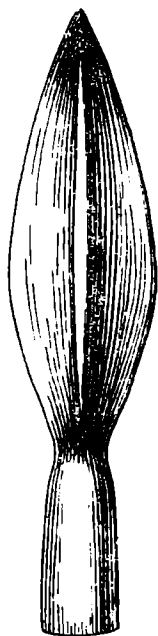

Рис. 59. Могильник станции Ладожской. Железный наконечник копья.

Кроме вышеописанных предметов, в склепе найдено два небольших железных ножичка, фрагментированный железный крючок для подвешивания меча, бронзовая выпуклая бляшка с отверстием для прикрепления (диаметр — 0.03 м), бронзовая поделка цилиндрической формы (диаметр — 0.025 м, высота — 0.025 м) и бронзовое массивное кольцо со стержнем.¹

Весь вышеописанный материал дает довольно точную дату для склепа — II в. до н. э.

Земляные склепы являются довольно обычной формой погребения для Юго-Восточной Европы как в греческий, так и в римский периоды.² Они известны и для некрополей античных колоний юга СССР (Фанагории, Херсонеса, Ольвии и др.), а также и для могильников городищ степной полосы. Примером последнего может являться могильник под названием городок Николаевка, находящийся в низовьях Днепра и принадлежащий к располагавшемуся там же городищу. Могильник был частично исследован в 1912 г. Эбертом,³ причем было установлено три различных типа погребений: в простой могильной яме, в подбоях и в земляных склепах, что указывает, как отмечает М. А. Тиханова,⁴ на различное социальное положение покойников. Это подтверждается и богатым, с большим количеством импортных предметов, инвентарем, найденным в двух склепах.

Могильник датируется первыми веками н. э. В рядовом некрополе Фанагории (некрополь «С», раскопки 1936—1937 гг.), где в подавляющем большинстве преобладали простые грунтовые могилы, были обнаружены и земляные склепы, выделявшиеся обилием погребального инвентаря. Между тем, основная масса погребений или совершенно не имела инвентаря, или инвентарь ограничивался очень незначительным количеством (одна — две) очень

¹ Аналогичное кольцо было найдено в гробнице, открытой в 1900 г. близ станции Ахтанизовской (ОАК, стр. 106, рис. 206, 1900), относящейся к позднеэллинистическому времени, и подобные, но железные кольца — в погребении № 18 (1935 г.) могильника станции Елизаветинской и в могильнике станции Ладожской, на Садовой ул. (1944 г.).

² История СССР (макет на правах рукописи), т. I, кн. 2, часть III, гл. I, стр. 15. М.—Л., 1939.

³ М. Ebert. Necropole bei dem Gorodok Nicolajewka, «Prähistorische Zeitschrift», 1913.

⁴ История СССР (макет), т. I, кн. 2, ч. III, гл. I, стр. 15, М.—Л., 1939.

простых вещей.¹ Некрополь в основной своей части датируется римским временем.

На Кубани до последнего времени земляные склепы в грунтовых могильниках не были известны. Случайно обнаруженные в 1938 г. склепы на станции Владимирской не давали еще права делать какие-либо выводы для всего Прикубанья. Работы 1944 г., проведенные на Тифлисском и Ладжском могильниках, значительно расширили наши представления о распространенности вышеописанного типа погребений и дали новые данные, позволяющие обобщить и ранее известные материалы.

Для сарматского времени в Прикубанье вырисовывается следующая картина. Основное население жило оседло по берегам Кубани и ее левым притокам в укрепленных поселениях. Некоторые районы были очень густо населены, и расстояния между городищами были весьма незначительны. На левобережье городищ меньше, и большинство из них по площади невелико. Сейчас же за внешней оградой поселений расположены некрополи, которые состоят, как правило, из небольшой группы курганов и грунтового могильника. Погребения в курганах, как выше было указано, являются наиболее богатыми; это погребения представителей высшего слоя сарматского общества. Грунтовые могильники являлись местами захоронения рядового населения. Но погребения в могильниках далеко не однородны и отражают то имущественное неравенство и далеко зашедшее социальное расслоение, которые существовали в сарматском обществе Прикубанья. В некоторых погребениях совершенно не встречено инвентаря. В других инвентарь довольно обильный, часто содержит импортные предметы и — в редких случаях — даже золотые вещи. Наконец, резко выделяются в грунтовых могильниках вышеописанные земляные склепы — как устройством могилы, так и известным богатством (например, склеп могильника на станции Ладжской). Исследованные склепы относятся к позднеэллинистическому и, в основном, к римскому времени. Более ранние склепы на Кубани пока неизвестны. Необходимо также отметить, что и курганы, раскопанные Н. И. Веселовским между станицами Казанской и Воронежской, датируются тем же временем.² Повидимому, на грани нашей эры в сарматском обществе Прикубанья происходят довольно резкие социальные сдвиги, которые и нашли частично свое отражение в погребениях.

---

¹ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. Гос. исторического музея, вып. XVI, стр. 57—59, М., 1941.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 559 сл., М., 1925.

Л. А. ЕВТЮХОВА

КЫРГЫЗСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У С. МАЛЫЕ КОПЁНЫ

Вследствие кочевого образа жизни основной скотоводческой массы кыргызского населения очень мало известны и мало исследованы места их поселений.

В основном это были кратковременные поселки-кочевья без постоянных жилищ. Они располагались главным образом на дюнах; культурный слой на них беден, и мощность его едва достигает 20—25 см.¹

Поселение у с. Малые Копёны Богградского района Хакасской авт. обл. в 1940 г. раскапывалось Саяно-Алтайской экспедицией под руководством Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева. Поселение находится на левом берегу старицы р. Енисей, в 2,5 км к северу от Копёнского Чаа-таса (рис. 60). Оно расположено на террасе под склоном горы Корова и занимает площадь протяжением в 500 м и шириной до 100 м.

Характерной особенностью этого поселения являются еле заметные снаружи впадины округлой формы. На площади, занимаемой поселением, их можно насчитать свыше шестидесяти. Экспедицией были обследованы две такие впадины, оказавшиеся остатками от жилищ.

Раскопками выяснено, что поселение следует датировать VI—IX вв. н. э., причем на этом протяжении времени можно выделить две стадии существования поселка: более позднюю, остатки которой сохранились в виде впадин от жилищ, и более древнюю, в отложениях которой впоследствии были вырыты углубления для этих жилищ. Материальная культура обеих стадий едина. Впадины образовались на месте неглубоких округлых расчисток, вероятно, сделанных некогда под юртами останавливавшегося здесь кыргызского аула. На недолговременность и легкость этих жилищ указывает полное отсутствие следов врытых в землю кольев или столбов, которые должны были быть обнаружены, если бы здесь сооружались более фундаментальные постройки.

Культурный слой достигал до 30 см толщины. Так же как и в раскопках В. П. Левашевой на поселениях у Джоева озера и у с. Быстрая, здесь были вскрыты две ямы-погребя, расположенные с запада и юго-востока от жилища № 1. Яма № 1 — овальная, с небольшим выступом к востоку, длиной 2,40 м, шириной 2 м, глубиной — 1,10 м. Яма № 2 — тоже овальная, длиной 2,5 м, шириной 2,20 м, имела в глубину 85 см. Судя по тому, что

¹ Подобные поселки на территории Минусинской котловины исследованы В. П. Левашевой в двух пунктах: на дюнах у Джоева озера, близ Минусинска, и у с. Быстрая, где были обнаружены очаги и кострища, а также небольшая землянка (у с. Быстрая): овальной формы; около нее были расположены ямы — погребя для хранения запасов мяса.

земля, заполнявшая ямы, была светлорыжевого цвета и довольно рыхлая, можно предположить, по примеру ям, раскопанных В. П. Левашевой на поселениях у Джоева озера и у с. Быстрая, что в ямах Копёнского поселения также было деревянное покрытие. Обе ямы содержали в себе большое количество костей животных, главным образом лошади. Судя по костям, в эти ямы складывались впрок большие куски разрубленных туш животных.

Особое внимание привлекает к себе керамика поселка, так как она открывает новые данные о связи таштыкской и кыргызской посуды. До сих пор в посуде, находимой при раскопках курганов древнехакасских чаа-тасов, не было точек соприкосновения с более ранней, таштыкской. Это объясняется, повидимому, тем, что в кыргызские могилы ставилась только та посуда, которая была сделана с применением новых технических приемов (т. е. кыргызские вазы), или новый тип грубой, лепленной от руки, плохого обжига посуды.

Массовую обыденную посуду в могилы не ставили, и поэтому она в материале кыргызского периода не была известна. Впервые она была найдена вместе с кыргызскими вазами в обломках на Копёнском поселении.

Во всех участках раскопа — как в части, затронутой углублением для жилищ, так и в местах с нетронутым слоем, — керамика была однородной, и всюду попадались обломки кыргызских ваз. В нижней части слоя они были найдены даже в большем количестве.

Всю массу керамики можно распределить по двум основным группам: 1) тагарско-таштыкская керамика и 2) грубая, типа Чаа-тас + кыргызские вазы. Распределение по слоям следующее:

	1-й слой	2-й слой
1. Тагарско-таштыкского типа	140 шт. 55.10%	43 шт. 45.0%
2. Кыргызские вазы	10 шт. 4.0%	29 шт. 31.0%
3. Грубая, типичная для кыргызских курганов Чаа-тас	103 шт. 40.2%	23 шт. 24.0%
		55.0%

Первая группа посуды Копёнского поселения представлена обломками сосудов, сохранивших в себе традиции тагарско-таштыкской керамики, с течением времени отчасти видоизменившихся.

Так, фрагменты, имеющие сходство с тагарской керамикой, отличаются от нее цветом и составом теста. Посуда, имеющая черты сходства с таштыкской, тоже отличается от нее.

Фрагменты сосудов, найденные в первом и втором слое (№ 682, 687, 693, 93, 162, 164, 383, 902)¹ (рис. 60а, 1) из хорошо отмученного серовато-желтого теста с примесью песка и вкраплениями золотистых блесток, имеют заглаженную до блеска поверхность без орнамента. Внутренняя сторона — серая, обжиг очень хороший. Судя по изгибу бортиков сосудов, они были большого размера, до 50 см диаметром. Форма этих сосудов баночная. На фрагменте № 763 (рис. 60а, 2) второго слоя из серого плотного теста сохранилась часть орнамента в виде концентрических вдавленных полукругов, напоминающего орнамент на сосудах из таштыкских родовых склепов Уйбатского Чаа-таса.² Также напоминают таштыкскую керамику и фрагменты второго слоя № 670 (рис. 60а, 3) и 811 (рис. 60а, 4).

¹ Коллекции ГИМ, инв. № 80590.

² То же — Уйбатский Чаа-тас, раскопки С. В. Киселева 1936—1938 гг., инв. № 79956-VI-эк-1/60.

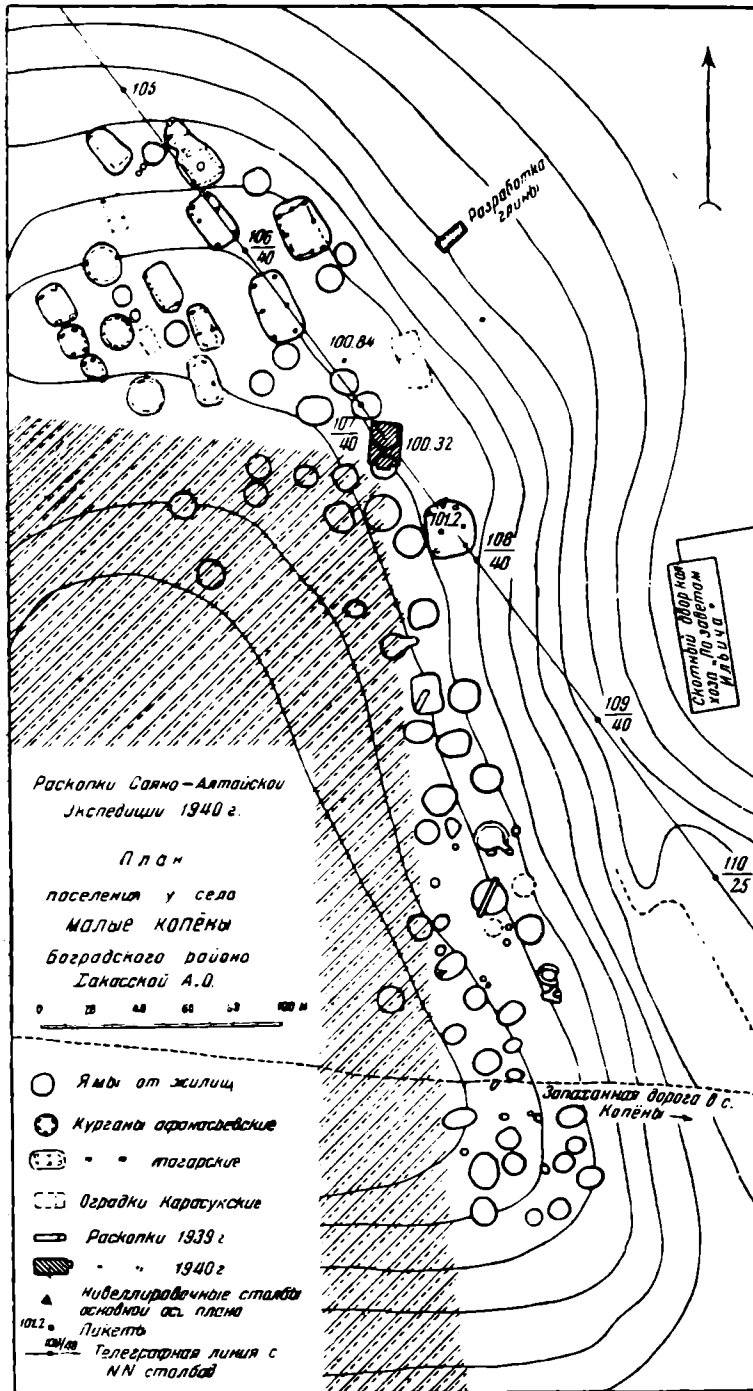

Рис. 60. План поселения у с. Малые Копёны Боградского района Хакасской авт. обл.

Первый — от небольшого тонкостенного сосуда биконической формы, из темносерого теста; второй — из светлого желтоватого плотного теста. Его поверхность снаружи и внутри хорошо заглажена, венчик кверху слегка расширяется.

Вторая группа посуды Копёнского поселения представлена фрагментами сосудов из грубого теста с большим содержанием дресвы, плохо заглаженной поверхностью, без орнамента и плохого обжига. Подобного рода сосуды постоянно встречаются в погребальном инвентаре кыргызских могил.

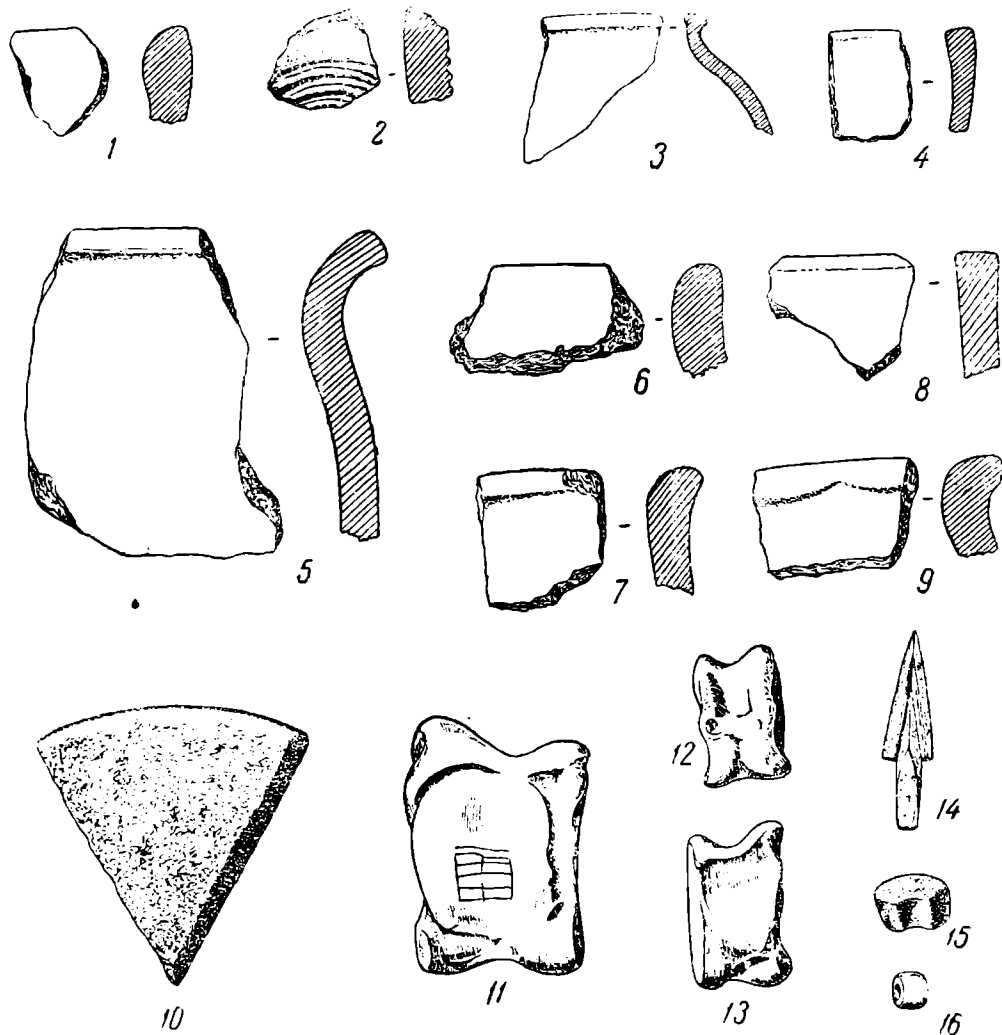

Рис. 60 а. Находки в поселении у с. Малые Копёны.

Фрагмент за № 228 (рис. 60а, 5) из первого слоя представляет собой край сосуда с частью его бока, и, несомненно, форма его была подобной сосуду, найденному на Уйбате в кургане № 2 с белым камнем, в сопровождении китайской лаковой чашечки и кыргызской вазы.¹

Несколько фрагментов от венчиков и стенок сосудов грубой выделки: № 65 (рис. 60а, 6), 212 (рис. 60а, 7), 470 (рис. 60а, 8), № 53 первого слоя и № 755 (рис. 60а, 9), 679, 680 из второго слоя — принадлежали

¹ Л. А. Евтухова. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. Тр. ГИМ. вып. VIII, стр. 112, 1.

сосудам баночной формы, также обычным для кыргызских погребений, например, из кургана № 2 с белым камнем на Уйбате.¹ В некоторых случаях этот тип посуды все же несколько более лучшей выделки, чем курганные сосуды. Здесь лучше обжиг и более плотно промешанное тесто.

К этой же группе посуды относятся обломки так называемых кыргызских ваз. На поселении они найдены в довольно большом количестве, причем в нижнем слое их было больше, чем в верхнем (первый слой — 10, второй — 29 штук).

Как видно из приведенного выше описания, керамика из поселения у с. Малые Копёны разнообразна по своим типам. Впервые здесь встречены фрагменты посуды, сохраняющей таштыкские формы и приемы, что не было известно по керамике из погребения кыргызской эпохи. Подобное существование рядовой посуды, сохраняющей архаические формы, наряду с посудой, выделяемой с применением новых технических приемов, несомненно, служит еще одним аргументом в пользу местного происхождения кыргызской культуры и ее носителей — предков современных хакасов.

Из предметов, относящихся к земледелию, найденных при раскопках на Копённом поселении, следует отметить обломок жернова от ручной вращающейся мельницы из красноватого песчаника (рис. 60а, 10). Судя по форме, это нижняя плита круглого жернова, слегка утолщающаяся к центру. Ее диаметр можно определить в 25,5 см, толщина её (ближе к середине) — около 3 см. Такой же жернов, с несколько более толстой нижней плитой, нами в 1935 г. был найден в женском погребении VII—VIII вв. на Алтае.² Подобного же рода жернов из Минусинской котловины есть и в собрании ГИМ. Здесь же найден обломок костяного шарига от свистящей стрелы. Эти шарики, как известно, были широко распространены у кочевников и часто встречаются при раскопках курганов этого времени. В курганах VII—IX вв. Курайской степи на Алтае в раскопках С. В. Киселева были найдены берестяные колчаны, наполненные железными стрелами с такими костяными шариками.³

На скальном рисунке Писаной горы у Сулека⁴ изображен всадник, стреляющий из лука такой же стрелой с напускным шариком. Эти стрелы считаются военными, так как при полете благодаря костяным шарикам они издают резкий свистящий звук, служивший для устрашения врагов. Найденный на Копённом поселении костяной наконечник стрелы — плоский черешковый (рис. 60а, 14). Вдоль лопастей прорезана заостренная к концу выемка, служащая продолжением черешка, более тонкого, чем лопасть стрелы. Аналогичные стрелы среди памятников кыргызской эпохи нам неизвестны. Отчасти этот наконечник прорезью вдоль черешка напоминает найденный А. В. Адриановым в 1895 г. в тагарском кургане на Думной горе⁵ двухшипный наконечник стрелы.

Может быть, и здесь мы имеем отражение архаических технических приемов в выделке костяных наконечников стрел.

Среди находок следует отметить небольшой железный нож (11,5 см длины) обычной формы, и обломок глиняного пряслица диаметром около 2,5 см, цилиндрической формы (рис. 60а, 15).

Интересна находка трех игральных астрагалов. Два из них — бараньи

¹ Там же. Коллекции ГИМ из раскопок С. В. Киселева у с. Тесь, у с. Георгиевская Гора в каменном кургане № 3, погребение № 1.

² С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова. Отчет Саяно-Алтайской экспедиции ГИМ, вып. XVI, рис. 21.

³ Там же, рис. 19, 50, 54.

⁴ Н. Appelgren-Kivalo. Alt-Altische Kunstdenkmäler, рис. 78, Helsingfors, 1931.

⁵ Отчет ИАК за 1895 г., стр. 149. Отчет А. В. Адрианова о раскопке курганов, произведенной им в 1895 г. в пределах Минусинского округа Енисейской губ.

(рис. 60а, 12, 13); у одного на боку имеется сверленное отверстие, у другого зашлифована боковая поверхность. Третий — астрагал коровы (рис. 60а, 11), несомненно, также игральный, так как на спинке у него процарапан четырехугольник, заштрихованный внутри четырьмя параллельными линиями. Игральные астрагалы в Минусинской котловине известны еще с бронзовой эпохи. Нами в 1940 г. при раскопках карасукского погребения мальчика в каменном ящике на территории Копёнского поселения были найдены игральные кости, затесанные с разных сторон. Широкое распространение эта игра из астрагалов барана получила в таштыкскую эпоху. В родовых погребальных усыпальницах Уйбатского Чаа-таса нами с С. В. Киселевым было найдено огромное количество этих астрагалов, причем многие из них были снабжены нацарапанными родовыми и счетными знаками, напоминающими знаки орхоно-енисейского алфавита. От кыргызской эпохи нам известен астрагал барана с изображением косых крестиков на спинке, найденный в насыпи около второй могилы кургана № 1 Копёнского Чаа-таса.¹ Крестики на этом астрагале сделаны таким же неглубоким тонким штрихом, как и на астрагале коровы из Копёнского поселения.

Сердоликовая цилиндрическая бусина сходна с найденной в раскопках кургана № 9 Копёнского Чаа-таса (рис. 60а, 16).

Кости животных, найденные на поселении, принадлежали следующим видам и в процентном соотношении распределяются по слоям:

Первый слой		Второй слой
Барана	58.4%	49.5%
Лошади	25.8%	18.0%
Коровы	15.0%	32.0%
Оленя	0.8%	
Птицы	—	1 кость
Рыбы (стерлядь)		1 кость (щиток)
Рыбы		2 кости (ребра)

Находки на Копённом поселении, хотя и немногочисленны, но дают полное представление о жизни его обитателей. О развитом земледелии, с применением новых приемов размола зерна, свидетельствует находка обломка вращающегося жернова. До сих пор в Минусинской котловине круглые вращающиеся жернова известны по случайным находкам. Они вполне справедливо относились исследователями к кыргызской эпохе, по аналогии с находками в курганах VII—IX вв. на Алтае.

Кости домашних животных говорят о скотоводстве, причем на первом месте по количеству найденных костей стоит баран, затем — лошадь и корова.

Ямы, расположенные около жилищ и заполненные костями животных, служили погребями около жилищ для сохранения запасов мяса. Несколько костей оленя и птиц, а также кости стерляди дают представление об охоте и рыболовстве кыргызов.

Глиняное пряслице является доказательством выделки пряжи для производства тканей.

Остатки от жилищ в виде округлых впадин, расположенных на территории поселения, происходят, как это уже говорилось выше, от установки юрт. Эти юрты могли быть и кошомные, так как их изображения на скальных

¹ Л. Евтюхова и С. Киселев. Чаа-тас у с. Копёны. Тр. ГИМ, вып. XI, рис. 6.

рисунках известны от более раннего времени.¹ В китайской летописи Тан-Шу говорится, что дом Ажо «состоит из палатки, обтянутой войлоками...»,² в то же время они могли быть и крытые лиственной корой, наподобие бревенчатых хакасских юрт или айлов современных алтайцев, так как в китайской летописи говорится: «Зимою живут в избах, покрытых древесною корою».³ В данном переводе слово «изба» может быть употреблено в общем смысле, т. е. как жилище. Во всяком случае, круглая форма впадин могла произойти только от жилища в виде юрты. Повидимому, Копённое поселение было обитаемо более длительное время и было более постоянным поселком, чем поселения у Джоева озера и у с. Быстрая. Не случайно то, что на Копённом поселении не были найдены остатки от металлургического производства, здесь нет обломков шлаков. Как теперь уже известно по исследованиям В. П. Левашевой, плавильные горны обычно сооружались на дюнах, в стороне от жилых мест. Таким местом в этом районе, несомненно, была дюна Борок, расположенная на нижней террасе Енисея, в 1 км отсюда, и примыкающая с юга к с. Копёны.

В 1939—1940 гг. нами было произведено обследование этих дюн, и всюду на выдувах были прослежены остатки очень тонкого культурного слоя, содержащего в себе обломки кыргызской посуды, кости животных и мелкие предметы вроде бронзовых пряжек, вполне сходных с пряжками кыргызских курганов, железных ножей, медных пластинок и пр. Кроме того, здесь же постоянно попадаются обломки железных шлаков и криц. Интересен один обломок камня с прикипевшим к нему шлаком. Возможно, что это камень от стенки сыродутного горна.

---

¹ М. П. Грязнов, Боярская писаница (ПИМК, 1933, № 7—8).

² Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, часть 1, стр. 445.

³ Там же, стр. 446.

МСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ФАРМАКОВСКИЙ

(1873—1946)

29 марта 1946 г. скончался Мстислав Владимирович Фармаковский, один из старейших сотрудников ГАИМК — ИИМК, крупнейший специалист в области консервации и реставрации музейных памятников, в особенности археологического характера.

Мстислав Владимирович был человеком широких и разносторонних интересов, обладал чрезвычайно многообразной и большой эрудицией, но имя его в памяти любого археолога и музейного работника нашей страны прежде всего связывается с его деятельностью по консервации и реставрации. Здесь он в полном смысле слова был новатором.

Родился Мстислав Владимирович в Вятке (Кирове) 16 сентября 1873 г., в семье педагога. В 1895 г. Мстислав Владимирович окончил Новороссийский университет в Одессе, получив за работу об «Известиях Геродота о скифах и стране, ими занимаемой» золотую медаль. Еще будучи студентом, с 1892 г., он начал работать в музее Одесского общества истории и древностей. С оставлением Фармаковского при университете, казалось бы, предопределилась его будущая деятельность как археолога. Однако здесь сказалась разносторонность влечений и интересов Мстислава Владимировича. В 1899 г. он оставил работу в Одессе, поступил в Академию художеств в Дюссельдорфе и окончил ее успешно в 1902 г. как художник-живописец.

С 1902 г. мы видим Фармаковского снова в Одессе, в музее, где он принимает участие в работах проф. Е. Р. Штерна и Б. В. Фармаковского (своего старшего брата). Сочетая свои знания археолога и способности художника, Мстислав Владимирович начинает заниматься искусством и в то же время археологически точным воспроизведением открываемых памятников, а затем переходит к реконструкциям. Каждому археологу хорошо известны многочисленные как многоцветные, так и однотонные таблицы, иногда подписные, иногда не имеющие подписи, которые были выполнены М. В. Фармаковским для различных изданий. Достаточно напомнить о прекрасных таблицах трипольской керамики из Петрен, помещенных в I томе Трудов XIII Археологического съезда (1905), о таблицах в выпуске 34-м Материалов по археологии России (1914), о серии таблиц в альбоме к исследованию М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (1914).

В 1905—1908 гг. М. В. Фармаковский работал в Париже, в Лувре, в музее Гимэ, в Люксембургском дворце, приобретя многообразный опыт музейной работы в условиях различных по составу своих собраний музеев.

С 1908 г. Мстислав Владимирович обосновывается сначала в Петергофе, затем в Петербурге, занимаясь преподаванием в гимназиях, а в 1913 г. его назначают членом Археологической комиссии. Внимание Мстислава Владимировича привлекают памятники либо поврежденные, либо носящие на себе следы ряда этапов своей «жизни». В тонком исследовании он устанавливает три этапа в истории серебряного блюда епископа Патерна из Перещепинского клада (ИАК, вып. 49, 1913). Путем долгого, кропотливого изучения остатков горита, найденного в кургане Солоха, Фармаковскому удается восстановить этот важнейший памятник (Изв. РАИМК, т. II, 1922).

Однако полного размаха деятельность М. В. Фармаковского достигает только в новых условиях Советского государства, после организации в

1919 г. на базе 6. Археологической комиссии Российской академии истории материальной культуры (позже ГАИМК, с 1937 г.— ИИМК АН СССР). В этом новом учреждении возникает, по инициативе академика Н. Я. Марра и под руководством академика А. Е. Ферсмана, Институт археологической технологии, задачей которого является применение современного естествознания и современной техники к делу исследования и сохранения древних памятников, добываемых в процессе археологических раскопок. Взять от памятника все, что он может дать для познания культуры далекого прошлого, и сохранить этот памятник для будущего, когда к нему возможно будет приложить еще более совершенные методы исследования,— вот как ставилась задача перед новым институтом.

Можно без преувеличения сказать, что в течение долгого времени именно М. В. Фармаковский был «душою», основным *spiritus movens* этого единственного в своем роде учреждения. С 1920 г.— ученый секретарь Института, заведующий разрядом керамики и стекла, Мстислав Владимирович принимал активное участие в работе и всех других подразделений Института. Счастливые находки Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в курганах Ноин-Улы в Монголии (1924—1925 гг.) привели к переключению работы Мстислава Владимировича на исследование добытых здесь в большом количестве древних тканей. Для их исследования и

консервации была организована специальная лаборатория, работавшая под непосредственным руководством Мстислава Владимировича и добившаяся блестящих результатов как по исследованию технологии самих тканей, их первоначальной расцветки, определению примененных красителей, так и по консервации этих ценнейших памятников.

С 1934 по 1937 г. М. В. Фармаковский заведывал кафедрой реставрации и консервации в преобразованном Институте исторической технологии ГАИМК.

Плодом работы М. В. Фармаковского в Институте явился ряд его исследований, частично напечатанных, но в значительной части остающихся еще в рукописях.¹ Среди них — большая работа о черной карбонизованной керамике, целая серия работ о древних красителях и крашении тканей, работы по технике, реставрации и консервации живописи.

Наряду с работой в РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР М. В. Фармаковский много поработал и непосредственно в музеях.

Нельзя не упомянуть и о большой педагогической работе М. В. Фармаковского (Высшие курсы искусствоведения, Ленинградский государственный университет, Институт им. Н. К. Крупской). Его курсы музееведения, реставрации и консервации дали многим молодым работникам наших музеев хорошую ориентировку в сложном комплексе музейной работы.

В годы Великой Отечественной войны М. В. Фармаковский оставался в блокированном Ленинграде, непрерывно продолжая работу в Русском музее. В 1944 г. Мстислав Владимирович вернулся в Институт старшим научным сотрудником. 9 января 1946 г. Ученый совет Отделения присудил М. В. Фармаковскому за его большую работу «Методика исследования древних тканей», законченную автором в дни войны, ученую степень доктора исторических наук.

К сожалению, этот успех Мстислава Владимировича оказался последним на его жизненном пути. Несмотря на изумительную физическую выдержку, здоровье его оказалось настолько подорванным перенесенными лишениями, что короткая болезнь на 73-м году оборвала его долгую трудовую жизнь.

А. А. Иессен

---

¹ М. В. Фармаковский. Консервация и реставрация музейных коллекций. М. 1947 г.

непосредственное продолжение кочедыга, и морду с тупым концом.

На голове обозначены небольшие, острые уши. Передние лапы непосредственно сливаются с нижней частью головы. Пасть животного закрыта и дана в виде полого круга, через который продевался ремень с узлом для ношения у пояса. Трудно определить, какого зверя

полнены реалистично. По своей передаче они сближаются с памятниками звериного стиля ананьинской культуры. Наиболее близка им головка лося, найденная А. В. Збруевой на Пижемской городище в слое с вещами пьяноборской культуры. В этих областях, как и других, где распространены памятники звериного стиля, в первые века нашей эры,

Рис. 61. Костяной кочедыг из коллекции Н. А. Самгина.

изобразил мастер; лишь по маленьким, острым ушам и положению передних вытянутых лап с широким концом можно полагать, что в данном случае изображен часто встречающийся образ медведя, один из любимых сюжетов дяковских охотников.

Подобное изображение уже встречено на древнейшем из дяковских городищ — старшем Каширском,¹ где в форме головы медведя моделирован конец рукоятки ножа. Однако трактовка каширской фигурки существенно отличается от нашей реалистичностью: на ней обозначены глаза в виде железных кружков, ноздри, тупая морда, закрытая пасть и маленькие уши. С изображением кочедыга каширская рукоятка имеет лишь отдаленное сходство. Можно говорить только о совпадении в обоих случаях тупой морды и маленьких ушей, которые свидетельствуют о том, что в обеих скульптурах изображено одно и то же животное, в одном случае — реалистически, в другом — крайне стилизованно.

Своей стилизацией описываемый кочедыг отличается от другой фигурки — фигурки лошадки из Дьякова городища.²

Более ранняя Каширская и поздняя Дьяковская, различные по стилю, обе вы-

в изображениях зверей появляется стилизация, превращение отдельных частей тела в элементы орнамента. Это заметно в ряде памятников пьяноборской, таштыкской и сарматской культур. В дальнейшем изображения еще более схематизируются и окончательно превращаются в орнамент.

Среди известных вещей звериного стиля интересующий нас кочедыг с первыми чертами геометризации нужно отнести к поздней группе вещей — к первым векам нашей эры. Он несколько моложе дяковской лошадки, в которой заметны еще начальные шаги стилизации. С другой стороны, он старше вещей IV—V вв. н. э., когда широко распространяются изделия так называемой готской культуры с господствующим геометрическим орнаментом.

Фигурка на кочедыге по своей композиции может быть сопоставлена с более ранними памятниками скифского звериного стиля. Примером могут служить фигурки волков из курганов Черная гора¹ и Олень,² изображенных лежащими с вытянутыми вперед передними ногами. Это сопоставление подчеркивает, что искусство скифов и племен лесной зоны Восточной Европы тесно связаны между собой.

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище, Л., 1933.

² ЗРОРАО, т. V, вып. 1, стр. 129, рис. 13, СПб., 1893.

¹ ОАК, стр. 38, рис. 42, 1894.

² В. Grakov. Monuments de la culture scythique entre le Volga et des Monts Ourals. ESA, т. III, стр. 47. Helsinki, 1928.

К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТИПА РУБЯЩЕГО ОРУДИЯ

(топор, тесло)

Металлические наконечники в виде массивного отточенного клина с продольной втулкой для насада его на деревянную рукоять принято называть кельтом. не решая вопроса о том, частью какого орудия служил этот наконечник. Только в некоторых случаях, по тем или иным соображениям, отдельные формы кельтов определяются как наконечники то-

вех или большинства других кельтов, во втулке которых сохранился хотя бы небольшой кусочек дерева от рукояти.

От рукояти турбинского кельта, сделанной из сосны, осталась лишь самая незначительная часть — клинообразно заостренный конец, на который был насажен кельт. Да и эта часть сохранилась не полностью. При глубине втулки в

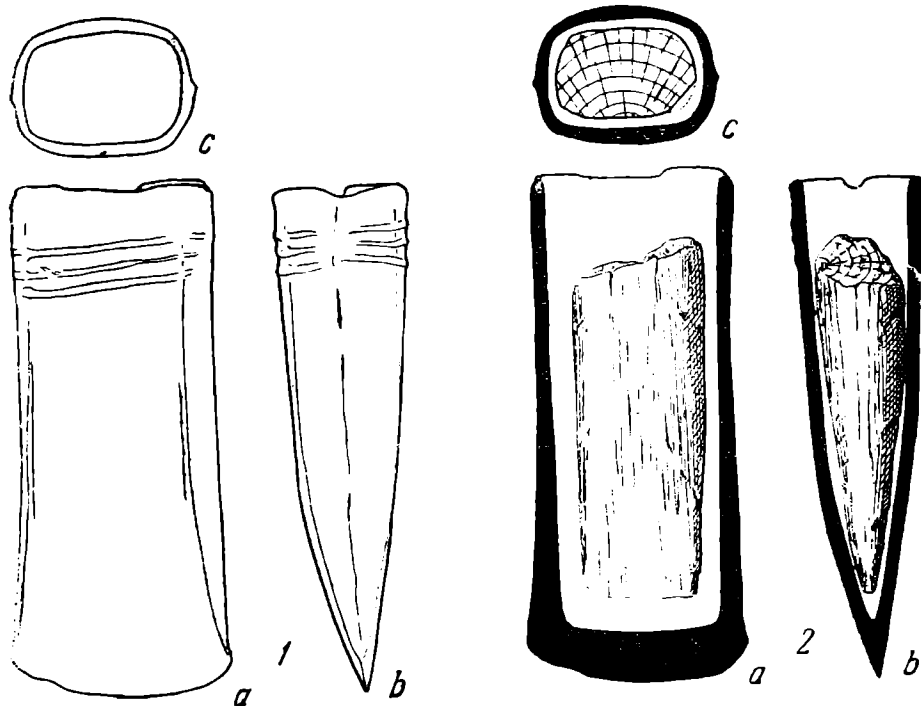

Рис. 62. Турбинский кельт из раскопок Н. А. Прокошева.

пора или тесла, или мотыги. Однако все эти определения остаются обычно лишь более или менее правдоподобной догадкой. Между тем, даже незначительные остатки рукоятки, нередко сохраняющиеся во втулке кельта, могут дать совершенно точный, объективный критерий для определения назначения орудия. Такое определение удалось мне сделать для бронзового турбинского кельта¹ из раскопок Н. А. Прокошева на р. Каме (рис. 62.1). Несомненно, это удастся и для

11 см кусок заключенного в ней дерева не достигал и 9 см в длину (рис. 62, 2). Однако и такие ничтожные остатки позволили установить основные особенности формы и устройства рукояти, способ насада на нее кельта и, наконец, назначение орудия. Ключом для решения этих вопросов послужило точное определение части древесного ствола, из которой сделан сохранившийся клин, и положение его во втулке кельта.

На остатке дерева в турбинском кельте ясно видны годовичные кольца древесины и продольные радиальные трещины (рис. 62, 2). Толщина годовичных слоев (2.5—4.0 мм), их кривизна и взаимное расположение радиальных трещин указывают, что перед нами часть молодого

¹ Фотографию этого кельта см. в отчете Н. А. Прокошева в Сборнике «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» изд. АН СССР, стр. 117, табл. XVIII, 3, М.—Л., 1941.

ствола сосны в возрасте не более 12—13 лет, что для клина использован продоль-

ное положение занимал в поперечном сечении ствола вырезанный для этой

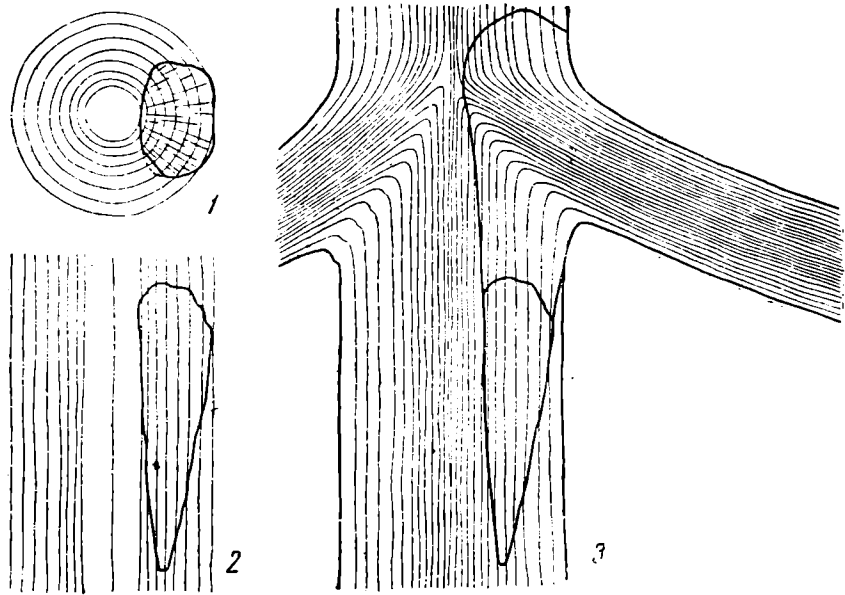

Рис. 63. Реконструкция рукояти турбинского кельта.

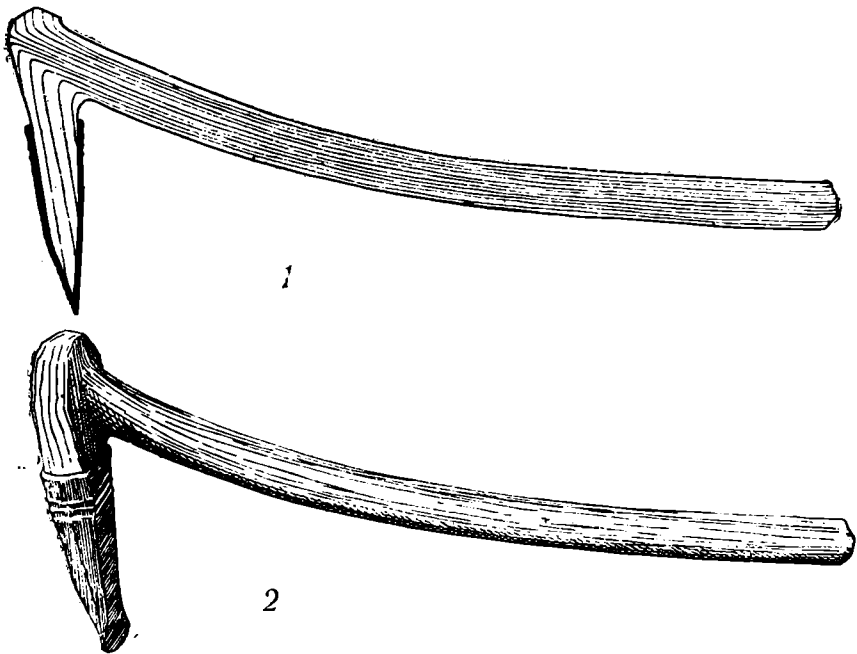

Рис. 64. Реконструкция турбинского кельта.

ный кусок периферийной части этого ствола, имевшего поперечник немногим более 7 см.¹ На рис. 63, 1 показано, ка-

кую часть рукояти кусок дерева, а на рис. 63, 2 — его положение в продольном сечении. Совершенно очевидно, что основ-

¹ Так как древесина в результате ссыхания уменьшилась в размерах, неодина-

ково в разных направлениях, точное определение диаметра ствола невозможно.

ная часть рукояти была сделана не из ствола, а из его ветви, как это и сейчас широко практикуется у ряда отсталых народов, ведущих натуральное хозяйство: прилегающая же часть ствола была использована для насада на нее кельта. Эта часть рукояти должна была иметь форму, подобную изображенной

кояты во втулке кельта с различной структурой древесины, можно совершенно точно, безошибочно и крайне просто определять положение кельта на рукояти и, следовательно, тип рубящего орудия. Достаточно лишь взглянуть на сохранившийся кусочек дерева, чтобы сказать, топор или тесло перед нами.

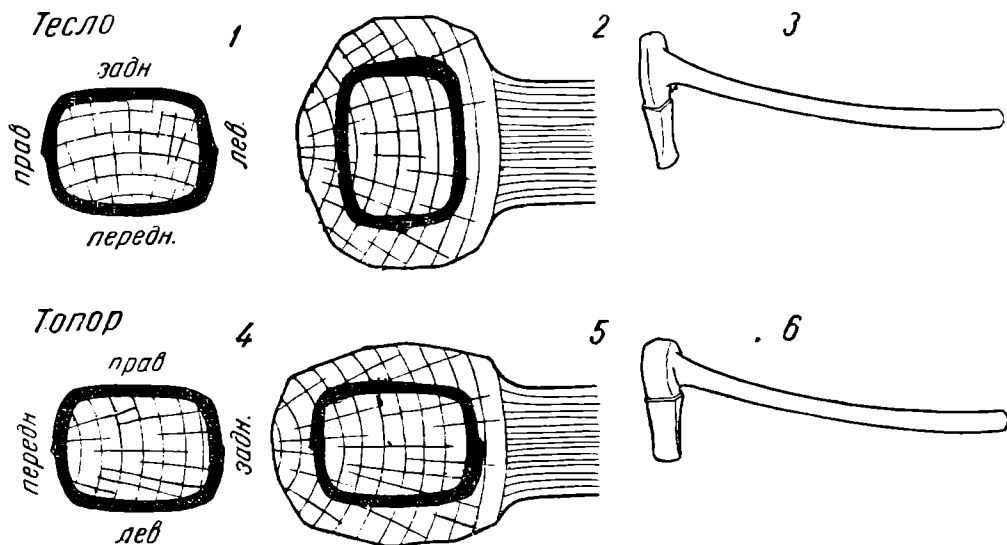

Рис. 65. К методике определения типа рубящего орудия.

на рис. 63, 3, где показаны в продольном разрезе часть ствола сосны с ветвями, изготовленная из нее рукоять и сохранившийся во втулке кельта кусочек древесного ствола.

О подобной форме рукояти турбинского кельта можно было бы предполагать и не имея сохранившегося в его втулке кусочка дерева. Наличие этого кусочка важно в том отношении, что позволяет нам определить способ насада кельта на рукоять, а следовательно, и тип самого орудия. На рис. 63, 3 видно, что турбинский кельт был насажен на рукоять так, что лезвие его было не параллельно оси рукояти, как это должно быть у топора, а перпендикулярно к ней, как у тесла. Более ясно это показано на рис. 64, 1, где представлен продольный разрез орудия в полном реконструированном виде, и на рис. 64, 2, где дан внешний вид всего орудия в целом. Перед нами не топор, а тесло.

Для доказательства правильности нашего определения нет надобности приводить все соображения за и против него, основанные на наблюдениях над особенностями формы кельта, его размеров, характера срабатанности, распределения орнамента и т. п. Наблюдения над сохранившимся во втулке кельта кусочком дерева являются решающими и не нуждаются ни в каких дополнительных изысканиях. Во всех случаях, когда имеется хотя бы незначительный остаток ру-

Наглядное представление о том, в каком положении в смысле распределения структурных элементов древесины должен находиться остаток дерева во втулке тесла и топора, дает последняя серия наших рисунков (рис. 65). Если радиальные линии и трещины перпендикулярны лезвию кельта, а дуги годичных колец параллельны ему (рис. 65, 1),— это тесло, ибо в данном случае лезвие и широкие поверхности кельта расположены перпендикулярно оси ветви, из которой сделана рукоять (рис. 65, 2—3). Если же радиальные линии и трещины параллельны лезвию кельта, а дуги годичных колец перпендикулярны ему (рис. 65, 4),— перед нами топор, так как лезвие такого кельта расположено параллельно оси рукояти (рис. 65, 5—6). Примером первого случая является рассмотренное нами тесло из Турбинского могильника, примером второго — бронзовый топор из Пазырыкского кургана на Алтае. От турбинского тесла сохранился лишь бронзовый кельт и та часть рукояти, которая была заключена в его втулке. В пазырыкском топоре недостает именно этих частей, зато полностью и идеально сохранилась деревянная рукоять, начиная от того места, которое соприкасалось с краями втулки кельта. Тем не менее, определение орудия — топор или тесло — в обоих случаях в одинаковой мере неоспоримо, так как в обоих случаях известно взаимное распо-

ложение осей лезвия орудий и рукояти.

Остатки дерева во втулке кельта дают возможность определить также, какая из сторон его являлась передней (или лицевой), какая задней и какие правой и левой. Это важно в тех случаях, когда пары противоположных сторон кельта отличаются одна от другой орнаментом, наличием на одной из них петельки или ушка, особенностями рельефа и т. п. Так, например, у турбинского кельта одна из широких сторон более плоская, другая более выпуклая, что можно видеть на рис. 62. Несомненно, что такая асимметрия орудия была преднамеренной. К сожалению, в данном случае определение передней и задней (а также левой и правой) сторон кельта оказалось невозможным из-за того, что сохранившаяся в кельте часть рукояти

при реставрации была вынута из него и вложена обратно без учета того, какая из сторон ее являлась передней, какая задней. В дальнейшем, при нахождении кельтов с остатками в них дерева от рукояти, надо строго следить за тем, чтобы эти остатки точно сохраняли свое первоначальное положение во втулке. Если же явится необходимость временного извлечения их из втулки с целью реставрации или изучения, то обязательно должно быть отмечено их положение относительно всех четырех сторон втулки кельта, чтобы при обратном вложении они точно заняли свое прежнее место. Только при соблюдении этих условий возможно правильное определение передней и задней, левой и правой сторон кельта. Как определить эти стороны, показано на рис. 65, 1 и 4.

И. И. НИКИШИН

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОЧВООБРАБАТЫВАЮЩИХ ОРУДИЯХ

Каменные, роговые и костяные почвообрабатывающие орудия в археологии обычно принято называть **мотыгами**. Однако нередко за мотыги выдаются также и многие другие аналогичные по форме орудия, которые вовсе и не применяются при обработке почвы, а используются или при земляных, или при каких-либо других работах. Недостатком здесь является не то, что одинаковое название дается орудиям, выполняющим разные по своему характеру работы, а то, что часто разные по своей форме орудия рассматриваются как орудия одного и того же функционального назначения. Происходит это потому, что разница в их формах крайне незначительна и может быть установлена лишь специалистами, которые ищут те особенности в их конструкции и характерные следы работы, которые вызываются специфическими условиями их применения. Это замечание в одинаковой степени распространяется и на орудия, связанные с земляными работами, и на почвообрабатывающие орудия. Среди последних следует выделить орудия, посредством которых производится первичная вспашка земли, а также орудия, связанные с вторичной обработкой ее, с рыхлением.

Наша задача сводится к выявлению некоторых характерных особенностей свойственных преимущественно орудиям второй группы — почвообрабатывающим. Необходимо заранее оговорить, что задача эта трудная, и в настоящей заметке она может быть решена лишь предварительно, и притом решение это будет негативное, указывающее скорее на то, что данное орудие не сельскохозяйственное,

а не на то, что оно сельскохозяйственное. Трудность позитивного решения вопроса объясняется, прежде всего, универсальностью древних орудий и обусловленной этим невозможностью выделить те из них, которые применялись бы только на сельскохозяйственных работах. С другой стороны, при определении назначения орудия с большою легкостью выделяются те из них, которые не применялись или не могли применяться на сельскохозяйственных работах.

Сельскохозяйственные орудия исторически возникли позже орудий земляных работ, но они связаны с ними генетически. Поэтому, несмотря на отмеченную универсальность, почвообрабатывающие орудия все же отражают в своих конструктивных формах как запросы старого, так и нового, выдвинутого спецификой сельскохозяйственных операций. Орудия же, не связанные с сельскохозяйственными работами, отражают лишь односторонние запросы, сложившиеся еще на предшествующей, досельскохозяйственной стадии хозяйства. Не исключены также случаи, когда по своим формам они значительно приближаются к сельскохозяйственным, что особенно часто, повидному, бывает с орудиями, употреблявшимися при доывании корней дикорастущих.

Особую трудность в этом отношении создают так называемые каменные мотыги. Они имеют несколько морфологических типов. Одни из них представляют собою конусоусеченные (вверху), довольно тонкие пластины, не более 0.5—1 см толщиной в профиле, с заостренным, широким, слегка овальным рабочим концом. Другие — сильно удлиненные, также слегка овальные, доволь-

но широкие, в профиле симметричные и весьма толстые (до 2 см и более) пластины. Третьи из них — большей частью неправильно квадратной формы пластины, асимметричные в профиле, толстые, нередко достигающие 2.5—3 см толщины. Некоторые с выпуклой стороны по всей длине как бы выгнуты, что придает своего рода вогнутость обратной, плоской стороне и тем самым как бы заранее

искать в ней почвообрабатывающее орудие, по крайней мере орудие вскопки.

Третье и четвертое орудие археологами интерпретируется в качестве земледельческих мотыг. Основанием для такого заключения обычно служит асимметричный профиль этих орудий.

Попробуем разобраться, насколько справедлив подобного рода вывод.

Мотыга — орудие ударного действия.

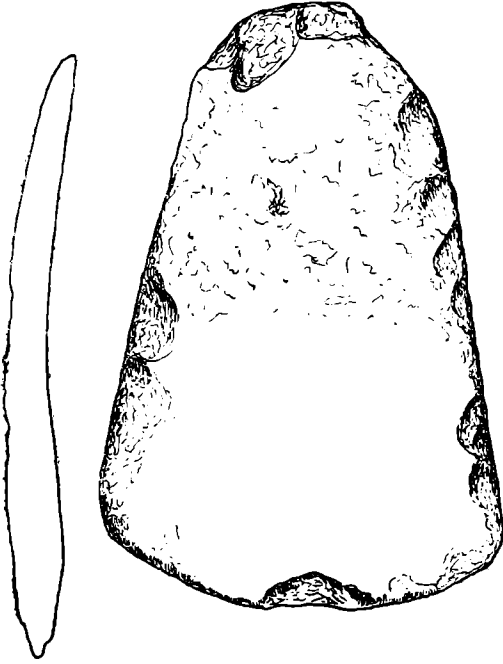

Рис. 66. Каменная мотыга.

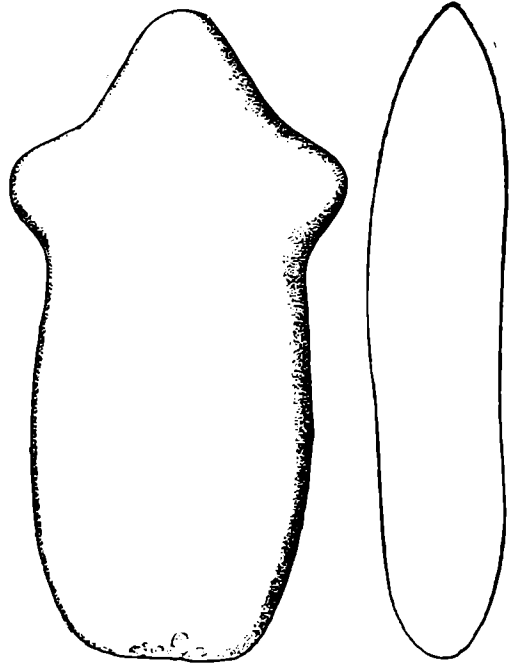

Рис. 67. Почвообрабатывающее орудие.

предопределяет положение орудия по отношению к рукоятке и способ его употребления (рис. 66). Другие не имеют выпуклой и обратной вогнутой плоской стороны, чем, следовательно, и затрудняют определение прикрепления рукоятки именно к этой плоской стороне (рис. 67).

Из четырех описанных орудий первые два относятся к неземледельческим, и следовательно, отпадает вопрос об интерпретации их как земледельческих мотыг, хотя, казалось бы, имеются все основания для того, чтобы первое из них принять в качестве именно земледельческого орудия. По характеру своего профиля эта «каменная мотыга» приближается к современной железной мотыге. Однако условия находки исключают такое предположение: орудие происходит с Чукотского полуострова, где оно применяется чукчами и эскимосами при добывании диких съедобных корней. Вторая находка является, повидимому, пешней и не заключает в себе никаких признаков, которые заставляли бы нас

Принцип ее работы аналогичен принципу работы колуна, назначение которого состоит в раскалывании дерева. Для этого ему придается в профиле форма клина, который, углубляясь в дерево, давит своими щеками на стенки последнего и, в конце концов, расщепляет его. В профиле колун имеет полную симметрию, потому что ему приходится иметь дело с такими телами, при раскалывании которых образуются для него практически почти одинаковые сопротивления в обоих направлениях.

Назначение каменной мотыги, в случае, если она используется в качестве основного орудия для обработки почвы, состоит в том, чтобы откалывать (а не раскалывать) от огромной массы земли небольшие куски; в связи с этим мотыге придается асимметричный профиль. Известно, что всякое раскалывание связано с работой клина, и, следовательно, для процесса откалывания требуется работа полуклина, а не клина. Полуклин в данном случае наиболее соответствует

условиям работы. Будучи направлен своей плоской стороной к основной части тела (т. е. в сторону поля), а выпуклой — к части, подлежащей отколу (т. е. в сторону пашни), он производит работу с минимальной затратой усилий. На этом основании следует полагать, что каменная мотыга выполняла роль орудия для основной, т. е. первичной, обработки почвы. Она имела в профиле асимметричную форму, насаживалась на рукоятку своей плоской стороной наружу, а выпуклой — внутрь. Следовательно каменные мотыгообразные орудия, имеющие насадку рукоятки не с выпуклой, а с плоской стороны, не являются орудиями первичной обработки почвы. Их можно рассматривать или в качестве орудий ее вторичной обработки (например, для разбивания комьев), или в качестве орудий для каких-то иных, неземледельческих работ. С этой точки зрения тип орудия, изображенного на рис. 67, не является мотыгой для вскапывания земли. Орудие же, изображенное на рис. 66, является земледельческим.

Что касается мотыгообразных орудий из кости, особенно из рога, то относительно них вопрос решается уже не столько исходя из формы, сколько на основании их размера и характера отполированности — как следствие работы.

На основании соотношения рукоятки, которая должна быть удобной по длине для ритмичной работы, и длины самого наконечника роговой мотыги, длина последнего не должна быть меньше

8—10 см. В ином случае мотыга не будет обеспечивать надлежащего заглубления в почву. Длина наконечника не должна быть больше 14—20 см, иначе будет крайне неудобно работать мотыгой при длинной рукоятке. Поэтому следует предполагать, что все роговые наконечники мотыг, по своим размерам выходящие за эти пределы, являются не земледельческими орудиями, а орудиями различных земляных работ. Вторым показателем в этом отношении служит размер заполированной части орудия, образовавшейся во время работы. Как правило, у земледельческих мотыг эта заполированность распространяется на 3—4, максимум 5 см (при отмере от нижнего рабочего конца). В случае, если такая заполировка начинает превышать этот размер, следует предположить, что орудие не было землеобрабатывающим, а скорее являлось землероющим. Примером последнего типа орудия может служить роговая «мотыга», открытая Т. С. Пассек на поселении во Владимировке Кировоградской обл. УССР, в трипольской землянке.¹ Орудие имеет в длину около 37 см, а заполированность у рабочего конца распространяется на высоту до 12 см. Данные признаки указывают на необходимость интерпретировать это орудие не как мотыгу, а в качестве орудия, которое использовалось при других земляных работах.

¹ Т. С. Пассек. Поселение у Владимировки, ВДИ, № 1, стр. 216, 1941.

VI. ТЕЗИСЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

А. Н. БЕРНШТАМ

ИСТОРИЯ КЫРГЫЗ И КИРГИЗСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ*(Из тезисов докторской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета Института Истории АН СССР 24 августа 1942 г.)*

«История кыргыз и Киргизстана» в значительной степени построена на материалах, добытых в результате экспедиций Комитета наук Киргизской ССР и Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук Союза ССР в 1938—1941 гг.

1. История кыргыз и Киргизстана до монгольского завоевания включает в себя три основных этапа исторического развития: первобытно-общинный, патриархально-рабовладельческий и начало феодального, тесно переплетенного с пережитками патриархальных отношений.

2. История кыргыз уходит в глубокую древность, к IV тысячелетию до н. э., но этот период может считаться лишь эпохой становления кыргызских племен. В ней только начинается кристаллизация тех этнических элементов, которые лишь к концу I тысячелетия до н. э. образовали древние кыргызские племена. Уже с этого этапа намечаются связи кыргызских племен Енисея с Тянь-Шанем, нашедшие свое полное выражение в государстве каракитаев в XII в., когда Енисей и Тянь-Шань входили в одно государственное целое. Таким образом, история кыргизов в связи с Тянь-Шанем является историей создания новой родины кыргызских племен.

3. В эпоху бронзы, несмотря на локальные черты северокиргизской бронзы, мы все же наблюдаем черты сходства с синхронными памятниками не только Енисея, но и Алтая. Наибольшее сходство устанавливается для андроновского этапа. Для Киргизстана мы еще не знаем культуры, идентичной культуре Енисея. Однако косвенные данные о заселении окружающих районов в эпоху камня и находки на территории Киргизии говорят о том, что

бронза Тянь-Шаня — не принесенное извне явление, хотя слагалось оно под сильным влиянием казахстанского очага бронзы.

4. Локальные отличия нарастают к скифской эпохе. Характерно для этого времени бытование на Енисее и Тянь-Шане по существу одного и того же расового типа, который мы можем именовать динлинским. С этого периода Енисей и Тянь-Шань оказываются втянутыми в политические события Центральной Азии. Так, в последние века до н. э. на экономику, социальный строй, расовый и этнический тип существенно влияют гунны. Енисей и Тянь-Шань — два фронта для центральноазиатских держав. Походы гуннов одинаково равномерно направлены и против усуней, и против кыргыз Енисея. В наибольшей степени эта связанность получает свое выражение в движении Чжи Чжи-шань-юя. С этим временем и связано расчленение кыргыз на две ветви: тянь-шаньскую и енисейскую.

5. Аналогичное положение складывается и в эпоху владычества племен сяньби, и в эпоху владычества племен тоба в Центральной Азии. Разница заключается в том, что связь упомянутых племен с Енисеем была более прочной, чем с Тянь-Шанем, где господствуют гунны. Разные результаты походов жужан в V в. против Енисея и Тянь-Шаня существенно определяют пути дальнейшего развития народов этих районов. На Енисее продолжает развиваться кочевая культура, на Тянь-Шане получает возможность развития согдийская культура оседлых поселений. Успешные действия племенного союза юебань против жужан, не пропустивших последних в Семиречье, создали возможность развития

согдийской колонизации в Чуйской долине. В первые века н. э. отличия Енисея от Тянь-Шаня только намечены; теперь же разница в развитии культуры становится все более ощутимой.

6. Процесс некоторого объединения енисейских и тянь-шаньских племен выполняет второе мощное (после гуннов) центральноазиатское образование. Мы имеем в виду тюркский каганат. Особенности развития племен Монголии и Семиречья ведут к расколу каганата на западный и восточный. Экономическое и политическое превосходство племен Тянь-Шаня, вошедших в западнотюркский каганат, позволяет им два раза существенно проявить силу оружия над енисейскими кыргызскими племенами.

7. Падение восточно-тюркского каганата в Монголии сильно изменяет международную обстановку. Активней выступает Китай, но он ориентируется в это время (впрочем, в этом же плане он действовал и в древности) на Среднюю Азию. Мирные паломники сменяются талантливими военачальниками (Сюаньцзан и Судинфан). Это «однобокое» стремление Китая использовать восточные племена. «Тюркский север» становится источником восстаний против китайского протектората. Посольства в Китай сменяются восстаниями против китайских наместников. Активное выступление западных тюрков, их коалиция с Тибетом дают возможность укрепиться арабам, создают плотину для просачивания китайского влияния в Среднюю Азию, развертывают возможность действия для северных тюрков. Восстанавливается восточнотюркский каганат.

Как и предшествующие центральноазиатские державы, тюркский каганат ведет сразу борьбу на два фронта — Енисей и Тянь-Шань одновременно в поле зрения восточнотюркских каганатов.

8. Изоляция Тянь-Шаня от вмешательства в дела Центральной Азии (действия Китая) и ослабление племен Центральной Азии от внутренних междоусобных войн позволяет активизироваться енисейским кыргызам, которые от участия в разгроме восточных тюрков уйгурами в 745 г. переходят в X в. к активному вмешательству в дела Центральной Азии. IX—X вв. — эпоха побед кыргыз Енисея и эпоха сложения кыргызского героического эпоса Манас. Тянь-Шань в это время втягивается в политическую жизнь Средней Азии, т. е. завершаются те процессы, которые наиболее ощутительно проявлялись еще со времени согдийской колонизации края.

9. Экономический удар по енисейским кыргызам завершается и их политическими неудачами (в результате войны с каракитаями). Кыргызское государство на Енисее сходит на-нет. Общим ударом по Тянь-Шаню и Енисею является монгольское завоевание, наступившее для этих районов одновременно.

Уже в одном этом факте, не говоря о других весьма важных предпосылках, заключался секрет военного успеха монголов.

10. Из изложенного явствует, что в древний период кыргызы являлись одним из ведущих народов Азиатского материка, а на территории Кыргызстана слагались государственные образования, определявшие судьбу народов Средней Азии в древний период, особенно с VI в. н. э.

Кыргызский народ являлся политическим гегемоном (кыргызы в Монголии) не только в отдельные эпохи, но стоял наряду с другими представителями высокой культуры Средней Азии, был одним из числа активных ее создателей.

11. Кыргызский народ и его культура были сильно подорваны в эпоху монгольского завоевания. Была разгромлена богатая культура Кыргызстана. События на его территории, связанные с войнами начала XIII в. между мусульманами и каракитаями, оседлыми городами и кочевниками канглы и карлуками, сильно разоряют страну и ее крупнейшие центры, как Баласагун, Тараз, отчасти Узген и др. Ослабление этих центров было одним из условий, способствовавших легкой победе войск Джебе-Нойона над городами Семиречья, в том числе и Кыргызстана. Роль Кучлука, несмотря на его сопротивление монголам, свелась к тому, что он подготовил «открытые двери» для монгольского вторжения в Среднюю Азию. Сами каракитаи, создавшие прообраз будущей монгольской империи, немало этому способствовали. Разгром Северной Киргизии в начале XIII в. был прелюдией к покорению Средней Азии и Восточной Европы. Это было начало «ига кровавого болота» (Маркс), в котором изнывали народы нашей страны.

12. На территории Кыргызстана почти на два века замерла жизнь, ликвидировано было земледелие, погибли города. Была сметена земледельческая культура почти тысячелетнего развития, уничтожены все достижения некогда мощной цивилизации. Как бы на тысячелетия история была отброшена назад, и в послемонгольский период снова на территории Кыргызстана абсолютно господствует кочевая культура чагатаидов, калмыков и кыргызов. На этот раз культура на более высокой ступени была восстановлена значительно позднее. Кое-что возобновляется, но не надолго, лишь при Тимуридах (XIV—XV вв.). Носителем былой культуры Кыргызстана остался кыргызский народ.

13. Передвигаясь с дальнего Енисея на Тянь-Шань в течение почти двух тысячелетий, кыргызы издревле становились современниками и соучастниками большого культурного творчества народов Кыргызстана.

На Тянь-Шане кыргызы продолжали вести кочевой образ жизни, но часть из них производила предметы из металла и оседала в городах. Оставаясь все время кочевниками, но близко соприкасаясь с городами, кыргызы уносили и откладывали в своей народной памяти. фолькло-

ре и народном творчестве культурные ценности прошлого. В кочевой культуре кыргызского народа оказались сохранными следы высокой культуры Киргизстана, когда он был в расцвете своих творческих сил.

Л. А. ГОЛУБЕВА

ТОПОГРАФИЯ ДОМОНГОЛЬСКОГО КИЕВА

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета ИИМК 29 марта 1946 г.)

1. Топография древнего Киева историками XIX в. восстанавливалась главным образом на основе письменных источников. Археологические открытия в Киеве с начала XX в. и, особенно, за последние 20 лет сделали возможным и необходимым заново пересмотреть эту тему, положив в основу ее решения археологические данные. Из числа последних особое место занимают киевские клады и некрополи, до сих пор (исключая нумизматические клады) вовсе не привлекавшиеся в качестве исторических источников.

2. В настоящее время известно свыше 160 отдельно описанных погребений в Киеве и удаётся установить следующие хронологические группы:

1) курганные погребения IX—X вв. с трупосожжением;

2) курганные погребения IX—X вв. с труположением в грунтовых могилах и в срубных гробницах;

3) погребения конца X—XI вв. (в их число входят княжеские погребения в каменных гробницах при храмах);

4) церковные кладбища XII—XIII вв. Инвентарь погребений IX—X вв. значительно отличается от более поздних.

3. Киевские некрополи принадлежат к числу наиболее крупных славянских курганных кладбищ. Разбросанность киевских некрополей соответствует множественности первоначальных киевских поселений.

В IX—X вв. основным типом погребения рядовых горожан в Киеве являлось погребение в грунтовой могиле. Военно-дружинную знать хоронили в срубных гробницах, причем воин погребался вместе с женщиной и конем или только с конем. Погребения с трупосожжениями, характерные для северной группы племен, составляют меньшинство в Киеве, и наиболее богатые из них представлены в юго-западной части города, где находились первоначальные владения Рюриковичей.

4. С введением христианства курганный обряд погребения исчезает, и курганов XI—XII вв. в Киеве мы не знаем. Уже в X—XI вв., в связи с расшире-

нием города, значительная часть курганов уничтожается.

С конца X в. курганные некрополи сменяются в Киеве христианскими кладбищами при церквях, но иногда в составе последних курганы сохраняются значительно дольше. Для конца X—XI вв. характерны княжеские погребения в каменных гробницах внутри и вблизи храмов, сменяющие захоронения военнo-дружинной знати IX—X вв. в срубных гробницах.

В конце XII — начале XIII в., в связи с запустением Киева, возникает ряд новых кладбищ за чертой городских валов, где в XII в. селились киевские ремесленники (гора Детинка).

Особую группу погребений в Киеве XI—XIII вв. составляют иноческие погребения в пещерах.

Взятие Киева татарами, сопровождавшееся массовой гибелью защитников города и мирного населения, оставило свой след в огромных коллективных могилах, обнаруженных в различных частях Киева.

5. Топография киевских кладов весьма точно отображает множественность первоначальных киевских поселений. Наиболее ранние клады (II—IV вв. н. э.) найдены только на Оболони и Печерске; клады IX—X вв. найдены также «на горе». Клады драгоценных изделий второй половины XI в. — начала XIII в. встречены только «на горе» — в районе «города Владимира», «города Ярослава» и «города Изяслава». Данные топографии и хронологии этой группы кладов подтверждают полностью положение об историческом росте киевского детинца с севера на запад и юг и позволяют говорить о княжеских усадьбах, в границах которых эти клады были зарыты.

6. Стратиграфия киевских культурных слоев говорит о заселении человеком территории Киева со времен палеолита. Культура Триполья и культура «полей погребений» уступает затем место поселениям антской поры, изученным пока еще слишком мало. VII—VIII вв. — наиболее темная пора в истории Киева и в наблюдавшихся разрезах культурных

слоев (Киселевка) представлена стерильным слоем. В IX в. на территории Киева существует несколько поселений — селищ и городищ, окруженных огромными некрополями.

Древний Киев вырос из нескольких поселений, сохранявших следы раздельного существования еще в IX в. Преимущественное значение поселения на «Старом городе» сказывается лишь к концу IX в.

7. Положение киевского детинца X в. («града Игоря и Ольги») определяется древним рвом и валом на северо-восточной окраине «города Владимира»: там же находился «Боричев взвоз» (современный Андреевский спуск), соединявший гору с Подоліем. Политическим и хозяйственным центром детинца являлся «княж двор».

В эпоху Владимира «княж двор» расширяет свои границы, включает в них дворцы, жилища и мастерские феодально-зависимых ремесленников. Центром всего ансамбля явился Десятинный храм Успения Богородицы.

При Ярославе к детинцу присоединяется территория на западе, где вокруг храма Софии возникает еще один архитектурный ансамбль.

Киевский посад («Козаре», Подол), как поселение свободного ремесленного и торгового люда, социально и топографически противостоит детинцу уже в X в.; археологически же для этого времени почти не изучен.

8. Эпоха Владимира и эпоха Ярослава оставили глубокий след в топографии Киева. Открытые в земле остатки монументальных каменных зданий гражданского и церковного характера конца X в. и половины XI в. полностью опровергают обычное представление о Киеве, как городе деревянной архитектуры.

Каменное зодчество этого времени отмечено единством стиля, отразившего в себе особенности наиболее блестящего периода в истории русского государства, предшествующего феодальной раздробленности.

9. В топографии Киева эпохи феодальной раздробленности (вторая половина XI в. — начало XIII в.) наиболее характерными чертами являются рост посада, что соответствует увеличению его значения в экономической и административно-политической жизни города, и появление новых феодальных княжеских усадеб в различных частях киевского детинца и даже вне его, как результат распада бывшего единства «княжого двора».

10. Южная часть «города Владимира» в середине XI в. становится достоянием рода Всеволода Ярославича. Еще в середине XII в. внуки и правнуки Всеволода владеют здесь княжескими усадьбами и монастырями.

Во второй половине XI в. начинается освоение так называемого Михайловско-

го отделения Киева, которое становится исключительным достоянием семьи князя Изяслава Ярославича, строящей здесь церкви и монастыри в границах своих усадеб.

Род Святослава Ярославича, менее других связанный с киевским княжением, владеет в XII в. усадьбами в районе Подола (монастырь Симеона, Кирилловский монастырь).

В районе Десятинной церкви в XII в. продолжает существовать «княж двор», называемый летописью «Ярославовым», который занимает очередь князем, сидящим «на столе», в Киеве.

11. В XII в., в связи с увеличением круга местной феодальной знати, растет количество боярских дворов в Киеве, возникающих преимущественно в районе «города Ярослава». Там же, близ городских ворот и в основном за их пределами, возникают колонии иноземных купцов, и эта часть городского детинца приобретает черты сходства с посадом.

12. Топография киевского Подола второй половины XI и XII вв. отображает бурный рост последнего. Летопись отмечает существующие торжища, вечернюю площадь, рост посадских храмов, которые являются одновременно и складами товаров. Впервые на территории Подола появляются церкви, построенные князьями. В конце XII в. Подол включается в общую систему киевских укреплений.

Примыкающие к Подолу возвышенности и удоля, как это доказывают археологические данные, покрываются жилищами и мастерскими ремесленников различных специальностей, селящихся раздельно («Гончары», «Кожемяки», поселения металлургов и ювелиров на Киселевке, разчиков по кости — там же, металлургов — на горе Детинке и др.).

13. Археологические открытия в Киеве позволяют говорить о различных типах жилых построек, бытовавших в Киеве X—XII вв.: от монументальных княжеских дворцов каменно-кирпичной кладки и рубленых деревянных боярских теремов до жилищ полуземляночного типа, служивших домами и одновременно мастерскими городских ремесленников.

14. Те же археологические данные позволяют судить о порядке размещения жилых и производственных построек в границах такого комплекса, каким является двор-усадьба феодального владельца в Киеве («княж двор»). В основе его лежит принцип кольцевого размещения жилищ, имеющий очень старые традиции.

15. В общей системе планировки центра города и таких архитектурных ансамблей, какими являлись «город Владимира», «город Ярослава», «город Изяслава», отразилось влияние Византии. Идея дворцового ансамбля была осуществлена киевскими строителями уже в постройках Владимира. В оформ-

лении городской площади по типу античного Форума, создании «Триумфального пути», связи дворцовых зданий с храмом, в постройке патрональных храмов, устройстве ипподрома на «княжьем дворе» — сказывается подражание быту византийских императоров, отразившееся в топографии Киева и в быту киевских князей.

16. Киевские укрепления детинца принадлежали к числу первоклассных и возводились по общей для других городищ системе (Белгород и др.). Мощностъ воротных башен на валах делает вероятным предположение о том, что части городских стен были каменными. К укреплениям детинца примыкали возникшие позднее линии валов, защищавших Киевский посад и ближние подступы к городу.

С конца XI в. в систему киевских укреплений входят также монастыри и княжеские усадьбы, расположенные на южных и северных подступах к Киеву, и более далекие пригороды киевские, соединенные друг с другом линией валов.

17. Пригородные княжеские монастыри под Киевом и укрепленные усадьбы

отдельных княжеских фамилий играли очень важную хозяйственную и политическую роль. О богатствах и красоте этих усадеб свидетельствуют сохранившиеся каменные храмы, в прошлом украшенные со всей роскошью городских построек («Спас на Берестовом»).

Особое место в ряду киевских монастырей занимали пещерные монастыри с их кельями, некрополями и пещерными храмами. Следы их найдены на киевских нагорьях на большом пространстве от Кирилловского до Выдубицкого монастырей.

18. Монголо-татарское нашествие и причиненное им Киеву разрушение оставили свои следы в топографии Киева. Сейчас их можно изучать не только на основании письменных источников, но и археологически.

Исторические свидетельства о запустении Киева в послемонгольское время сейчас документируются археологическими открытиями, свидетельствующими об образовании пустырей в XIV—XV вв. на месте центральных районов Киева.

М. Г. РАБИНОВИЧ

НОВГОРОДСКОЕ ВОЙСКО

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета исторического факультета МГУ 10 ноября 1943 г.)

1. Новгородское войско сохранило все типичные для русских земель особенности и не восприняло рыцарского военного строя, который так характерен для западноевропейского средневековья. Черты, отличавшие новгородское войско от военных сил других русских земель, являлись следствием особенностей социальной и политической структуры самого Новгорода, а не результатом заимствований с Запада.

2. Главной отличительной особенностью, в значительной мере определившей все другие отличия новгородского войска, являлся его социальный состав, который уже с глубокой древности был весьма сложным и за рассматриваемый период (X—XV вв.) подвергался существенным изменениям.

3. В древнейший период новгородское войско составлялось из ополчений населявших Новгородскую землю племен — словен, кривичей и чуды, а также из наемных — варяжских дружин. Эти племенные ополчения уже в X—XI вв. постепенно уступают место территориальным отрядам городов — самого Новгорода и подчиненных ему «пригородов» — Пскова, Ладоги, Русы и др.

4. В Новгородской земле, как и повсюду на Руси и на Западе, уже с XI в. крестьяне-«смерды» в войске, как правило,

не участвовали. Они привлекались лишь в крайних случаях для обороны от вторжений неприятеля. Войско состояло в основном из горожан, причем здесь участвовали все слои городского населения — бояре, «житьи люди», «дети боярские», купцы, «черные люди» и даже духовенство.

5. В XI—XIII вв. большую роль в войске, как и в политической жизни республики, играли демократические городские низы — «черные люди», главным образом ремесленники. С XIV в. их активность падает, и в войске еще более усиливается значение бояр и «детей боярских».

6. Эти изменения в социальном составе новгородского войска, являвшиеся следствием изменения социальной структуры всей Новгородской земли, отрицательно сказались на его боевых качествах. Новгородское войско в XIV—XV вв. мало отличалось от войск удельных князей эпохи феодальной раздробленности. Оно понесло ряд поражений от сильных соседей и в конце XV в. было окончательно разбито московскими полками.

7. Княжеские военные силы играли в новгородском войске значительную роль. Наибольшее значение имели полки великих князей, которые они приводили из

своих низовских вотчин для крупных военных операций. Дружина князя («двор»), состоявшая из его вассалов по низовским землям, была отборным конным отрядом, составлявшим ядро новгородской конницы. Для усиления обороны границ в пригородах Новгорода сидели князья-кормленщики (вассалы Новгорода) со своими дружинами.

8. Ограниченность социальной среды, из которой комплектовались средневековые войска, а также низкий уровень развития производительных сил обуславливали сравнительно небольшую численность отрядов. Ополчение всей Новгородской «волости» исчислялось обычно в 5—7, редко в 10 тысяч человек. Городской «полк» самого Новгорода состоял из 3—4 тысяч человек, дружины князей — из нескольких сотен человек, дружины бояр — из нескольких десятков холопов. Такая численность войска была в ту пору обычна и для других русских княжеств и государств Запада.

9. В отличие от других русских княжеств и государств Запада, основой новгородского войска была пехота. Пехота в Новгороде комплектовалась главным образом из «черных людей», городская конница — более зажиточными классами населения. В XIV—XV вв., в связи с усилением боярских и дворянских элементов в войске, значение конницы увеличивается.

10. Ополчение Новгородской волости складывалось из новгородского полка и вспомогательных отрядов пригородов, организованных по образцу новгородского. Новгородский «полк» состоял из ополчений пяти концов, которые, в свою очередь, включали в себя по две «сотни», а «сотни» — по несколько «улиц».

11. Пять воевод, предводительствовавших ополчениями концов, составляли коллегию военачальников, командовавших новгородским полком в важных походах. Главным воеводой новгородского полка и всех сил Новгородской волости был степенной посадник, а не тысяцкий, как предполагали некоторые авторы. Новгородский князь командовал обычно соединенными силами Новгорода и Низовских земель.

12. Вооружение и техническое оснащение новгородского войска стояло на высоком по тому времени уровне благодаря большому благосостоянию горожан и возможности в случае нужды вооружать беднейших ратников на общественный счет.

13. Защитное вооружение новгородского войска было не западного, как предполагал А. И. Никитский, а восточного типа. Основными его видами были щит, броня и шлем. Щиты древнерусских воинов имели формы, характерные и для восточного, и для европейского средневековья. Броня новгородцев была

кольчужной. Кольчуга распространилась на Руси по крайней мере уже в X в., в то время как на Западе она появилась лишь после крестовых походов, в XII в. В Новгороде уже с древнейших времен были распространены плавню вытянутые кверху шлемы — «шишаки» (форма, характерная для Востока уже с глубокой древности).

14. Главным наступательным оружием пехоты и конницы было копье — ударное (собственно копье) и метательное (сулица или сова). В Новгородской земле в течение всего рассматриваемого в работе периода были на вооружении мечи западноевропейского образца, в то время как в других русских областях меч уже очень рано почти вовсе вытесняется саблей. Мечи были в основном оружием конных — княжеской дружины и бояр. Пеший же городской полк был вооружен топорами. По своим формам новгородские топоры тесно связаны с другими русскими областями и Прибалтикой.

15. Оплотом обороны Новгородской земли была целая система (более четырех десятков) укрепленных пригородов, расположенных по границам и важнейшим водным путям. Наиболее сильно была укреплена западная граница, которую новгородцы удерживали в течение столетий. Новгородские крепости были, как правило, деревянно-земляными. Каменных крепостей было всего девять. Интенсивное строительство каменных укреплений относится к XIV в.

16. Система укреплений самого Новгорода состояла из детинца — кремля, который с начала XIV в. был каменным, вала, имеющего деревянные городни, наполненные землей, и каменные башни, а также деревянного острога по берегам Волхова. Окружавшие город монастыри были его передовыми фортами.

17. Постройка и содержание крепостей были в Новгороде делом государственным и производились за счет софийской казны. Новгородские архиепископы распорядились этими средствами, а иногда и лично руководили постройкой крепостей.

18. Развитие осадной техники в Новгородской земле было неразрывно связано с общим ходом этого процесса на Руси. В древнейший период господствовало «облежание» — голодная осада города. Этот метод осады хорошо увязывался со стратегией того времени, не ставившей задач прочного занятия территорий, взятия и разрушения городов. Штурм городов с применением осадных машин прослеживается в наших источниках не ранее XIII в.

19. Для русской военной тактики уже с XI в. характерно расчленение войска на центр («чело») и фланги («крылья»). Основными тактическими единицами были территориальные отряды отдельных княжеств и городов. Наиболее распространенным тактическим

маневром было окружение врага, удар ему во фланг и тыл. При обороне стремились принять удар противника на центр и окружить его с флангов; при наступлении применяли своеобразный косою порядок, собирая на одном из флангов кулак из сильнейших отрядов и стремясь обойти противника с этого фланга. Эти тактические задачи поручаются в новгородском войске в большинстве случаев пешему полку самого Новгорода, поддержанному конницей. В оборонительных сражениях он ставится в центре, в наступательных — на решающем фланге.

20. В период расцвета могущества Новгорода, в XI—XIII вв., в его войске главную роль играет пехота, которая комплектуется из среды демократических

городских низов, главным образом из ремесленников. Эта пехота занимает подобающее ей место в русском военном искусстве намного раньше, чем городская пехота западноевропейских городов. Преобладание пехоты в новгородском войске и ее прекрасные боевые качества объясняются социальной и политической структурой Новгорода, где большую роль в политической и военной жизни играли демократические городские низы, могущие образовать хорошую пехоту. Городской полк здесь сохранился, в то время как в Киевской Руси он был оттеснен в второй план конными дружинами князей. Эти обстоятельства и обусловили особенности состава и организации новгородского войска, тактики и стратегии его воевод.

СТАРАЯ РЯЗАНЬ

А. Л. МОНГАЙТ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета ИИМК 12 июня 1945 г.)

1. Старая Рязань является замечательным археологическим памятником, исследование которого до сих пор было недостаточным и неудовлетворительным. Проведенные раскопки не дают возможности полностью систематизировать накопившийся огромный вещевой материал. По той же причине не следует делать окончательных исторических выводов. Необходимо дальнейшее археологическое исследование городища.

2. Бедность письменных источников по истории Рязани объясняется в первую очередь гибелью летописей. Однако удается установить наличие несомненных рязанских местных летописей, позже утраченных.

3. Поселение на территории Старорязанского городища существовало с неолита. Предшественниками славян было мордовское племя эрзя, передавшее городу свое племенное имя (Эрзяния — Рязань). Мордовское население отчасти было вытеснено, отчасти ассимилировалось со славянами.

4. Старая Рязань была вятицким городом по всему облику своей материальной культуры. То же подтверждают письменные источники.

5. Рано развившись как торговый и ремесленный центр, Старая Рязань стала известной арабским путешественникам и торговцам. Она была причислена арабскими писателями к трем центрам древней Руси. По Оке, через Старую Рязань, проходил важнейший путь, связывавший Восточную Европу с Востоком.

6. Жители Рязани никогда не порывали с сельским хозяйством. Но город рос и развивался в первую очередь как ремесленный центр. Уровень развития

ремесла, его своеобразные формы позволяют считать Старую Рязань одним из важнейших ремесленных центров Древней Руси. Уже сейчас можно говорить об особых успехах в развитии ювелирного ремесла, изготовления керамических изделий, о широком распространении кузнечного и металлургического дела.

7. Нумизматические и археологические находки свидетельствуют об обширных торговых связях Старой Рязани. До XI в. важнейшими были торговые связи со Средней Азией, а с XI в. огромное значение приобретают связи с Северным Кавказом и Тмутараканью. Позже, когда были проложены дороги сквозь вятицкие леса, Рязань вливается в общерусскую торговлю с самыми различными районами Восточной Европы.

8. Связи с Тмутараканью, торговые и культурные, религиозные и династические, объясняют многие загадочные моменты рязанской истории и некоторое своеобразие материальной культуры, в том числе и совершенно уникальные архитектурные памятники Старой Рязани и Нового Ольгова городка.

9. Политическая история Рязани как центра княжества определяется в XII—XIII вв. его борьбой со степью и попытками сохранить самостоятельность. Окраинное положение Рязани подрывало ее силы и способствовало подчинению ее владими́ро-суздальским князьям.

10. Старая Рязань не была навсегда уничтожена нашествием Батые. Жизнь города возродилась; лишь постепенно в течение длительного времени ее значение падало, и она уступила первое место в княжестве Переяславу Рязанскому, в XIV в. ставшему его столицей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- АЛЮР — Археологическая летопись Южной России.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГИМ — Государственный исторический музей.
Изв. ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
«Древности» — Древности Московского археологического общества.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
ЖМНП — журнал Министерства народного просвещения.
ЗВО — Записки восточного отделения Русского археологического общества.
ЗРОРАО — Записки русского отделения Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИТУАК — Известия Таврической ученой Архивной комиссии.
IRE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
МАО — Московское археологическое общество.
МАР — Материалы по археологии России.
МАЭ — Музей археологии и этнографии.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МГПИ — Московский городской педагогический институт.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
SC — Scythica et Caucasica.
СА — Советская археология.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Алексеевич Городцов (1860—1945)

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

- М. Е. Фосс.* О датировках неолита по данным естественных дисциплин
А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура . . . . .
О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры
Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре . . . . .
А. В. Эбруева. Городище Грохань . . . . .
В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов . . . . .
Б. Н. Граков. Термин «Σχὸνθη» и его производные в надписях Северного Причерноморья . . . . .
В. Д. Блаватский. Осада и оборона в античном Причерноморье
С. В. Киселев. Из истории торговли енисейских кыргызов . . . . .
Н. Н. Воронин. К характеристике древнейшего зодчества восточных славян
А. Л. Монгайт. К вопросу о трех центрах Древней Руси . . . . .
Г. Б. Федоров. Происхождение московской монетной системы

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- М. С. Акимова.* Балановский могильник (предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.) . . . . .
Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске (раскопки в 1940 г.)
О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. (предварительное сообщение) . . . . .
Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья . . . . .
Л. А. Евтюхова. Кыргызское поселение у с. Малые Копёны . . . . .
А. Иссен **М. В. Фармаковский** (1873—1946)

III. ИНФОРМАЦИЯ

- Смирнов.* Новые памятники дьяковской культуры . . . . .
М. П. Грязнов. К методике определения типа рубящего орудия (топор, тесло)
И. И. Никишин. Некоторые замечания о почвообрабатывающих орудиях . . . . .

IV. ТЕЗИСЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

- А. Н. Бернштам.* История кыргызов и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания . . . . .
Л. А. Голубева. Топография домонгольского Киева . . . . .
М. Г. Рабинович. Новгородское войско . . . . .
А. Л. Монгайт. Старая Рязань . . . . .

ИСПРАВЛЕНИЯ и ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
23	28 св.	П. А. Третьяковым	П. Н. Третьяковым
59	4 св.	С. В. Киселевым	С. В. Киселевым
66 и	сноски 1		
71	и 2	Л. Н. Эдинга	Д. Н. Эдинга
104	сноска 10	Slavanski	Slovanské
127	19 сн.	т сновного	основного
176	1 св.	VI	IV

Краткие Сообщения ИИМК, вып. XVI